

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

2021 Том 26 № 2

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Научный журнал
Издается с 1996 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61204 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Коваленко А.Г., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Волкова И.И., доктор филологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Галай К.Н., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: galay-kn@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Базанова А.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Бодор Ф., профессор факультета гуманитарных наук, Университет Бордо III имени Мишеля де Монтеня, Бордо, Франция

Борхес-Рей Э., доктор в сфере медиакоммуникаций, адъюнкт-профессор по программе журналистики, Северо-Западный университет в Катаре, Доха, Катар

Голубков М.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Дрок Н., PhD, профессор, президент Европейской ассоциации преподавателей журналистики (ЕЈТА), заместитель председателя Всемирного совета по журналистскому образованию (WJEC), профессор школы медиа, Университет прикладных наук Виндсхайма, Зволле, Нидерланды

Жаккар Ж.-Ф., профессор кафедры средиземноморских, славянских и восточных языков и литератур, Женевский университет, Женева, Швейцария

Желтухина М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

Киссель В.С., ведущий научный сотрудник международной лаборатории изучения российского и европейского интеллектуального диалога, профессор восточноевропейской литературы и культуры, Бременский университет, Бремен, Германия

Кихней Л.Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы, Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия

Лободенко Л.К., доктор филологических наук, профессор, директор Института медиа и социально-гуманитарных наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Панасенко Н., доктор филологических наук, профессор департамента лингвистики факультета массовых коммуникаций, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Трнава, Словакия

Саймонс Г.Дже., PhD, профессор, адъюнкт-профессор департамента государственного управления, научный сотрудник Института исследований России и Евразии, Университет Упсалы, Упсала, Швеция

Сколари К., доктор лингвистики и коммуникаций, профессор, адъюнкт-профессор факультета медиакоммуникаций, Университет Помпеу Фабра, Барселона, Испания

Тилак Г., PhD, доктор литературы, доктор менеджмента, профессор, декан факультета современных наук и профессиональных навыков, профессор департамента массовых коммуникаций, Университет Тилак Махараштра Видьяпит, Пуна, Махараштра, Индия

Флейшман Л., профессор кафедры славянских языков и литературы, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Шилина М.Г., доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА**

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), DOAJ, EBSCOhost, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области филологических исследований. Журнал является международным как по составам редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала – осуществление научного обмена и сотрудничества между российскими и зарубежными литературоведами и журналистами, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем междисциплинарного характера, касающихся литературоведения и журналистики, освещение научной деятельности профессионального научного сообщества. Приоритетными направлениями журнала являются история русской и зарубежной литературы, теория литературы, история и теория журналистики, средства массовой коммуникации и средства массовой информации, реклама, связи с общественностью России и зарубежных стран. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Одна из задач журнала – знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области литературоведческих и журналистиковедческих исследований, рекламы и связей с общественностью, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением.

Будучи международным по своей направленности, журнал нацелен на обсуждение теоретических и практических вопросов, касающихся литературного процесса, прозы, поэзии, драматургии, литературной критики, жанров журналистики, печати, радио и телевидения, рекламы, связей с общественностью. Основные рубрики журнала: «Литературоведение», «Журналистика».

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т. д.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству литературоведов и специалистов в области средств массовой информации и массовой коммуникации, рекламы и связей с общественностью, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/literary-criticism/index>

Электронный адрес редакции журнала: litjournalrudn@rudn.ru

Редактор *Ю.А. Заикина*

Компьютерная верстка *Ю.А. Заикиной*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litjournalrudn@rudn.ru

Подписано в печать 28.06.2021. Выход в свет 30.06.2021. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 15,40. Тираж 500 экз. Заказ № 202. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов»

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

2021 VOLUME 26 NUMBER 2

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Founded in 1996

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander G. Kovalenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

Irina I. Volkova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Mass Communications, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Karina N. Galay, Candidate of Philology, senior lecturer of the Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
E-mail: galay-kn@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Anna E. Bazanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Journalism, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Eddy Borges-Rey, PhD in Media and Communication, Associate Professor in Residence Journalism Program, Northwestern University in Qatar, Doha, Qatar

Philippe Buadorre, Professor of the Department of Humanities, Bordeaux Montaigne University, Bordeaux, France

Niko Drok, Ph.D, President of European Journalism Training Association (EJTA), Vice Chair of the World Journalism Education Council (WJEC), Professor of Media & Civil Society, Windesheim University of Applied Sciences, Zwolle, Netherlands

Lazar Fleishman, Professor of the Department of Slavonic Languages and Literature, Stanford University, Stanford, USA

Michail M. Golubkov, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Literature History and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Jean-Philippe Jaccard, Professor of the Department of Mediterranean, Slavic and Oriental Languages and Literatures, University of Geneva, Geneva, Switzerland

Liubov G. Kikhney, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History of Journalism and Literature, Institute of International Law and Economy named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russia

Wolfgang Stephan Kissel, leading research fellow of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Professor of East European Literatures and Cultures, University of Bremen, Bremen, Germany

Lidiya K. Lobodenko, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Media, Social Sciences and Humanities, Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Nataliya Panasenka, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Linguistic Communication of the Faculty of Mass Media Communication, University of St. Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovakia

Carlos Alberto Scolari, PhD in Applied Linguistics and Communication Languages, Professor, Associate Professor of the Faculty of Communication, Pompeu Fabra University, Barcelona, Spain

Marina G. Shilina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Advertising, Design and Public Relations, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Gregory John Simons, PhD, Professor, Associate Professor at the Department of Government, researcher at Institute for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University, Uppsala, Sweden

Geetali Tilak, PhD, DLit, DM, Professor, Dean of the Faculty of Modern Sciences and Professional Skills, Professor of the Department of Mass Communication, Tilak Maharashtra Vidyapeeth, Pune, Maharashtra, India

Marina R. Zheltukhina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Philology Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

**RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM
Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)**

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed by Russian Index of Science Citation, DOAJ, EBSCOhost, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism is a peer-reviewed international academic journal publishing research in literature and journalism. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of literature studies, journalism, public relations and advertising. The editors aim to publish original research devoted to literature and journalism: literary process, prose, poetry, drama, literary criticism, mass communication, press, radio, television, genres of journalism, public relations.

Contributions to the journal should show awareness of current research trends in these areas, and explore their implications. Methodologies for data collection and analysis can be quantitative or qualitative, and must be grounded in practices in this area. General journal sections are "Literary Studies" and "Journalism".

As a Russian periodical with an international character, the journal also welcomes articles that advance research in relevant intercultural themes, and/or explore the implications of intercultural issues in communication generally.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/literary-criticism/index>

E-mail: litjournalrudn@rudn.ru

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*

Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial office:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of the journal:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litjournalrudn@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Sprachil O.V.** Anton Chekhov's Sakhalin Island: an ongoing commentary («Остров Сахалин» А.П. Чехова: в продолжение комментария) 169
- Литвинова О.Н.** Китайская Гретхен на русской почве: вопросы генезиса и атрибуции текстов поэтической книги М. Шкапской «Ца-ца-ца» 177
- Ничипоров И.Б.** Парадоксы исторической памяти в послевоенных поэмах А. Твардовского 188

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

- Цуруева П.Ш., Минералова И.Г.** Роль ритмизации и метризации в формировании стиля и жанра прозы Б. Рахманина 198
- Жукова А.А.** Творчество и мифотворчество в «Московских текстах» А.С. Долматова 206

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Щербинина О.И.** Исход шайеннов и линчевание негров: рецепция исторических романов Говарда Фаста в СССР 217
- Кузина Д.Д.** «В недрах моей Африки»: травелоги Клода Маккея и Лэнгстона Хьюза о «стране предков» 227

ЖУРНАЛИСТИКА

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СМИ

- Shevtsov N.V., Algavi L.O.** Russkoye Bogatstvo (Russian Wealth): narodniki's magazine and the world economic crisis of 2020 («Русское богатство»: журнал народников и мировой экономической кризис 2020 г.) 237
- Эфендиева Н.Э.** Лингвокультурная организация иновещания в МИА «Россия сегодня» 247
- Gao D., Bazanova A.E.** The main lexical features of the newspaper-journalistic style in modern Chinese media texts (Основные лексические особенности газетно-публицистического стиля в современных китайских медиатекстах) 256

НОВЫЕ МЕДИА

- Лободенко Л.К., Давлетшина Е.В.** Развитие научно-популярной журналистики в условиях кросс-медиа 262

АКСИОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

- Фортунов А.Н., Воскресенская Н.Г.** Цифровые компетенции и технологии новой искренности в эпоху Web 4.0 276
- Славина В.А., Солдаткина Я.В.** Медиакультура как феномен информационной эпохи ... 286
- Vasiliev A.A., Kadygova Sh.N., Fomin A.A.** Fight against disinformation in Ukraine: challenges and prospects (Борьба с дезинформацией на Украине: проблемы и перспективы) 294

РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

- Shilina M.G., Volkova I.I.** Russian public relations in 2020: peculiar features of transformation (Российские связи с общественностью в 2020 году: особенности трансформации) 302

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

- Овчаренко А.Ю.** «Большие двадцатые годы» в истории русской литературы XX века: к столетию журнала «Красная новь» 311
- Таирова И.А.** Мифологический мир в художественных текстах тюркоязычных народов: рецензия на книгу: Шарьяфетдинов Р.Х. «Мифопоэтика татарской литературы»: монография. М. – Берлин: Директ-Медиа, 2021. 168 с. 317
- Кравец А.С.** Андрей Платонов и литературная Москва: история влияний и отражений: рецензия на книгу: Малыгина Н.М. Андрей Платонов и литературная Москва: монография. М. – СПб.: Нестор-История, 2018. 592 с. 321
- Chernyavskaya A.G.** ESports: a review of foreign and Russian media resources (Киберспорт в интернете: обзор российских и зарубежных медиаресурсов) 325
- Махмутаи Б.** Некоторые аспекты развития цифровых коммуникаций в Албании ... 331

CONTENTS

LITERARY STUDIES

HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

- Spachil O.V.** Anton Chekhov's *Sakhalin Island*: an ongoing commentary 169
- Litvinova O.N.** Chinese Gretchen in Russian literature: on the genesis and attribution of M. Shkapskaya's poetry book *Tsa-Tsa-Tsa* 177
- Nichiporov I.B.** Paradoxes of historical memory in A. Tvardovsky's post-war poems 188

CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

- Tsurueva P.Sh., Mineralova I.G.** The role of rhythm and metre in the style and genre formation in B. Rachmanin's prose 198
- Zhukova A.A.** Creativity and myth making in Moscow texts by A.S. Dolmatov 206

FOREIGN LITERATURE

- Scherbinina O.I.** Northern Cheyenne exodus and negroes lynching: historical novels of Howard Fast in the USSR 217
- Kuzina D.D.** *The Depths of My Africa*: travelogues on the land of ancestors by Claude McKay and Langston Hughes 227

JOURNALISM

HISTORY AND THEORY OF MEDIA

- Shevtsov N.V., Algavi L.O.** *Russkoye Bogatstvo (Russian Wealth)*: narodniki's magazine and the world economic crisis of 2020 237
- Efendieva N.E.** Linguocultural organization of the international broadcasting in Russia Today 247
- Gao D., Bazanova A.E.** The main lexical features of the newspaper-journalistic style in modern Chinese media texts 256

NEW MEDIA

- Lobodenko L.K., Davletshina E.V.** Development of popular science journalism in the cross-media context 262

AXIOLOGY OF MEDIA

- Fortunatov A.N., Voskresenskaya N.G.** Digital competencies and technologies of new sincerity in the Web 4.0 era 276
- Slavina V.A., Soldatkina Ya.V.** Media culture as the information age phenomenon 286
- Vasiliev A.A., Kadyrova Sh.N., Fomin A.A.** Fight against disinformation in Ukraine: challenges and prospects 294

ADVERTISING AND PUBLIC RELATIONS

- Shilina M.G., Volkova I.I.** Russian public relations in 2020: peculiar features of transformation 302

REVIEWS

- Ovcharenko A.Yu.** The "Big Twenties" in the history of Russian literature of the 20th century: to the centenary of the magazine *Krasnaya Nov* 311
- Tairova I.A.** The mythological world in the literary texts of the Turkic-speaking peoples: book review of: Sharyafetdinov, R.Kh. (2021). *Mythopoetics of Tatar literature: monograph*. Moscow, Berlin, Direct-Media 317
- Kravets A.S.** Andrey Platonov and literary Moscow: the history of influences and reflections: book review of: Malygina, N.M. (2018). *Andrey Platonov and literary Moscow: monograph*. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istorija Publ. 321
- Chernyavskaya A.G.** ESports: a review of foreign and Russian media resources 325
- Mahamutaj B.** Albanian digital communications: some aspects of development 331

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
LITERARY STUDIES
HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2-169-176

UDC 821.161.1

Research article / Научная статья

**Anton Chekhov's *Sakhalin Island*:
An Ongoing Commentary**

Olga V. Spachil

*Kuban State University,
149 Stavropolskaya St, Krasnodar, 350040, Russian Federation*

✉ spachil.olga0@gmail.com

Abstract. A study of the currently existing translations of Anton Chekhov's *Sakhalin Island (From Travel Notes)* (Luba and Michael Terpak – 1967, Brian Reeve – 1993) shows that the reason for some errors in translated texts is not always due to the negligence of translators, which is so clearly noticeable in the first translation, but rather in the incomprehensibility for foreigners of some realia in the original text. Reference to two available *Commentaries* on Sakhalin Island, by M.L. Semanova (1985) and M.S. Vysokov (2010), as well as to the works of other Chekhov scholars, did not give the sought-after explanations of certain vague excerpts from the book. Those obscure excerpts are also poorly understood by the Russian readership. In particular, we are talking about Chekhov's mention of the use of a naval rope in the surgical department (Chapter VII) and the perception of the status of a class feldscher/paramedic (Chapter XII). The author of the article offers her own commentary on difficult-to-understand passages and thus fills the gap that has arisen. Conclusions are drawn about the need to continue to provide Chekhov's *Sakhalin Island* with commentaries and notes. Such commentary should serve two purposes. Its linguistic and cultural character should help to clarify the realias not only for representatives of a foreign linguistic culture – in order to prevent gross errors in translations, but also for the present-day Russian reader, separated from the time when A.P. Chekhov's book was written by almost one hundred and thirty years.

Keywords: A.P. Chekhov, Sakhalin Island, commentary, Luba and Michael Terpak, Brian Reeve, translation

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted March 1, 2021; revised March 28, 2021; accepted April 20, 2021.

© Spachil O.V., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

For citation: Spachil, O.V. (2021). Anton Chekhov's *Sakhalin Island: An ongoing commentary*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(2), 169–176. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-169-176>

«Остров Сахалин» А.П. Чехова: в продолжение комментария

О.В. Спачиль

Кубанский государственный университет,
Российская Федерация, 350040 Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

✉ spachil.olga0@gmail.com

Аннотация. Изучение существующих на сегодняшний день переводов книги Чехова «Остров Сахалин (из путевых записок)» (Люба и Михаил Трепак – 1967 г., Брайан Рив – 1993 г.) показывает, что причиной многих погрешностей переводных текстов является не небрежность переводчиков, столь явно заметная в первом переводе, а непонятность для них целого ряда реалий в тексте оригинала. Обращение к двум имеющимся комментариям к «Острову Сахалин», М.Л. Семановой (1985) и М.С. Высокова (2010), а также к работам других чеховедов не дало искомым разъяснений данных мест, мало понятных также и для отечественного читателя. В частности, речь идет об упоминании Чеховым использования морского каната в хирургическом отделении (глава VII) и восприятия статуса классного фельдшера (глава XII). Автор статьи предлагает собственный комментарий трудных для понимания мест, который заполняет обнаружившуюся лауну. Делаются выводы о необходимости продолжения комментирования текста книги «Остров Сахалин». Такой комментарий должен иметь двустороннюю направленность. Его лингвострановедческий характер должен способствовать разъяснению реалий не только представителям иной лингвокультуры – с целью предотвращения грубых ошибок в переводах, но также и современному отечественному читателю, отделенному от времени написания книги А.П. Чехова уже почти ста тридцатью годами.

Ключевые слова: А.П. Чехов, Остров Сахалин, комментарий, Люба и Михаил Трепак, Брайан Рив, перевод

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 1 марта 2021 г.; принята к публикации 20 апреля 2021 г.

Для цитирования: Spachil O.V. Anton Chekhov's *Sakhalin Island: An Ongoing Commentary* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 169–176. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-169-176>

Introduction: Commentary on *Sakhalin Island*

Anton Chekhov's non-fiction *Sakhalin Island (From Travel Notes)* / «Остров Сахалин (из путевых записок)» (1895) [1] is not an easy reading even for native speakers. As it is of a scientific and documentary character, a compilation of his travel notes, it is still not an ethnographic or sociological study but, as Akhil

Sharma, an assistant professor in creative writing at Rutgers University (Newark) calls it, rather a work of investigative journalism: “*Sakhalin Island* is often mistakenly seen as medical anthropology instead of what it always was: investigative journalism” [2]. The uniqueness of the book can hardly be overestimated, the translators faced a very difficult task. The lexical composition of the book is extremely complex and consists of terminological vocabulary, realities of everyday life in the Russian Empire at the end of the 19th century. Time, which separates us from the events in the book, creates the need for a historical and cultural commentary. Anton Chekhov was the first to comment on his story, since Siberia and Sakhalin were not considered Russia in the public eye of his time, life there was not familiar to the population of the Central Russian Upland. A.P. Chekhov added more than 200 commentaries and notes to the text of his published book. After the first commentary by the author himself there appeared two more commentaries – by M.L. Semanova (1908–1995) [3] and M.S. Vysokov (born 1955) [4].

M.L. Semanova’s commentary was the lifetime endeavor of a professional literary critic and scholar. All editions of *Sakhalin Island*, which appeared in the USSR between 1948 and 1985, were provided with revised and updated commentary from Maria Leontievna Semanova. Over the period of more than 35 years the commentary grew in size to almost 200 pages [3], although it has never been published as a separate book. M.L. Semanova started her study of Chekhov’s texts in 1940s and kept adding new commentaries with each new edition of the Russian classic.

In 2010 M.S. Vysokov (Ph.D. in History) published his commentary which contains a lot of additional information on geographical and historical facts in and around Chekhov’s book. As a specialist on the history of *Sakhalin Island* M.S. Vysokov provided a lot of information about the island, its flora and fauna.

English translations of A.P. Chekhov’s *Sakhalin Island*

While Chekhov’s prose and drama can boast of literally hundreds of translation versions, which have been appearing since the beginning of the 20th century, his non-fiction *Sakhalin Island* has been translated only twice. The first complete version *The Island: A Journey to Sakhalin* [5]. appeared more than half a century ago and was done by Luba and Michael Terpak, two graduates of Columbia University (they held Slavic languages degree). The late couple was well known for translations of poetry from Russian, Belorussian and Ukrainian, for their articles on theatre and life in the USSR. The translation of Chekhov’s book is not perfect, it received fair criticism, but it does have a historical place being the first one. It took almost 25 years before another version, translated by Bryan Reeve, made its appearance. *Sakhalin Island* has been reprinted many times since 1993. Bryan Reeve is a British scholar, translator, holds a degree in Slavic studies, lectures on Russian music and literature of the 19th century. Bryan Reeve’s translation includes *From Siberia*/очерки “Из Сибири” the six articles written by Chekhov and published by *Novoye Vremya/New Times* (owned by Suvorin) while Chekhov was still travelling. The book is provided with extra material on Anton Chekhov’s life, works, bibliography, a selection of Chekhov’s letters and even a chapter from “Остров Сахалин” in Russian.

Comparison of the two translations revealed that though the criticism received by *The Island: A Journey to Sakhalin* translated by the Terpaks was war-

ranted, the newer version, *Sakhalin Island*, does not lack mistakes either. And, although, some are just slips, misprints (or with the Terpaks a result of mere sloppiness) there are a few places where the translators do not understand the Russian text. It turned out that Russian readership did not grasp the full meaning of the mentioned passages either. We have identified two cases of major misinterpretations and the following is an attempt to give the much needed commentary and explanation.

Ship cord for the surgical department

In chapter 7, giving an overview of Korsakovka, Chekhov mentions a small infirmary where, as he was told, some medieval practices were carried out. Here is the Russian text: “В Корсаковке есть школа и часовня. Был и больничный околоток, где вместе помещались 14 сифилитиков и 3 сумасшедших; один из последних заразился сифилисом. Говорят также, что сифилитики приготавливали для хирургического отделения морской канат и корпию” [1. P. 114]. Let’s compare two versions of the translation. The Terpaks: “Korsakovskoye has a school and a chapel. It used to have a medical center where fourteen syphilitics and three lunatics were housed together. One of the latter became infected with syphilis. They also tell me that the syphilitics *produced hawsers for ships and lint for the surgical department*” [5. P. 83]. Brian Reeve: “At Korsakovsk there is a school and a chapel. There had also been a small infirmary in which were lodged together fourteen syphilitics and three lunatics; one of the latter was infected with syphilis. I heard, too, that the syphilitics *used to prepare ship’s cord and lint for the surgical department*” [6. P. 111].

Both translations are almost similar except for the toponym “Корсаковка”. “Korsakovskoye” (Terpak) and “Korsakovsk” (Reeve) are two different place names and the Terpak’s version is closer to Chekhov’s “Корсаковка”, while Reeve’s version is, obviously by mistake, a transliteration of the present-day administrative center in Sakhalin – Корсаковск.

It goes without saying, that keeping lunatics and patients with an infectious disease in the same room is against any rules of hygiene and healthcare as they were already formulated in the second half of the 19th century. Neither was it acceptable to have them produce materials for the surgical department. The question arises, what was it in particular that both syphilitics and lunatics ‘produced’ (the Terpaks) or ‘prepared’ (Reeve)? Let’s see about the ‘hawsers for the ships’ or ‘ship’s cord’ first. The Terpaks do not give any commentaries and leave it to the reader to figure the whole thing out. It would be impossible to imagine that a few sick patients would produce real hawsers for real ships, especially since hemp, which was used as the staple material for the production in the 19th century, did not grow on the island.

Brian Reeve’s translation is closer to the Russian text, he uses the equivalent ‘prepared’ which is exactly the word Chekhov used – “приготавливали”. The confused and honest translator makes a note: “*Ship’s cord*: The meaning of this expression is obscure. Chekhov uses it in another medical context later in the text: see p. 320 and its fifth note for more information” [6. P. 352]. Reeve sends the reader to his translation of another place in Chekhov’s text where ship’s cord is mentioned for the second time. Chekhov: «У хирургических больных повяз-

ки грязные, морской канат какой-то, подозрительный на вид, точно по нем ходили» [1. С. 369]. Reeve’s translation: “The bindings of the surgical patients were filthy; they consisted of some kind of thick ship’s cord, which had a suspect look about it, as if people had been walking all over it” [6. P. 320].

The syntactic structure of the Russian sentence clearly suggests that bandages are metaphorically compared to some kind of ship’s cord, dirty as if being walked upon. Brian Reeve got confused and added ‘they consisted of’ thus changing the meaning of the sentence. The translator clearly understands the misinterpretation and gives his commentary: “*The binding... ship’s cord*: The reference to the “ship’s cord” is obscure. The term used in Russian is actually ‘sea hawser’ (*морской канат*), but an intact hawser would seem rather too weighty to tie round an arm or leg as a binding; therefore I have translated it as “cord”. Possibly the cord was being used for ligatures or tourniquets: in modern times deep wounds are packed with lint or gauze in long thin ribbons which little by little are removed as the edges of the wound begin to heal and knit together. Maybe the twine was being used for this filling of wounds in the absence of other material. The reference may also be to thicker rope, which would have been unpicked, and the oakum used to pack the wound, since this material is extremely absorbent and was at one time widely used for binding wounds in military hospitals and on ships. Presumably, being ship’s rope, the cord, to render it waterproof, would have been dipped in tar or creosote; both of these are strong antiseptics and were used to cauterize and disinfect wounds in the army and navy up until the middle of the nineteenth century. Possibly what Chekhov is suggesting is that the prison hospital was so archaic and so poorly provided for that it was still using materials which had become obsolete elsewhere forty or fifty years previously” [6. Pp. 444–445].

Russian commentaries by Semanova and by Vysokov do not say anything about how the ship’s cord was used in the surgical department. Vysokov does explain that a ship’s cord is a thick, dexterous rope [4. P. 252] but this explanation does not help to clarify the situation. We think that the explanation can be found in medical books on surgery, which were used in Chekhov’s time. The Russian translation of the 8th edition of J.F. Malgaigne’s “Guide to Operative Surgery” says that diverse substances and materials used for ligature were: silk, hemp and cotton threads, iron and calcinated silver wires [7. P. 23]. Manuals for surgery students published at the beginning of the 20th century would not mention hemp threads any longer, but would recommend mostly silk, sometimes string thread (catgut) and silver or iron wire [8]. So, the commentary given by Brian Reeve is mainly relevant except that it is given in the wrong place in the text. We don’t think that ship’s cord was ever used to tie round an arm. The only plausible explanation is that the ship cord was taken apart for hemp threads used as ligature.

‘Lint’ is also mentioned in the same excerpt from “Sakhalin Island” and the Vysokov commentary, as many other dictionaries and encyclopedias do, includes the explanation of the word. In our opinion, it would be necessary to add that plucking lint was a common occupation for patients and convalescents in hospitals and medical institutions until the 1880s. Russian stories and novels by Leo Tolstoy (“*Sevastopol Sketches*”), N. Uspenski (“*Rural Drugstore*”), A. Apukhtin (“*Unfinished Story*”) dedicated to the Crimean war (1856–1858) period mention lint plucking as charitable activity to help wounded servicemen.

On class feldschers, military medical assistants (paramedics)

Chapter XIII of Chekhov's book is dedicated to settlements in the Korsakov district. In one of them, called Bolshoye Takoe, there lived a medical assistant who was held in high esteem among the local population. Here is a quote from *Sakhalin Island*: здесь “живет постоянно классный фельдшер, которого поселенцы называют первоклассным” (Рр. XIV–XV, 208). In the Russian quote there is a play on words ‘классный – первоклассный’/‘class – first class’, which in itself is very difficult to render in translation. This stumbling block is almost an iceberg since the word ‘классный’ in combination with the word ‘фельдшер’ had in the 19th century Russian Empire an additional meaning which is lost in the translation. This sentence caused difficulty in both translations. The Terpaks: “A man who was formerly a surgeon's assistant at a medical school resides here permanently and the settlers regard him as a first-rate doctor” [5. P. 185]. Reeve: “Here a college-trained doctor's assistant resided permanently” [6. P. 195].

The Russian word ‘фельдшер’ originated from the German Feldscher and was used to mean doctor's assistant, paramedic. ‘Классный фельдшер’ was a rank in the Imperial Russian Army. According to information from the Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary, military paramedics served in military medical institutions and in all military units, they belonged to the non-combatant lower ranks of the senior category. Class Feldschers were divided by specialty into medical, pharmacy and veterinary paramedics. In the Russian Empire Class Felschers were called medical assistants until 1871; they belonged to civilian officials of the military department and were promoted to ranks, but not higher than 10th class [9. P. 443]. The possibility to be promoted was connected with the Table of Ranks, where ranks were called ‘classes’/‘классы’. Thus the title ‘классный фельдшер’ was awarded to the graduates of military schools and gave them the opportunity, beginning at the bottom, to rise through their service up to the 10th grade/class. If we try to word Chekhov's sentence differently it might look as follows: a graduate of a 4-year medical military school was awarded with the rank of Class Feldscher and had the right to give paramedical help, he was considered to be first-rate by the inhabitants of the settlement.

Chekhov's pun, with its irony and humor is lost on the present-day reader both in Russia and abroad. The Russian respondents of different age-groups were unanimous in thinking that ‘классный’ was a colloquial adjective meaning ‘cool’ and ‘первоклассный’ means ‘first rate’. Vysokov's commentary does not have any explanations. In Semanova's commentary there are no explanations either, but she uses ‘классный фельдшер’ as a formal rank: “В рапорте начальника Корсаковского округа начальнику острова дана такая характеристика классному фельдшеру М.Е. Шубину: ‘Знает свое дело и аккуратно, добросовестно выполняет свои обязанности’ ” (Д/В, ф. 1133, оп. 1, ед. хр. 49, л. 89). О самоубийстве жены Шубина писал Чехову М. Дмитриев 27 сентября 1890 г.: “Свободного состояния жена классного фельдшера Прасковья Шубина, женщина 28-ми, молода, не дурна собою, приняла яду <...> отравилась” (ЦГАЛИ) [3. С. 875]. It is obvious that at the time when this commentary was written educated readership had no problem understanding the rank.

Conclusion

Commentary as an analytical genre of present-day journalism has made its appearance at the end of the 19th – beginning of the 20th century, but as a genre of literary criticism it has existed as long as written texts and translations exist. The Encyclopedic Guide *European Poetics from Antiquity to Enlightenment* [10] has enough evidence to prove that as soon as the main texts, such as Canonical Scripture, of modern culture made their appearance, commentary was used to explain the texts. Sometimes these explanations were considered to be even more important than the original texts since the eternal salvation of humans depended on correct understanding and interpretation. The Renaissance, especially in Italy, was rightfully called the Age of Criticism [10. P. 130]. There appeared hundreds of writings commenting Aristotle, Horatio, their translations and adaptations, to say nothing of the Scriptures. One could find anything from grammatical explications and philological commentary on syntax, similar paragraphs from other writings, and historical and mythological explanations of encyclopedic character. This tradition, which continues to be fruitful and in great demand today, is an essential part of Chekhovian philological studies.

We hope that the two commentaries suggested by the paper will make it easier to understand Chekhov's text in Russia and beyond its borders. Commentary is a very special genre of literary criticism and while the classical literary texts themselves should not be subject to change, correction, renewal and revision of commentaries are and should be a routine, part of regular philological work. Time flows and what was clear yesterday becomes vague and obscure today. The two Russian commentaries of *Sakhalin Island* contain rich and varied facts and data, the much needed explanations. This work is not complete since new generations of readers require new explications: commentary must go on.

Список литературы

- [1] Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 14–15. Сочинения: Из Сибири; Остров Сахалин. 1890–1895. М.: Наука, 1978. 925 с.
- [2] Sharma A. Chekhov's beautiful nonfiction // *The New Yorker*. 2015, February 2. URL: <https://www.newyorker.com/books/page-turner/chekhovs-beautiful-nonfiction> (accessed: 20.03.2021).
- [3] Семанова М.Л. Примечания // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 14–15. Сочинения / А.П. Чехов. М.: Наука, 1978. С. 740–926.
- [4] Высоков М.С. Комментарий к книге А.П. Чехова «Остров Сахалин». Владивосток – Южно-Сахалинск, 2010. 847 с.
- [5] Chekhov A. *The Island: a journey to Sakhalin* / transl. by L. and M. Terpak. New York: Washington Square Press, 1967. 374 p.
- [6] Chekhov A. *Sakhalin Island* / transl. by B. Reeve. United Kingdom, Richmond: Alma Classics, 2015. 510 p.
- [7] Мальгень Ж.Ф. Руководство к оперативной хирургии Мальгенья / пер. с 8-го фр. изд.; под ред. И.И. Насилова // Медицинская библиотека. СПб., 1883. С. 23.
- [8] Бобров А.А. Курс оперативной хирургии / под ред. И.П. Алексинского. М.: Склад издания в книжном магазине Карцева, 1908. 596 с.
- [9] Фельдшера и фельдшеризм. Фельдшера военные // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб.: Тип. Акционерн. о-ва Брокгауз – Ефрон, 1902. Т. 35. С. 442–443.

- [10] Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: энциклопедический путеводитель. М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2010. 512 с.

References

- [1] Chekhov, A.P. (1978). *Complete works and letters. Vols. 14–15. Works: Iz Sibiri; Ostrov Sakhalin. 1890–1895*. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
- [2] Sharma, A. (2015, February 2). Chekhov's beautiful nonfiction. *The New Yorker*. Retrieved March 20, 2021, from <https://www.newyorker.com/books/page-turner/chekhovs-beautiful-nonfiction>
- [3] Semanova, M.L. (1978). Notes. In A.P. Chekhov, *Complete works and letters. Vols. 14–15. Essays* (pp. 740–926). Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
- [4] Vysokov, M.S. (2010). *Commentary on the book by A.P. Chekhov "Sakhalin Island"*. Vladivostok, Yuzhno-Sakhalinsk. (In Russ.)
- [5] Chekhov, A. (1967). *The Island: A Journey to Sakhalin* (L. & M. Terpak, Trans.). New York: Washington Square Press, 374 p.
- [6] Chekhov, A. (2015). *Sakhalin Island* (B. Reeve, Trans.). United Kingdom, Richmond, Alma Classics.
- [7] Malgen, Zh.F. (1883). Guide to Operative Surgery by J.-F. Malgaigne (trans. from the 8th fr. edition; I.I. Nasilov, Ed.). *Medical Library Journal*. Saint Perersburg. (In Russ.)
- [8] Bobrov, A.A. (1908). *Course of operative surgery* (I.P. Aleksinskii, Ed.). Moscow, Sklad izdaniya v knizhnom magazine Kartseva Publ. (In Russ.)
- [9] Paramedicine and paramedics. Military paramedics. (1902). *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Yefrona*, 35, 442–443. (In Russ.)
- [10] *European poetics from Antiquity to the Age of Enlightenment: An encyclopedic guide*. (2010). Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoy Publ., Intrada Publ. (In Russ.)

Bio note:

Olga V. Spachil, Candidate of Philology, Associate Professor, English Philology Chair, Kuban State University.

Сведения об авторе:

Спачиль Ольга Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра английской филологии, Кубанский государственный университет.

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2-177-187

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Китайская Гретхен на русской почве: вопросы генезиса и атрибуции текстов поэтической книги М. Шкапской «Ца-ца-ца»

О.Н. Литвинова

*Литературный институт имени А.М. Горького,
Российская Федерация, 123104, Москва, Тверской б-р, д. 25*

✉ olitvinova22@list.ru

Аннотация. Впервые подробно рассматривается поэтическая книга Марии Шкапской «Ца-ца-ца» (1923), в том числе ее рукописный генезис. Целью является объяснение роли и значения древней китайской поэзии для данного литературного произведения. Ставится задача атрибутировать тексты, составившие книгу, выяснив их переводную либо стилизованную основу. По результатам работы с архивными источниками выдвигается общий тезис о том, что все поэтические тексты книги являются переводами: сообщаются указанные Шкапской в рукописях имени Тао-Юань-Мина, Ду Фу, Бо-Цзюйи; один из текстов книги атрибутируется как Шестое стихотворение из «Девятнадцати древних стихотворений» («Ши цзю гу ши»). Снятие Шкапской фамилий китайских авторов (не только в книге, опубликованной в 1923 году, но и в рукописи 1921 года) и выстраивание организующих книгу в единый текст словесных тематических рядов «шелк», «журавль», «тысяча», «весна» – указывают на тенденцию к размытию границы «свой/чужой текст» (вопреки тому, что в автобиографиях и корреспонденции книга позиционировалась автором как «переводная с китайского») и приводят к появления центрального, основного для книги художественного образа (прием, характерный и для остальных поэтических книг М. Шкапской). Этим образом становится одинокая тоскующая женщина; появление в тексте книги прялки позволяет связать данный образ с характерным для западноевропейской литературы образом Гретхен. Подобная техника обращения с чужими текстами выводит поэтическую книгу «Ца-ца-ца» за пределы строго переводного произведения и обнаруживает черты хронологически более поздних литературных направлений (таких как постмодернизм и метапоэзия).

Ключевые слова: М. Шкапская, Ца-ца-ца, переводы с китайского, Ду Фу, Бо-Цзюйи, Тао Юань-Мин

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 3 января 2021 г.; принята к публикации 30 января 2021 г.

Для цитирования: Литвинова О.Н. Китайская Гретхен на русской почве: вопросы генезиса и атрибуции текстов поэтической книги М. Шкапской «Ца-ца-ца» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 177–187. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-177-187>

Chinese Gretchen in Russian Literature: on the Genesis and Attribution of M. Shkapskaya's Poetry Book *Tsa-Tsa-Tsa*

Olga N. Litvinova

*Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing,
25 Tverskoy Bul'var, Moscow, 123104, Russian Federation*

✉ olitvinova22@list.ru

Abstract. This article examines in detail Maria Shkapskaya's poetry book *Tsa-Tsa-Tsa* (1923) and its handwritten genesis. It explains the role and significance of ancient Chinese poetry for this literary piece of work. The problem is to attribute the texts that make up the book and find out their translated or stylized basis. The general thesis is that all the poetic texts of the book are translations: the names of Tao-Yuan-Ming, Du Fu, and Bo-Juyi indicated by Shkapskaya in the manuscripts are reported. One of the texts in the book is attributed as the Sixth Poem from the *Shi ju gu shi* (*Nineteen Ancient Poems*). The removal of the names of Chinese authors (not only in the book published in 1923 but also in the manuscript of 1921) and the alignment of the thematic word series *silk, crane, thousand, spring* that organize the book into a single text indicate a tendency to blur the border of the own-alien text (even though the book was treated by the author as “translation from the Chinese”, in autobiographies and correspondence). This trend leads to the appearance of a central artistic image of the book (it is a feature of M. Shkapskaya's poetic books). It is the image of a lonely, longing woman. The mention of the spinning wheel connects this image with the popular (especially in Western European literature) image of Gretchen. This way the poetry book *Tsa-Tsa-Tsa* goes beyond the narrowly translated work and reveals some features of chronologically later literary trends (such as postmodernism and metapoiesis).

Keywords: M. Shkapskaya, *Tsa-Tsa-Tsa*, translations from Chinese, Du Fu, Bo-Juyi, Tao Yuan-Ming

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 3, 2021; revised January 25, 2021; accepted January 30, 2021.

For citation: Litvinova, O.N. (2021). Chinese Gretchen in Russian literature: On the genesis and attribution of M. Shkapskaya's poetry book *Tsa-Tsa-Tsa*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(2), 177–187. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-177-187>

Введение

Мария Шкапская (1891–1951) – яркая фигурантка литературного процесса 20-х годов XX века, в позднесоветские десятилетия забытая, а теперь неуклонно и по справедливости возвращающаяся в русскую литературу. Из всех ее поэтических сборников книга «Ца-ца-ца» (Берлин, 1923) пред-

ставляется наименее исследованной. Также книга является букинистическим раритетом – не находим ее ни в отделе Русского зарубежья Российской государственной библиотеки, ни в библиотеке Дома Русского Зарубежья имени А. Солженицына. Вероятно, единственная библиотека в России, где в наличии печатный экземпляр книги – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург). Отдельным изданием эта книга не перепечатывалась, но ее текст можно найти в сводных переизданиях М.Л. Гаспарова (Москва, 1994) и М.И. Синельникова (Санкт-Петербург, 2000) [1]; что касается первого посмертного переиздания, составленного Б. Филипповым и Е. Жиглевич (Лондон, 1979), то за прошедшие годы оно само уже успело стать букинистическим раритетом. Но предельно аскетичная, лаконичная книга (37 страниц, 7 стихотворений), в основе своей устремленная к немногословной китайской культурной традиции, – «Ца-ца-ца», безусловно, теряется в любом из выше-названных сводных переизданий и скрывает свой художественный – поэтический – образ (подробнее о художественном образе как основе композиции поэтических книг М. Шкапской – см.: [2]). Также до настоящего времени оставался невыясненным вопрос, действительно ли составившие книгу поэтические тексты являются *переводными* – в издании 1923 года определение «переводы» нигде не указывается.

Школа восточных языков и рукописный генезис книги

Китайский язык Мария Шкапская изучала во время жизни за границей; читаем об этом в автобиографии 1926 года: *«Обычное эмигрантское существование, скитания, Женева, Нанси, Тулуза, Париж. В Париже – Школа восточных языков, китайское отделение»* [1. С. 169]. Об этом же сообщается и в автобиографии 1952 года: *«Мы с мужем, будучи исключены из русских университетов, также получили возможность закончить образование в Тулузе (Франция), – муж инженер-электрик, у меня диплом на право преподавания французского языка в России и во Франции. Прослушала я также годичный курс китайского языка в школе Восточных языков в Париже (здесь и далее выделение наше. – О.Л.), где мы жили и работали последний год пребывания во Франции. След этих занятий остался в виде моей переводной с китайского книги стихов, вышедшей в 1923 году. Кончить школу я, конечно, не смогла – в 1916 году истек срок нашей высылки, и мы, истосковавшиеся по родине, поспешили в Россию, где, к счастью, старый режим уже доживал свои последние часы»* [1. С. 174]. Таким образом, о своей поэтической книге «Ца-ца-ца» Шкапская в автобиографии 1952 года вполне определенно сообщает как о *«переводной с китайского книги стихов»*. Это же было заявлено и накануне выхода книги, в январском выпуске журнала «Новая русская книга» за 1923 года: *«Мария Мих. Шкапская приехала на короткое время в Берлин (Neue-Winterfeldstr, 14). В изд. „Эпоха“ выпустила недавно новую книгу стихов „Кровь-руда“. Имеет готовыми к печати переводы с китайского „Чи-чи-чи“»*. Здесь же назовем ответ А. Горского на письмо Шкапской (А. Горский – М. Шкапской, 4 января 1923 г.): *«О каких переводах Вы пишете? „Китайских“? (Не совсем разобрал это слово у Вас.) Неужели Вы владеете китайским языком? Или это перевод с перевода?»* [3. С. 273]. После публикации книги – в печати вышла небольшая рецензия:

«Шкапская – поэтесса, крохотный сборник китайских стихотворений, переведенных ею на русский язык, доказал это быть может более убедительно, чем ее личное поэтическое творчество» [4].

Если обратиться к архивам поэтессы, то в тетради стихотворений 1913–1920 гг. встречаем следующий текст, озаглавленный «Из То Фу»:

Теперь и прежде спокойны тучи
С начала века и в тьму веков.
А сердцу больно и пламень жгучий
Сжимает ветхий его покров.

Приходим, чтобы в слезах молиться,
И вновь под синий и ровный кров.
В горах, как прежде, щебечут птицы
И строен говор лесных ручьев.

Но что осталось от шумных станов?
Трава и небо, где тонет взор.
Я так печален. Но спят туманы
И спят деревья вокруг озер.

Toulouse 15/XII 14 [5. Л. 50–51].

Этот текст с тем же названием встречаем в тетради повторно в разделе «Переводы», с пометкой «с китайского». Сопоставив его с вошедшим в книгу «Ца-ца-ца» стихотворением «Как и прежде» – видим, что в основе обоих стихотворений лежит один и тот же текст:

Теперь, как и прежде, облака спокойны над нами, но и теперь, как и прежде, болит человеческое сердце.

Приходим на эту землю на такой короткий срок. Немножко молимся, немножко плачем и снова уходим неизвестно куда.

А в горах, как и прежде, щебечут птицы и журчат лесные ручьи.

Что нам осталось от живших прежде? Только зеленая трава, да голубое небо.

И как бы ни болело мое сердце – не двинется туман, и мирно дремлют деревья вокруг спящих озер [1. С. 123].

Примечательно, что Шкапская в опубликованном варианте стихотворения отказывается от рифмы, хотя первоначально переводит именно рифмованными строками. Что касается автора стихотворения (у Шкапской в рукописи он назван «То Фу»), то можно предположить, что им является Ду Фу (712–770), один из крупнейших поэтов Китая времен династии Тан (в переводе К. Бальмонта он назван Тху Фу [6. С. 142]). Далее в той же тетради находим вошедшее в книгу «Ца-ца-ца» стихотворение «Возвращение»; здесь оно озаглавлено «На родине», а в конце текста в скобках указано: «Ту-Юн-Мин». Имеется и датировка: «Тулуза, 1914» [5. Л. 88]. Оригинал стихотворения, по-видимому, принадлежит китайскому поэту Тао-Юань-Мину (365–427) и представляет собой его текст «Возвратился к садам и полям». Сравним фрагмент стихотворения Тао-Юань-Мина в переводе Л. Эйдилина:

С самой юности чужды мне созвучия шумного мира,
От рожденья люблю я этих гор и холмов простоту.
Я попал по ошибке в пылью жизни покрытые сети,
В суету их мирскую, – мне исполнилось тридцать тогда.
Даже птица в неволе затоскует по старому лесу,
Даже рыба в запруде не забудет родного ручья.
Целину распахал я на далекой окраине южной,
Верный страсти немудрой, воротился к садам и полям [7. С. 48].

и фрагмент стихотворения у Шкапской:

Я любил горы, леса и шум ручьев.

Но и я попал в эту западню, поставленную для большого зверя-человека – в город. И был там тридцать лет.

Перелетные птицы всегда думают о родном лесе. Рыба всегда помнит о родной реке. Вот и я вернулся в свою родную деревню [1. С. 121].

Отметим, что вариант перевода этого стихотворения в рукописной тетради 1913–1920 гг. записан другой графической разбивкой:

Перелетные птицы
Всегда думают о родном месте.
Рыба
Помнит о родной реке.
Вот и я
Вернулся в свою родную деревню [5. Л. 88].

Такой же графической разбивкой записано в тетради стихотворений 1913–1920 годов стихотворение «Лиу-лин», также включенное Шкапской в книгу «Ца-ца-ца»; в тетради оно озаглавлено «Лиу-лин (с китайского)». Завершает текст расположенное над датировкой «Тулуза, 1914», в скобках, имя автора: «Па-Кю-Э» [5. Л. 89]. Такого поэта в ряду авторов литературы Китая до настоящего времени обнаружить не удалось; но можно предположить, опираясь на некоторое созвучие имен, что здесь подразумевается Бо-Цзюйи (772–846), он же Бо Цзюй-и и Бай Цзюй-и (и даже Пе-Клю-И, в изданиях начала XX века, см.: [8. С. 564]), великий китайский поэт времен династии Тан. Одним из косвенных аргументов в пользу этой версии можно считать то, что финальное стихотворение книги, «Би-ба» – является более или менее вольным переводом известнейшего стихотворения Бо-Цзюйи «Пи-па» (оно же «Певница (Пи-па)» в переводе Л. Эйдлина [7. С. 208]; также «Песня мандолины» в переводе В. Перелешина [9] и цикл «Лютня» в переводе Ю. Шуцкого [10]). Что касается содержательной части поэмы «Лиу-лин», то можно предположить, что упоминаемые в тексте «первая жена Императора» и «Император Цю-Ян» – это императорская наложница Ян Юйхуань (719–756), вошедшая в историю как Ян-Гуйфэй («гуйфэй» – титул императорской жены 1-го ранга, буквально «драгоценная жена»), одна из четырех легендарных красавиц Китая, и император династии Тан Ли Лун-цзи (685–762), вошедший в историю под храмовым именем Сюань-цзун (где иероглиф «цзун» является обязательной частью храмового имени каждого из императоров и означает буквально «предок»). Истории их взаимоотношений посвящена поэма Бо-Цзюйи «Вечная печаль», и с тех пор «стихи о красавице Ян-гуйфэй – тема, ставшая привычной после „Вечной печали“ Бо Цзюйи» [11. С. 21–22].

Стихотворение, вошедшее в книгу «Ца-ца-ца» с названием «Через многие версты», – обнаруживаем в рукописной тетради 1913–1920 годов с названием «На чужбине (с китайского)», отметкой в скобках «Автор неизвестен» и датировкой «Тулуза, 1914» [5. Л. 90]. С этой же датировкой и заголовком «С китайского (без автора)» находим в тетради стихотворение, фигурирующее в «Ца-ца-ца» под названием «Так и мы расстаемся» [5. Л. 90]; определить, какой именно поэтический текст на китайском языке стал основой для данного перевода, до настоящего времени не удалось. Что касается стихотворения «Через многие версты», то оно является переводом Шестого

из «Девятнадцати древних стихотворений» («Ши цю гу ши»). Сравним перевод Шестого стихотворения, выполненный Л. Эйдлиным:

Вброд идя через реку,
лотосов я нарвал.
В орхидеевой топи
много душистых трав.

Все, что здесь собираю,
в дар я пошлю кому?
К той, о ком мои думы,
слишком далекий путь.

Я назад обернулся
глядя на дом родной.
Бесконечно дорога
тянется в пустоте.

Тем, кто сердцем едины,
тяжко в разлуке жить!
Видно, с горем-печалью
к старости мы придем [7. С. 18].

и поэтический текст Марии Шкапской из книги «Ца-ца-ца»:

Иду по реке, собираю цветы. Трудно искать их в высокой траве.

Цветы собирают, чтобы кому-нибудь дать. Но кому же я дам их, кому?

Близко – чужие, а родные далеко, только думать о них дано мне теперь.

*Вот повернул я в ту сторону голову. Там, далеко, – родная страна,
из которой меня изгнали.*

*Через многие версты, через многие реки, через многие горы, ее не увижу,
никогда не увижу я [1. С. 122]*

Как видим, содержательно они тождественны («Вброд идя через реку, // лотосов я нарвал» и «Иду по реке, собираю цветы»; «Все, что здесь собираю, // в дар я пошлю кому?» и «Но кому же я дам их, кому?» и т. д.), что явно свидетельствует о том, что в основе был один и тот же текст на китайском языке.

Далее необходимо отдельно сказать о рукописи, хранящейся в Отделе рукописей ИМЛИ имени А.М. Горького. Несмотря на разницу в названии (рукопись озаглавлена «Чи-чи-чи»), нет сомнения, что это именно вариант будущей книги «Ца-ца-ца», поскольку в составе находим те же семь стихотворения, которые вошли в книгу 1923 года. О названии книги и о причинах его смены еще будет сказано далее; здесь же отметим в первую очередь то, что в рукописи 1921 года *сняты все имена китайских поэтов*, обнаруживаемые в рукописной тетради стихотворений 1913–1920 годов; также сняты все даты, кроме общей датировки «Петроград, 1921» [12. Л. 1]. В данной рукописи видим множественную авторскую правку; местами вычеркнуты целые предложения. Среди зачеркнутого текста нередко встречаются и весьма значимые фрагменты, немаловажные при атрибуции текстов: «*А в двадцать весен // Я уже переменила // Своего бога* [12. Л. 5]. Также находим замены имен и существительных, как фонетические («*Чю-Ян*»/«*Цю-ян*», имя императора; «*Пей-па*»/«*Би-ба*», музыкальный инструмент; «*то-кюн*»/«*ду-дзюнь*», птица), так и содержательные («*черепаша*»/«*журавль*»).

При публикации «Ца-ца-ца» в 1923 году стихотворения книги получили следующий порядок: 1. «Одинокая, как журавль»; 2. «Возвращение»;

3. «Лиу-лин»; 4. «Через многие версты»; 5. «Так и мы расстаемся»; 6. «Как и прежде»; 7. «Би-ба». В рукописи 1921 года порядок и названия были иными: 1. «Одинокая, как журавль» («журавль» – поверх зачеркнутого «черепаха»); 2. «Возвращение» (с названием «В тутовых деревьях»; название зачеркнуто); 3. «Лиу-лин»; 4. «Так и мы расстаемся»; 5. «Как и прежде» (с названием «Зачем приходим»); 6. «Через многие версты»; 7. «Би-ба» (поверх зачеркнутого «Пей-па») [12. Л. 35].

Почти все стихотворения, вошедшие в книгу «Ца-ца-ца», в рукописной тетради со стихотворениями 1913–1920 годов датированы 1914 годом (за исключением «Одинокая, как журавль» и «Би-ба», не имеющих датировки), с указанием «Тулуза», т. е. написаны Шкапской не в Париже, во время обучения в Школе восточных языков в 1915 году, а годом раньше, во время обучения в *Faculté des lettres pour les étrangers* в Тулузе. В таком свете открывающее книгу лирическое предисловие Шкапской (именно *предисловие*, поскольку текст, в отличие от стихотворений, не внесен в оглавление), в котором читаем: «*Она была русская, он китаец. // Оба они жили в Париже, и их русско-китайские сношения велись на французском диалекте*» [1. С. 119], начинает выглядеть скорее художественным, нежели автобиографическим, и это тоже весьма немаловажный штрих к облику рассматриваемой здесь поэтической книги.

Словесные тематические ряды

В книге присутствуют тематические ряды, связанные со словами «тысяча», «шелк», «журавль», «весна» (причем, «весна» выступает как нечто трагическое). Шкапская как бы сшивает, соединяет ими между собой стихотворения «Одинокая, как журавль», «Лиу-лин» и «Би-ба». В «Лиу-лин»: «Его поля будут мести шлейфы, стоящие **тысячи лан**» [1. С. 122]; «**Тысячу раз** скажет прялка свое „ца-ца-ца“, а у девушки в руках не будет и одного метра» [Там же]. При этом в «Би-ба»: «**Тысячу раз, десять тысяч раз** говорим ей „выйдите к нам“, но она не выходит и прячется за занавески своей лодки». [1. С. 124]. В стихотворении «Одинокая, как журавль» (где изначально, в рукописи 1921 года, было «Одинокая, как **черепаха**» [12. Л. 3, 35], и это, вероятно, точнее соответствовало тексту на китайском): «Как в глухом лесу была я в своей комнате, всегда печальная и одинокая, **как журавль**» [1. С. 120]; но также и в «Лиу-лин»: «Соткала тебя бедная девушка из маленькой дереvушки, а наденет тебя первая жена Императора. Это по ее приказу в этом году на лиу-лин должны быть вытканы треугольники **улетающих журавлей** цвета весенней воды» [1. С. 122]. Сталкиваясь между собой, эти параллельные образы в разных текстах – привносят в стихотворения новые смыслы, не заметные в них по отдельности. Вероятно, «первая жена Императора» боится постареть, стать некрасивой и ненужной (подобно героине стихотворения «Одинокая, как журавль»), и этот потайной страх является и объяснением назначенного работницам рисунка на шелке, и необъяснимой, на первый взгляд, жестокостью императорской фаворитки. С другой стороны, героиня стихотворения «Одинокая, как журавль», как она сама признается, в молодости была привлечена именно богатством своего

избранника: «Помню я дни моего девичества. Слышала я, что Вы богаты и добры, что много у Вас **шелковых** тканей, на которых золотом вышиты драконы; что, проходя по улицам, много денег бросали Вы бедным» [1. С. 119]; и это именно она принимает решение вступить в брак: «В пятнадцать весен я уже решила выйти за Вас замуж» [Там же]. **Шелковая одежда** (как мужа героини стихотворения «Одинокая, как журавль», так и «первой жены Императора» в «Лиу-лин») становится в книге символом богатства. Не догадываясь, что бросаемые беднякам деньги свидетельствуют отнюдь не о щедрости ее избранника (а, скорее, о надменности, честолюбии), героиня стихотворения «Одинокая, как журавль» соблазняется надеждами на легкую жизнь, и сама оказывается товаром, который выбрасывают вон, когда он теряет вид: «а сегодня Вы меня прогоняете, и я не знаю – куда я пойду» [1. С. 119]. Эта участь, вероятно, страшит и «первую жену Императора», ведь «Истари и до сих пор существует обычай прогонять жену, если она стала стара и некрасива» [Там же]. Обратим внимание, что журавли, которых просит вышить фаворитка Императора, имеют цвет «весенней воды»: «Это по ее приказу в этом году на лиу-лин должны быть вытканы треугольники улетающих журавлей цвета весенней воды» [1. С. 122]. Вспомним, в связи с этим, птицу «ду-дзюнь, которая умирает, когда уходит весна» [1. С. 125]. Подобно этой птице, и красавица «умирает», когда заканчивается весна ее жизни: «Вы любили меня пока я была прекрасна – старая же я Вам наскучила» [1. С. 120].

Китайская Гретхен на русской почве

Возвращаясь к вопросу о художественном образе книги, осмелимся предположить, что один из ключей к нему – ее название, «Ца-ца-ца». Это самоцитата, звук прялки из стихотворения «Лиу-лин»: «Тысячу раз скажет прялка свое „ца-ца-ца“, а у девушки в руках не будет и одного метра» [1. С. 122], и образ усталой китайской девушки за прялкой, в основе своей, внезапно оказывается родственным гетевскому образу Гретхен (Маргариты), знаковому для всей западноевропейской культуры и вышедшему далеко за пределы литературной сферы (Ф. Шуберт, «Гретхен за прялкой» и др.). С другой стороны, как уже было сказано выше, в ОР ИМЛИ имени А.М. Горького находим рукописный вариант книги, озаглавленный «Чи-чи-чи», где «чи-чи-чи» – это звук музыкального инструмента, о котором читаем в финальном стихотворении книги («Би-ба»). Далее, в процессе правки стихотворения, «чи-чи-чи» было заменено на «ци-ци-ци», и в таком виде вошло в опубликованную в 1923 году книгу: «Трогает верхние струны, и говорят они „ци-ци-ци“, точно кто-то говорит тихо-тихо и не хочет, чтобы его слышали» [1. С. 124]. Именно этим слабым улетающим отзвуком (вызывающим ассоциации со знаменитым «звуком лопнувшей струны» у Чехова) первоначально предполагала озаглавить свою книгу Шкапская, и не откажись она от этого замысла – книга тоже, несомненно, обладала бы вполне различимым художественным образом, более чем соответствующим духу времени: расставание страны и со своим «вишневым садом», и с прежней поэтикой, называемой сейчас общим понятием *Серебряный век*. Но Мария Шкапская отказы-

вается от «чи-чи-чи», и от «гоу-гоу-гоу» («Трогает нижние струны, и они рокочут „гоу-гоу-гоу“ подобно торопливому проливному дождю» [1. С. 124]), и от «са-са-са» (что в историческом контексте тоже было бы уместно: «Красные листья на деревьях, и осыпались цветы. Что это за звуки: „са-са-са“? Это осенний ветер свистит в печальных деревьях» [1. С. 123]), и выбирает «ца-ца-ца», звук прялки из первого стихотворения книги, олицетворяющий здесь монотонную и долгую женскую работу, и одновременно тяжелый, изматывающий человека (и едва ли не бессмысленный, на первый взгляд) труд как таковой: «А чтобы ткать лиу-лин – нужен шелк такой тонкий, что у девушек болят пальцы. // Тысячу раз скажет прялка свое „ца-ца-ца“, а у девушки в руках не будет и одного метра» [1. С. 122]. Кто же она, эта «первая жена Императора», будто бы капризно (а на самом деле – в силу своего особого, возвышенного положения, будучи избранницей Сына Неба) требующая новых и новых прекрасных платьев? В оригинале, в тексте китайского стихотворения, надо полагать, говорится о возлюбленной китайского императора династии Тан Сюань-цзуна, легендарной китайской красавице Ян Гуйфэй (подробнее о стихотворении «Лиу-лин» см. выше). Но у Марии Шкапской, снимающей из книги «переводов с китайского» все имена авторов стихотворений (при том, что в рукописной тетради 1913–1920 гг. имена присутствуют), выпускающей книгу *без единого указания «переводы»* (и маленькое лирическое предисловие о китайско-русской дружбе не выполняет роли этого указания, поскольку и само воспринимается как стихотворение) и озаглавливающей книгу 1923 года звуком прялки бедной китайской девушки – по-видимому, была своя собственная, особая художественная логика. Если учесть, что у Шкапской любой из женских образов, так или иначе, соотносится с Россией как таковой (подробнее см.: [2]), и что рукопись «Чи-чи-чи» датирована 1921 годом, (т. е. временем, когда Шкапская находилась под несомненным и сильнейшим впечатлением от личных встреч с А. Блоком; по его рекомендации была принята в Петроградский Союз поэтов), и соотнести между собой «Первую жену Императора» и блоковское «О, Русь моя! Жена моя!», возникают новые и неожиданные параллели между этими образами. Примечательно, что (словно двуликий Янус) и уставшая девушка за прялкой – у Шкапской тоже Россия. Заменяя в названии книги музыкальное «чи-чи-чи» на монотонное «ца-ца-ца», Шкапская делает выбор: не держаться за уходящую музыку вишневого сада («чи-чи-чи»), не впадать, подобно многим русским эмигрантам, в черную меланхолию (слушая, как «осенний ветер свистит в печальных деревьях» свое «са-са-са»), а работать – долго, монотонно и тяжело, во славу новой социалистической России. Развитие творческого движения Шкапской в сторону освоения идей социализма можем наблюдать с 1910-х годов (участие в политических кружках, стихи с посвящением Л. Толстому: [1. С. 27, 169, 173–175]), а поэтическим итогом его можно считать книгу 1925 года «Земные ремесла», целиком построенную на символике числа «пять», подразумевающего у Шкапской ладонь честного советского труженика (подробнее о книге «Земные ремесла см.: [2]).

Заключение

Снятие Шкапской фамилий китайских авторов – не только в книге, опубликованной в 1923 году, но и в рукописи 1921 года – и выстраивание словесных тематических рядов («шелк», «журавль», «тысяча», «весна»), организующих книгу в единое поэтическое произведение, – указывают на тенденцию к размытию границы «свой/чужой текст» и приводят к появлению центрального, основного для книги художественного образа (прием, характерный и для других поэтических книг М. Шкапской). Этим образом становится одинокая усталая женщина, тоскующая в разлуке с возлюбленным. Упоминание в тексте *прялки* (и даже, в некотором смысле, вынесение ее в заглавие книги) позволяет говорить о связи с образом *Гретхен*, известнейшим западноевропейским художественным образом, характерном не только для литературы («Гретхен за прялкой» Ф. Шуберта и др.). Композиционно поэтическая книга «Ца-ца-ца» составляется Шкапской в соответствии с этим образом *китайской Гретхен*, и стихотворения разных авторов начинают звучать у Шкапской как части единого текста. В первом стихотворении книги читаем: «*Вы любили меня пока я была прекрасна – старая же я Вам наскучила*» [1. С. 120]; в финальном: «*Взял меня замуж купец, который не думал о любви, а думал о торговле и часто меня покидал. И вот теперь я стара и некрасива, и холоден мой дом, и далеки-далеки мои молодые годы*» [1. С. 125]. Подобная техника обращения с чужими текстами выводит поэтическую книгу Марии Шкапской «Ца-ца-ца» за пределы строго переводного произведения и обнаруживает черты хронологически более поздних литературных направлений (таких как постмодернизм и метапоэзия).

Список литературы

- [1] *Шкапская М.* Час вечерний: стихи / сост. и вступ. ст. М. Синельникова. СПб.: Лимбус Пресс, 2000. 192 с.
- [2] *Литвинова О.Н.* Художественный образ как основа многоступенчатой композиции поэтической книги (на примере книг Марии Шкапской) // Шестой Всероссийский конкурс молодых ученых в области искусств и культуры: сборник работ лауреатов. М.: Институт Наследия, 2020. С. 294–334.
- [3] *Гачева А.* Философ в диалоге с поэтом: письма А.К. Горского М.М. Шкапской // Текстологический временник: в 3 кн. М., 2018. Кн. 3. С. 261–293.
- [4] *В.Л. Мария Шкапская.* Ца-ца-ца. Изд. Манфред. Берлин, 1923: рецензия // Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 23.
- [5] Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2182. Оп. 1. Ед. хр. 123.
- [6] *Ду Фу.* В уровень с водой // Гимны, песни и замыслы древних / К.Д. Бальмонт. – СПб.: Пантеон, 1908.
- [7] Китайская классическая поэзия в переводах Л. Эйдлина. М.: Художественная литература, 1984. 373 с.
- [8] *Кобзев А.И.* О русских переводах Ду Фу и Бо-Цзюй-и // Общество и государство в Китае. 2017. Т. 1. Кн. 47. С. 558–577.
- [9] *Перелешин В.* Стихи на веере: антология китайской классической поэзии. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1970. 42 с.
- [10] *Шуцкий Ю.К.* Дальнее эхо: антология китайской лирики (VII–IX вв.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 256 с.

- [11] Поэзия эпохи Тан. VII–X вв. / сост. и вступ. ст. Л. Эйдлина. М.: Художественная литература, 1987. 479 с.
- [12] Отдел рукописей Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН. Ф. 509. Оп. 3. Ед. хр. 4.

References

- [1] Shkapskaya, M. (2000). *The evening hour: Poems* (M. Sinelnikov, Comp. and an Introductory Article). Saint Petersburg, Limbus Press. (In Russ.)
- [2] Litvinova, O.N. (2020). The artistic image as the basis of a multi-stage composition of a poetry book (on the example of the books of Maria Shkapskaya). *The Sixth All-Russian Competition of Young Scientists in the Field of Arts and Culture: A Collection of Works of Laureates* (pp. 294–334). Moscow, Russian Heritage Institute. (In Russ.)
- [3] Gacheva A. (2018). The philosopher in dialogue with the poet: Letters of A.K. Gorsky to M.M. Shkapskaya. *Tekstologicheskij Vremennik* (book 3, pp. 261–293). Moscow. (In Russ.)
- [4] V.L. (1923). Maria Shkapskaya. *Tsa-Tsa-Tsa*. Berlin, Manfred Publ., 1923: Review. *Novaja Russkaja Kniga*, (5/6), 23. (In Russ.)
- [5] Russian State Archive of Literature and Art. Fund 2182. Inventory 1. Storage unit 123. (In Russ.)
- [6] Du, Fu. (1908). In the level with the water. In K.D. Balmont, *Hymns, Songs and Plans of the Ancients*. Saint Petersburg, Pantheon Publ.
- [7] *Chinese classical poetry in translations by L. Eidlin*. (1984). Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. (In Russ.)
- [8] Kobzev, A.I. (2017). On Russian translations of Du Fu and Bo-Ju-i. *Society and the State in China*, 1(47), 558–577. (In Russ.)
- [9] Pereleshin, V. (1970). *Poems on the fan: An anthology of Chinese classical poetry*. Frankfurt am Main, Posev Verlag. (In Russ.)
- [10] Shuckiy, Y.K. (2000). *Distant echo: An anthology of Chinese poetry (VII–IX centuries)*. Saint Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ. (In Russ.)
- [11] Eidlin, L. (Comp. and an Introductory Article). (1987). *The poetry of Tang dynasty. VII–X centuries*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. (In Russ.)
- [12] Department of Manuscripts of A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science. Fund 509. Inventory 3. Storage unit 4. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Литвинова Ольга Николаевна, аспирант, кафедра новейшей русской литературы, Литературный институт имени А.М. Горького.

Bio note:

Olga N. Litvinova, postgraduate student, Department of Modern Russian Literature, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing.

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2-188-197

УДК 821.161.1.94

Научная статья / Research article

Парадоксы исторической памяти в послевоенных поэмах А. Твардовского

И.Б. Ничипоров

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1

✉ il-boris@yandex.ru

Аннотация. Предложено современное прочтение недостаточно изученных на сегодняшний день четырех послевоенных поэм А.Т. Твардовского: «Дом у дороги», «За далью – даль», «Геркин на том свете», «По праву памяти» – в этом заключается актуальность проблематики данного исследования. Научная новизна состоит в том, что основное внимание уделено художественному воплощению исторического мышления в этих произведениях, идет речь о характерном для них противоречивом сочетании элементов утопического сознания и антиутопического настроения лирического героя, осмысляющего значительные пласты личной и исторической памяти. Делаются выводы о том, что в послевоенных поэмах Твардовского запечатлелись парадоксы исторического мышления личности, которая, с одной стороны, высвобождается из-под влияния господствующей идеологии, с другой – демонстрирует апологетический настрой в отношении ключевых понятий и мифологем тоталитарного дискурса. Герой поздних поэм Твардовского предстает как фронтовик, художник, публицист, аналитик современности, провидец; он странствует по дорогам прошлого и настоящего, блуждает на перепутьях личной и исторической памяти, добирается даже до «того света», продолжает верить в миссию вождей, априорную «правоту» Страны и Народа – и при этом движим антиутопическими импульсами, в обстоятельствах собственной судьбы прозревает сверхлические загадки истории.

Ключевые слова: Твардовский, жанр поэмы, тема памяти, история и современность, вождизм

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 января 2021 г.; принята к публикации 30 января 2021 г.

Для цитирования: Ничипоров И.Б. Парадоксы исторической памяти в послевоенных поэмах А. Твардовского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 188–197. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-188-197>

Paradoxes of Historical Memory in A. Tvardovsky's Post-War Poems

Илья В. Nichiporov

Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskiie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

✉ il-boris@yandex.ru

Abstract. The article deals with the modern interpretation of four post-war poems by A.T. Tvardovsky: *House by the Road*, *Beyond Distance*, *Tyorkin in the Other World*, *By Right of Memory*, which were insufficiently studied in the previous research works. The main idea is focused on the artistic embodiment of historical thinking in these works. The main feature of these works is a contradictory combination of utopian consciousness and the dystopian mood of the lyric hero, who is pondering over personal and historical memory. The author concludes that Tvardovsky's post-war poems capture the paradoxes of the historical thinking of a personality who, on the one hand, gets out of the influence of the dominant ideology, and on the other hand, demonstrates an apologetic attitude towards the key concepts and mythologems of totalitarian discourse. The hero of Tvardovsky's later poems appears as a front-line soldier, an artist, a publicist, an analyst of modern times, a prescient; he wanders the roads of the past and present, at the crossroads of personal and historical memory, gets even to death, goes on believing in the mission of the political leaders, the a priori truth of the Country and the People inspired by dystopian impulses and sees mysteries of history through his destiny.

Keywords: Tvardovsky, the genre of the poem, the theme of memory, history and modern times, the cult of the political leader

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 5, 2021; revised January 25, 2021; accepted January 30, 2021.

For citation: Nichiporov, I.B. (2021). Paradoxes of historical memory in A. Tvardovsky's post-war poems. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(2), 188–197. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-188-197>

Введение

Поздний поэтический эпос А.Т. Твардовского традиционно остается на периферии исследовательского внимания, «в тени» «Василия Теркина». Между тем «лирическая хроника» «Дом у дороги» (1942–1946), поэмы «За далью – даль» (1950–1960), «Теркин на том свете» (1954–1963), «задержанная» поэма «По праву памяти» (1966–1967, опублик. в 1987)¹ примечательны многоплановым художественным преломлением исторического опыта, взаимодействием автобиографических мотивов с интерпретацией прошлого и современности. По замечанию Ю. Буртина, каждая из поэм Твардовского, начиная еще со «Страны Муравии» (1934–1936), «открывала, выражая в самых существенных ее чертах, какую-то новую крупную полосу, в которую вступала жизнь народа... сама тема, само время выбирали его... в качестве свое-

¹ Текст поэмы «Дом у дороги» цитируется по [1], тексты поэм «За далью – даль», «Теркин на том свете» по [2], текст поэмы «По праву памяти» по [3].

го глашатая и летописца» [4]. Здесь в диапазоне от первых пятилеток до «послеоттепельных» разуверений отразилось «движение времени на протяжении целых сорока лет... от надежд к разочарованиям, от радостного приятия «советской действительности» ко все более определенному противостоянию ей» [5].

Обсуждение

Поэма «Дом у дороги» связывает военные испытания с первым послевоенным восстановлением Дома, органичной сопряженности с природными циклами, приоткрывает значительный слой культурной памяти, произрастает из «народно-песенной стихии» [6. С. 19], жанра народного плача о войне, которая «пришла в дом, чтобы его разрушить» [7. С. 10], здесь «лирическое, трагедийное начало выдвигается на первый план» [8. С. 60].

Пространство памяти о «трудном годе», когда «война стояла у ворот // Столицы осажденной», соединяет исповедь автора о поневоле прерванной «на половине» творческой работе с порой идиллически освещенными воспоминаниями персонажей, Андрея Сивцова и его жены, о довоенном ладе, «порядке и уюте», о воскресном летнем покосе 1941 г. Историческая основа и местный колорит произведения обусловлены тем, что «образы героев поэмы типичны для Смоленщины: каждая семья была разлучена войной, находилась по разные стороны линии фронта до освобождения в 1943 году» [9. С. 117]. В растянувшемся на годы памятовании Анны о том, как в 41-м «не докосил хозяин луг», о пересыхающих колодцах, окопах во дворе их «приметного дома у столбовой дороги», в ретроспективном изображении подробностей того, как «чужой солдат вошел в ваш дом», а пленные «сыны земли родной» брели «в позорных сборных ротах», – происходит *художественное укрупнение частной судьбы, которая служит подлинной мерой «большой» истории*. Эпическая панорама войны, что «старинным голосом... по всей стране завывала», масштабные массовые сцены переходят в сочувственное и полемичное в отношении к официозу взгляды в драму «отставшего от войны» солдата, который, встретясь с женой «перед другой разлукой», «хлебал, что вынесла ему // Жена тайком из дому», а также в переживания Анны, оказавшейся с детьми в плену в Восточной Пруссии, где даже чужая природа доносит до нее память о родной земле:

И эта памятная смесь
Цветов поры любимой
Была для сердца точно весть
Со стороны родимой.

И этих запахов тоска
В тот чуждый край далекий
Как будто шла издалека –
Издалека с востока.

Подхватывая размышления и невербализованные состояния центрального героя, прошедшего через фронт, пленение семьи, зрелище того, как «дом пылал заженный», через горькое возвращение к опустевшему очагу, автор апеллирует к историческому чувству современников («Вернись, товарищи, назад, // К той памяти жестокой»), метафорически «овеществляет» «окаменевшую» материю памяти, которая «крепка сама собой», постигает, насколько «память горя велика», и именно в сбережении «глухой памяти боли» усматривает нравственный ориентир послевоенной эпохи:

Прошла война, прошла страда,
Но боль взывает к людям:
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем.

В поэме «За далью – даль» художественная картина коллективной и индивидуальной памяти заметно усложняется, обостряются ее неразрешимые для лирического «я» парадоксы. В произведении «взаимоперетекают черты гражданско-публицистического... и лирико-исповедального высказывания» [8. С. 62], противоборствуют лики и личины памяти, а повествователь, стремящийся к пересмотру стереотипов в оценке прошлого, мучительно ощущает, как ему «мешало многое другое, // Что нынче в памяти у всех».

Жанровая форма «дневника дорожного», насыщенного тем, «чем полна еще душа», активизирует «взаимодействие героя со временем и пространством» [10. С. 46–47] – с детства до послесталинской поры, от Смоленщины до Поволжья, Урала, Забайкалья и Дальнего Востока, причем биографическое время совершает здесь «движение одновременно вперед и вспять» [10. С. 46–47]. Наблюдая то в одиночестве, то вместе с попутчиками меняющиеся ландшафты за окном вагона, повествователь предпринимает и «внутреннее» путешествие по недоосмысленным им лабиринтам памяти. Он воскрешает в себе военные эпизоды в лицах и образах («Заводы – беженцы войны – // И с ними люди-погорельцы»), вместе с незнакомым майором обзревает Волгу, что «свой древний совершала путь», и в центр этого созерцания выдвигает то обстоятельство, что майор «под Сталинградом // За эту Волгу воевал». Герой корит себя за недостаточное внимание к собственной внутренней жизни и надеется хотя бы теперь «побыть // С самим собою, с белым светом», в сосредоточенности «листать обратно календарь» и ощутить, как «по зарастающему следу // Уводит память давних лет». Пристрастное исследование детских смоленских впечатлений, крестьянской «памяти жизни бедной, // Обидной, горькой и глухой», того, как впервые «побыл в городе с отцом», мысленная реконструкция теркинской «дороги незабвенной», «где мой герой поры военной // С войсками фронта проходил», – обращают его к сопоставлению различных творческих периодов, в том числе и таких, когда «пропал запал... недостоверны мысли, чувства», а также к пронизательному чувству климата современности, неизбежных трансформаций памяти о войне:

Та память вынесенных мук
Жива, притихшая, в народе,
Как рана, что нет-нет – и вдруг
Заговорит к дурной погоде.

«Драматургия» горячего вагонного спора о значении фронта и тыла, разгоревшегося, когда «давно война отгрохотала, // Давно в страде иной страна», реакции его участников и слушателей подводят героя к *оценке военных воспоминаний как отнюдь не отболевшей и далеко не всегда объединяющей общество коллективной травме:*

Душа, минуя давность лет,
Той горькой памяти оставить
Еще не может и – нет-нет –
В тот самый заступает след.

Даже картины мирного строительства на Ангаре отягощаются в воображении повествователя явными анахронизмами в виде батальных сцен:

Как будто, смяв войска блокады,
 Встречались братские войска.
 Двух встречных армий
 Два солдата –
 Друг другу руки жмут ребята.

Признание в личном опыте достоверного источника исторического знания парадоксальным образом сочетается в поэме с непреодоленной зачарованностью вождистской, радикально антиличностной утопией. Так, война и современность прорисовываются в калейдоскопе субъективных отражений и воспоминаний лирического «я», его вагонных попутчиков – бывших фронтовиков и тыловиков, молодоженов-москвичей, с энтузиазмом едущих по распределению в Сибирь: «И мы глядим на них глазами // Минувшей юности своей». В то же время любование Волгой – «серединой земли родной» – вызывает у повествователя ассоциации с «мечтой еще царя Петра», предвосхитившей «неисчетные дела» «великого Ленина»; впечатления от Владивостока настойчиво увязываются с напоминанием о том, что это именно тот «... приморский город, // Что Ленин нашеньским назвал».

В прихотливом сюжетном рисунке поэмы *аксиологическое противостояние индивидуальной судьбы и рефлексов тоталитарного мышления* оказывается ключевым и достигает предельной остроты в кульминационных главах «Друг детства» и «Так это было». В первой россыпью психологических подробностей выведена неловкая встреча на перроне «в тайге на станции Тайшет» с давним другом, возвращающимся из колымского лагеря. Случайный эпизод обнаруживает в герое болевой порог памяти, опровергает его недавние бодряческие декларации («Нет, жизнь меня не обделила, // Добром своим не обошла...») и, казалось, нацеливает на переоценку истории и современности:

Он сердца был живую частью,
 Бедой и болью потайной.
 И годы были не во власти
 Нас разделить своей стеной.

<...>

В труде, в пути, в страде походной
 Я неразлучен был с одной
 И той же думой неисходной, –
 Да, я с ним был, как он со мной.
 Он всюду шел со мной по свету,
 Всеми причастен на земле.
 По одному со мной билету,
 Как равный гость, бывал в Кремле.

И те же радости и беды
 Душой сыновней ведал он:
 И всю войну,
 И День Победы,
 И будни нынешних времен.

Однако «исповедальный самоанализ автора» [11. С. 164], рожденные этим сюжетным поворотом «мотивы печали и внутреннего самосуда» [11. С. 166] все же оттесняются господствующим в его сознании *идеологическим императивом* («Мне правда партии велела // Всегда во всем быть верным ей»), твердой приверженностью *тоталитарным мифологемам Страны и Народа как носителей неоспоримой истины*:

Винить в беде своей безгласной
Страну?
При чем же здесь страна!
<...>
Винить в своей судьбе жестокой
Народ?
Какой же тут народ!..

Действительно, «допустить мысль, что и народ может быть неправ, что страна, государственная система может быть виноватой, герой поэмы пока еще не может» [11. С. 165], хотя в главе «Так это было» он пытается «смягчить» вождистские установки посредством окрашенного личным чувством народнопоэтического взгляда на историю. Монументальность «великого Ленина» как будто «очеловечивается» в его восприятии тем, что «он не был богом // и не учил творить богов», и особенно воспоминанием о том, как вместе с «другом и однокашником» они «то имя-знамя в нашем сердце // По пятилеткам пронесли». Даже всевластие «отца», который «непреклонностью отчей воли» «... мог на целые народы // Обрушить свой верховный гнев», становится предметом умеренной апологии. Повествователю верится, что в моменты решающих испытаний «верховная» воля вождя обретала равновесие с устремлениями человеческих множеств (ему «мы все обязаны победой, // Как ею он обязан нам...»), а в его величии исподволь проступала понятная обычным людям немощь «плоти стариковской»...

Подобно тому как в «Стране Муравии» (1934–1936) Сталин представал справедливым былинным властелином, который «едет сам // на вороном коне... И пишет в книжечку свою // Подробно все, что следует» и с которым герой-правдоискатель вел воображаемый разговор о том, «чтоб и меня и хуторок // Покамест что оставить» [12. С. 252–254], – здесь в фольклорной стилистике, в образе Старушки с ключами выведена смерть вождя. В духе сказочных сюжетов «тризна грозного отца» трактуется повествователем как судьбоносная веха собственного пути, начало самостоятельной жизни, ибо именно с его уходом «твоей той молодости нет... // Мы все как будто постарели – // Нет, повзрослели – в этот час». Символическое прощание с обоими вождями в Колонном зале таит в поэме эфемерную надежду на хотя бы частичное высвобождение индивидуального и общественного сознания из-под бремени поклонения тиранам. И тем не менее герой Твардовского мужественно выделил себя из массы советских людей «напряженным, концентрированным чувством личной исторической ответственности... лиро-эпическая картина страны в восприятии путешественника сменяется картиной души, переживающей свои отношения со страной, с ее историей и судьбой» [11. С. 167, 168]:

Мы стали полностью в ответе
За все на свете –
До конца.
И не сробели на дороге,
Минуя трудный поворот.
Что ж, сами люди, а не боги
Смотреть обязаны вперед.

В условно-фантастическом сюжете *поэмы «Теркин на том свете»* в свернутом виде прочерчены грани исторической памяти, из которых складывается «сатирическая модель советского государственного устройства» [11. С. 161]. Пунктирная история о «везде» «виноватом» солдате пропитана горечью воен-

ных воспоминаний, не изживаемых даже в загробном мире, а встреченный здесь Теркиным фронтовой товарищ, «друг памятных дорог», словно в противовес дезориентирующим тупикам официоза, свидетельствует о войне как внезапно открывшейся перспективе самостоятельного выбора и поступка:

В окруженье – в сорок первом –
Хоть какой, но выход был.

Был хоть суткам счет надежный,
Был хоть запад и восток,
Хоть в пути паек подножный,
Хоть воды, воды глоток!
<...>
Был бы только этот выбор, –
Я б остался на войне.

Тяжким грузом земной истории остается «на том свете» и лагерный опыт. Мрачный каламбур («Область вечной мерзлоты // В вечность их списала») срачивается с выразительной массовой сценой, где лица перешедших в иной мир лагерников стираются сгубившими их непригодными для жизни пространствами и не вынесенными сроками заключения: «Там – рядами по годам // Шли в строю незримо // Колыма и Магадан, // Воркута с Нарымом». Этический призыв к сохранению исторической памяти («Память, как ты ни горька, // Будь зарубкой на века!») получает в поэме «обратный» разворот, поскольку в сюжете об Особом отделе, который и там управляется «самим Верховным», что «давно уж сам себе // Памятники ставит», – пророчески высвечивается *гибельная сторона памяти, проявившаяся в стойкой от поколения к поколению инерции сталинизма как возжеленного для многих типа общественного устройства*:

Для живых родной отец,
И закон, и знамя,
Он и с нами, как мертвец, –
С ними он
И с нами.
Устроитель всех судеб,
Тою же порою
Он в Кремле при жизни склеп
Сам себе устроил.

Итоговая в творчестве Твардовского *поэма «По праву памяти»*, эта «лирическая медитация» [11. С. 170] и вместе с тем «гневная и страстная публицистическая инвектива» [4], возможно, продиктованная ощущением автора, что в прежних вещах он «недосказал о Сталине и его времени чего-то существенного» [4], проникнута творческим видением памяти как ответственного и трагического предостояния перед живыми и ушедшими:

Где, может быть, смолчат живые,
Так те прервут меня:
– Позволь!
Перед лицом ушедших былей
Не вправе ты кривить душой...

Потрясения недавних десятилетий, массовые репрессии и расправы над родственниками репрессированных оригинально высвечиваются здесь в зеркале затеянной вождем и его государством словесной игры, манипулирующей многими судьбами и жизнями: «То был отец, то вдруг он – враг», «и вдруг –

ни в чем не виноват... благодари отца народов». *Спекулятивное слово, то обвиняющее, то в одночасье дарующее «оправдание», выступает центральным «антигероем» поэмы, «творцом» болезненной псевдореальности, берущим в заложники ход истории, общественное и индивидуальное сознание.* «Пять кратких слов» вождя («Сын за отца не отвечает») для тысяч семей, «виноватых без вины», создавали иллюзию освобождения от нависавшей угрозы уничтожения, от «зловещей некогда графы» любой анкеты, поскольку «клеймо с рожденья отмечало // Младенца вражеских кровей». Надолго закрепившееся в словаре эпохи «звание сын врага народа» повлекло искажение детско-родительских связей, деформировало даже представления о военном подвиге:

Недаром в дни войны кровавой
Благословлял ее иной:
Не попрекнув его виной,
Что душу горькой жгла отравой,
Война предоставляла право
На смерть и даже долю славы
В рядах бойцов земли родной.

Предоставляла званье сына
Солдату воинская часть...

Путь трудной переоценки родового наследия берет начало в биографической драме героя и поставляет его перед «судом десятилетий». В жесточайших и психологических подробностях повествователем воссоздается трагический образ отца, с его натруженными крестьянскими руками, который «сошел за кулака», пережил изгнание «куда-то за Урал», но до конца так и не расстался с упованием на помощь вождя:

И верил: все на место встанет
И не замедлит пересчет,
Как только – только лично Сталин
В Кремле письмо его прочтет...

Раздумья об исторической ответственности современников «за всеобщего отца» явились в поэме «актом сопротивления... продолжением той борьбы, которую ее автор и руководимый им журнал вели против наступающей реставраторской тенденции» [4]. В заключительной же главе «О памяти» симптоматична попытка героя и его единомышленников – «очевидцев поколенья» за разоблаченной фигурой «богоподобного» «отца» прозреть иного, якобы справедливого в своей «человечности» вождя. «Процесс освобождения самого поэта от тоталитарного менталитета» [11. С. 178] предстает в поэме крайне непоследовательным и осложняется *комплексом социального инфантилизма*, надеждами на «семейственность» государства и его «мудрое» первенство в отношении частных судеб:

И наготове вздох особый –
Дерзання нашего предел:
Вот если б Ленин встал из гроба,
На все, что стало, поглядел...

Уж он за всеми мелочами
Узрел бы ширь и глубину.
А может быть, пожал плечами
И обронил бы:
– Ну и ну! –

Так, сьяк гадают те и эти,
Предвидя тот иль этот суд, –
Как наигравшиеся дети,
Что из отлучки старших ждут.

Но все, что стало или станет,
Не сдать, не сбуть нам с рук своих,
И Ленин нас судить не встанет:
Он не был богом и в живых.

Заключение

Итак, послевоенные поэмы Твардовского развернули обширное историческое полотно и в разнообразных жанрово-стилевых решениях, в «лирических хрониках», дорожных дневниках, фантастических путешествиях, исповедально-публицистических монологах, в столкновениях несхожих «голосов» – высветили парадоксы исторического мышления личности, которая мучительно вырывается из тисков господствующей идеологии и в то же время сохраняет апологетический настрой в отношении ключевых понятий и мифологем тоталитарного дискурса. Герой поздних поэм Твардовского – фронтовик, художник, публицист, аналитик современности, провидец – странствует по дорогам прошлого и настоящего, блуждает на перепутьях личной и исторической памяти, добирается даже до «того света», продолжает верить в миссию вождей, априорную «правоту» Страны и Народа – и при этом движим антиутопическими импульсами, в обстоятельствах собственной судьбы прозревает сверхличные загадки истории.

Список литературы

- [1] *Твардовский А.Т.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Стихотворения (1940–1945). Поэмы. Василий Теркин. Дом у дороги / примеч. Ю. Буртина, Р. Романовой. М.: Художественная литература, 1977.
- [2] *Твардовский А.Т.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Стихотворения (1946–1970). Поэмы. За далью – даль. Теркин на том свете / примеч. А. Туркова, Р. Романовой. М.: Художественная литература, 1978.
- [3] *Твардовский А.Т.* По праву памяти // Lib.ru. URL: <http://lib.ru/POEZIQ/TWARDOWSKI/temory.txt> (дата обращения: 12.01.2021).
- [4] *Буртин Ю.* «Вам, из другого поколения...» // Виперсон. 1987, 22 марта. URL: <http://viperson.ru/articles/vam-iz-drugogo-pokoleniya> (дата обращения: 12.01.2021).
- [5] *Буртин Ю.* Исповедь шестидесятника // Горький. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2001/2/ispoved-shestidesyatnika.html> (дата обращения: 12.01.2021).
- [6] *Бессонова Л.П.* Фольклорные традиции в эпической поэзии А.Т. Твардовского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2006.
- [7] *Снигирева Т.А.* «Навсегда, Василий Теркин, подружались мы с тобой» (поэма «Василий Теркин» в контексте творчества А. Твардовского военных лет) // Филологический класс. 2010. Т. 23. С. 8–12.
- [8] *Зайцев В.А.* Лекции по истории русской поэзии XX века (1940–2000). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009.
- [9] *Романенко Г.В.* Смоленский след в поэме А.Т. Твардовского «Дом у дороги» // Литературное наследие А.Т. Твардовского в смене поколений / отв. ред. В.В. Ильин, О.А. Новикова. Смоленск, 2015. С. 115–121.
- [10] *Ермоленко Г.Н.* Художественное время в поэме А.Т. Твардовского «За далью – даль» // Литературное наследие А.Т. Твардовского в смене поколений / отв. ред. В.В. Ильин, О.А. Новикова. Смоленск, 2015. С. 46–57.

- [11] Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Александр Твардовский // Современная русская литература: в 3-х кн. Кн. 1. Литература «Оттепели» (1953–1968): учебное пособие. М., 2001. С. 152–178.
- [12] Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Стихотворения (1926–1940). Страна Муравия: поэма. Переводы / предисл. К. Симонова; примеч. Ю. Буртина, Р. Романовой. М.: Художественная литература, 1976.

References

- [1] Tvardovsky, A.T. (1977). *Collected works. Vol. 2. Verses (1940–1945). Poems. Vasily Tyorkin. The House by the Roadside* (Yu. Burtin & R. Romanova, Notes). Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. (In Russ.)
- [2] Tvardovsky, A.T. (1978). *Collected works. Vol. 3. Verses (1946–1970). Poems. Horizon after Horizon. Tyorkin in the Other World* (A. Turkov & R. Romanova, Notes). Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. (In Russ.)
- [3] Tvardovsky, A.T. (n.d.). On the right of memory. *Lib.ru*. Retrieved January 12, 2021, from <http://lib.ru/POEZIQ/TWARDOWSKIJ/memory.txt> (In Russ.)
- [4] Burtin, Yu. (1987). “To you, from another generation...”. *Viperson*. Retrieved January 12, 2021, from <http://viperson.ru/articles/vam-iz-drugogo-pokoleniya> (In Russ.)
- [5] Burtin, Yu. (n.d.). Confessions of the sixties. *Gor'kii*. Retrieved January 12, 2021, from <https://magazines.gorky.media/druzhba/2001/2/ispoved-shestidesyatnika.html> (In Russ.)
- [6] Bessonova, L.P. (2006). *Folklore traditions in the epic poetry of A.T. Tvardovsky* (Abstract of the Dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Majkop. (In Russ.)
- [7] Snigireva, T.A. (2010). “Forever, Vasily Terkin, we made friends with you” (the poem “Vasily Terkin” in the context of A. Tvardovsky’s creativity of the war years). *Filologicheskij Klass*, 23, 8–12. (In Russ.)
- [8] Zajcev, V.A. (2009). *Lectures on the history of Russian poetry of the 20th century (1940–2000)*. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ. (In Russ.)
- [9] Romanenko, G.V. (2015). Smolensky trace in A.T. Tvardovsky’s poem “House by the road”. In V.V. Ilin & O.A. Novikova (Eds.), *The Literary Legacy of A.T. Tvardovsky in the Change of Generations* (pp. 115–121). Smolensk. (In Russ.)
- [10] Ermolenko, G.N. (2015). Artistic time in A.T. Tvardovsky’s poem “Beyond the Distance”. In V.V. Ilin & O.A. Novikova (Eds.), *The Literary Legacy of A.T. Tvardovsky in the Change of Generations* (pp. 46–57). Smolensk. (In Russ.)
- [11] Lejderman, N.L., & Lipoveckij, M.N. (2001). Alexander Tvardovsky. *Modern Russian literature. Book 1. Literature of the “Thaw” (1953–1968)* (pp. 152–178). Moscow. (In Russ.)
- [12] Tvardovsky, A.T. (1976). *Collected works. Vol. 1. Verses (1926–1940). The Land of Muraviya: Poem. Translations* (K. Simonov, Preface; Yu. Burtin & R. Romanova, Note). Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Ничипоров Илья Борисович, доктор филологических наук, профессор, кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Bio note:

Ilya B. Nichiporov, Doctor habil., Professor, Department of the History of the Newest Russian Literature and the Modern Literary Process, e Lomonosov Moscow State University.

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2-198-205

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

**Роль ритмизации и метризации
в формировании стиля и жанра прозы Б. Рахманина****П.Ш. Цуруева^{ID}, И.Г. Минералова^{ID}✉***Московский педагогический государственный университет,
Российская Федерация, 119991 Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1*✉ ig.mineralova@mpgu.su

Аннотация. Вопросы ритмизации и метризации прозы писателей 1960–1970-х годов отражают не только эксперименты литературной молодежи в области формы; поиски новых жанров, способов выражения нового содержания разнообразны. В этом ключе рассматривается творческая деятельность Бориса Леонидовича Рахманина, автора поэтических сборников, повестей, сценариев кинофильмов, как смело использовавшего для создания новой внутренней формы своих произведений различные возможности метризации, так и писавшего ритмическую прозу, явно отличающуюся от опытов предшественников из Серебряного века или тех, кто творил в русском зарубежье. Анализ показательных в этом отношении произведений («Письмо», «Действие происходит на другой планете» и др.) показывает функциональный потенциал особой ритмико-мелодической организации прозы в индивидуальном стиле писателя, а также указывает на семиологические подходы в анализе литературного произведения вообще. Сопоставление художественного опыта Б. Рахманина в избранном ракурсе с опытом А. Белого или И.А. Бунина как предшественников и Ю. Марцинкявичуса как современника дает представление о наследуемой традиции и культурном стиле эпохи, в которую творил писатель.

Ключевые слова: метризация, ритмизация, внутрилитературный синтез, фантастика, индивидуальный стиль, внутренняя форма, Борис Рахманин

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 1 марта 2021 г.; принята к публикации 30 марта 2021 г.

© Цуруева П.Ш., Минералова И.Г., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Цуруева П.Ш., Минералова И.Г. Роль ритмизации и метризации в формировании стиля и жанра прозы Б. Рахманина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 198–205. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-198-205>

The Role of Rhythm and Metre in the Style and Genre Formation in B. Rachmanin's Prose

Petimat Sh. Tsurueva^{ID}, Irina G. Mineralova^{ID}✉

Moscow Pedagogical State University,
1 Malaya Pirogovskaya St, bldg 1, Moscow, 119991, Russian Federation
✉ ig.mineralova@mpgu.su

Abstract. The issues of rhythm and metre in prose of 1960–1970s reflect the experiments of young writers not only within the form. The search for new genres and ways of expressing new content are diverse. The article deals with literary works by Boris Leonidovich Rachmanin, the author of poetry collections, stories, screenwriter, who boldly created a new internal form of his works using both possibilities of meter and rhythm in his prose, which was different from the works of his predecessors in the Silver Age or those who worked in the Russian diaspora. The analysis of works *A Letter*, *The Action Takes Place on the Other Planet* and others shows the functional potential of special rhythm and melody of prose in the individual style of the writer and also outlines semasiological approaches in the analysis of a literary work in general. Comparison of literary works by B. Rachmanin with the works by A. Bely or I.A. Bunin as his predecessors and Yustinas Martsinkevichus as his contemporary author gives an idea of the tradition Rachmanin inherited and the cultural style of the epoch in which the writer worked.

Keywords: metre, rhythm, intra-literary synthesis, fantasy, individual style, internal form, Boris Rakhmanin

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted March 1, 2021; revised March 28, 2021; accepted March 30, 2021.

For citation: Tsurueva, P.Sh., & Mineralova, I.G. (2021). The role of rhythm and metre in the style and genre formation in B. Rachmanin's prose. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(2), 198–205. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-198-205>

Введение

Демонстративное обращение писателя Б.Л. Рахманина (1933–2000) к опытам ритмической прозы, к использованию стиховых возможностей в прозаическом произведении не является формальной самоцелью. Взаимодействие стиха и прозы, как показывает опыт его предшественников (А. Белый, И.А. Бунин, В. Хлебников, В.В. Набоков и др.) и опыт современников в области верлибра, а также исследование этих явлений В.М. Жирмунским, М.Л. Гаспаровым, Ю. Орлицким и других показывает, что содержательная плодотворность такой творческой работы, без сомнения, значительна.

Именно поэтому анализ таких произведений, как «Действие происходит на другой планете» (опыт ритмической новеллы – определение наше. – П.Ц., И.М.) и рассказа «Письмо», позволяет объяснить роль ритмизации и метризации в решении творческих задач писателя (а они в каждом случае различны), в создании внутренней формы прозы. Сравнительно-исторический и историко-функциональный методы, а также семасиологический, продуктивно используемые в отечественной филологии, применены и в представленном исследовании.

Функции ритмизации прозы в стиле Бориса Рахманина

Борис Рахманин, обладавший несомненным поэтическим, а не только версификационным даром, вошедший в литературу сборником стихов «Добрый человек» (1963, «Советский писатель»), поступивший в Литературный институт именно как поэт, параллельно исследует возможности стиха и прозы. Именно в это время исследователи обратились к семантике и стиховым возможностям верлибра, к полемике о сути верлибра. Уже объемную прозаическую книгу с поэтически-парадоксальным названием «Моря впадают в реки» (1977) [1] открывает повесть, начинающаяся со своеобразной увертюры, построенной по принципу ритмизованной прозы. Сам термин «ритмическая проза» имеет целый ряд определений, которые аргументируются стиховедами XX века от Андрея Белого и А.М. Пешковского до современных ученых, при этом наиболее доказательным определением, с нашей точки зрения, является точка зрения В.М. Жирмунского, высказанная им в его труде «Теория стиха»: «...основу ритмической организации прозы всегда образуют не звуковые повторы, а различные формы грамматико-синтаксического параллелизма, более свободного или более связанного, поддержанного словесными повторениями (в особенности анафорами)» [2. С. 575]. В данной характеристике ритмической прозы указывает на то, что ритм прозы формируется отлично от ритма поэзии, какой бы системе стихосложения он ни принадлежал. «Они (эти выше названные повторы. – П.Ц., И.М.) образуют композиционный остов ритмической прозы, заменяющий метрически регулярные композиционные формы стиха», – заключает ученый [2. С. 575]. Именно таким «запевом» начинается выше названная повесть Б. Рахманина: «*Все начинается с дороги. А куда она ведет, кто выбивал ее здесь от века босыми ступнями и подошвами кедров? Почему все прошли именно здесь?*» [1. С. 7]. Короткое на половину страницы размышление, предваряющее первую главу, разбито в свою очередь на пять практически равных абзацев. Каждое начало абзаца будто бы разворачивает внутреннюю форму повести, заключенную в названии. Первое предложение, выделенное курсивом, афористично и семантически многомерно. Второй абзац – еще одна сильная позиция, расширяющая заданную вначале тему: «*Потому что она, как река, – дорога*» [1. С. 7]. Третий абзац открывается так: «*Доверьтесь дороге!*» [1. С. 7]. И уже эти три начала упрочивают размышление читателя о том, что есть дорога в принципе, что она в истории человечества и каждого человека, какую цель преследует идущий, а потому четвертый абзац самым началом ведет размышление в лирико-мелодическом плане: «– *Счастье ищу...*» [1. С. 7].

И тогда последний, пятый фрагмент не кажется случайным: «И все словно прозревают. И только тут все как бы догадываются... Ну, да! Конечно же, все они того же ищут, счастья. Ни больше, ни меньше» [1. С. 7]. Этот пример из прозы писателя особенный, но он подтверждает и другие поиски им семантики ритма, на которые указывает В.М. Жирмунский: «Именно эмоционально-лирическое содержание такой прозы подсказывает одновременно и эти его стилистические особенности, и связанную с ними ритмизацию» [2. С. 576]. Указанные нами примеры ритмизации «работают» вкупе с более крупными: с названиями глав, повторами названий, семантикой имен и фамилий персонажей, ритмизованными фрагментами внутри главок и, как в музыкальном произведении, представлены разного состава и уровня повторы, которые разворачивает основную тему, мотивы, мелизмы, партии различных инструментов. Все это ритмически и семантически переплетаясь, развиваясь приводит читателя к ответу на вопрос, который не может не возникать, поскольку общеизвестно, что реки впадают в моря, а не наоборот: что понимается автором под реками и морями, иначе перед читателем была бы просто грубая географическая ошибка. Однако «ошибка» выступает в качестве поэтического приема, и это подтверждает финал: «Карасев <...> один глоток всего и отпил, не больше. Сон вспомнил. Размахнулся и выплеснул воду в море. <...> сразу воды в море заметно прибывло <...> Видно, непростая это была вода... *Может*, это **время** плескалось в огромной неоглядной чаше, а не вода вовсе? *Может*, это **труд** человеческий сиял и переливался под солнцем? *Может*, каждую каплю этого моря – каждую в отдельности – долго и терпеливо мастерили **руками**? (выделение наше. – П.Ц., И.М.)» [1. С. 105]. Анафора и синтаксический параллелизм в данном фрагменте разъясняют семантику и символику и рек, и морей, с одной стороны, и формируют, с другой стороны, лирико-ассоциативный план повести. А особым смыслом наполненный афористический императив финала: «Берегите, люди, **свое** море!» [1. С. 105] делает финал едва ли не открытым, поворачивая размышления от внутреннего мира повести к внутреннему миру читателя.

Иного состава ритмический рисунок «Опыта ритмической новеллы». Такое почти жанровое определение дает произведению сам автор. При этом такого жанра не фиксируют исследователи в принципе. Однако Б. Рахманин сочетанием названия «Действие происходит на другой планете» и определением экспериментального жанра создает неожиданное содержание. Приземляется самолет, читатель догадывается, что по приметам города, в Ленинграде, однако кто-то из пассажиров предлагает представить, что все долетевшие оказались на другой планете и могут для себя сделать вид, что они не понимают ни реалий, ни жизненных правил. Все соглашаются. Один, спавший, ничего не знает об этой игре и везде пытается объяснять. Создается ощущение фантастичности происходящего, хотя это фантастическое – имитация фантастики, флер фантастики представлен и в ритмизованной от начала до конца истории. Хотя по сути следовало бы назвать эту новеллу метризованной, поскольку в прозаическую строку автор вмещает ямбически, по преимуществу, организованный текст: «Уже прошла вдоль кресел стюар-

десса, / на миг бедром касаясь пассажиров. / На миг, а все же... Черт возьми, она / – поистине душа Аэрофлота! / Опять идет. Коснулась мимолетно. / Да нет, скорее самолетно это!..» [3. С. 307] «Метризованная проза, – пишет В.Б. Семенов, – это художественный прием *силлабо-тонического* упорядочивания ритма прозаического текста. Прозаик, желая придать тексту благозвучие, подчиняет ритм прозы регулярному силлабо-тоническому метру, делит весь текст на однородные *стопы*» [4]. То есть Борис Рахманин, экспериментирующий с фантастикой и гротеском, в этом произведении избирает тотально используемый ямб как средство метрически объяснять увиденное нетривиальной прозой. Он в середине XX века не одинок в подобных экспериментах. Леонид Мартынов, пришедший в литературу в конце 1920-х годов и хорошо знакомый с подобными опытами Андрея Белого, пишет тоже ямбом в строку в 1962 году замечательную своим полемизмом «Проблему перевода». При этом есть основания для сравнения рахманинского «опыта» и фантастического рассказа «Письмо» не с Л. Мартыновым, а с популярной у современников поэмой Юстинаса Марцинкявичуса *Номо сум* («Я человек» или «Се человек»). Этому есть несколько причин.

Жанр и метр в малых прозаических формах Бориса Рахманина

Любимый у Бориса Рахманина образ машины времени оказывается неожиданным в «новелле»: «Музей – *машина времени*, однако здесь все всегда *обращено назад*. Так поспешим же из тюрьмы на волю, из призрачного *Прошлого в Сегодня*, прозрачное, как *знамя на свету*. И после затхлой атмосферы склепа надышимся бензиновой гарью, смешавшейся со свежим ароматом наполненных дождем недавним роз» [3. С. 310]. Метрическая организация будто бы позволяет традиционно, высоким слогом описать прошлое, однако эта патетика по отношению к прошлому иронически переосмыслена соположением музейного и живого.

Принятие условностей «игры» позволяет, действительно, оторваться от тривиальности обыденного и заглянуть в будущее, которое поражает воображение: «*Нет, наше удивленье – не забава. Ну как не удивляться* дню и ночи, сменяющим друг друга пунктуально? *Ну как не удивляться* сокровенным мечтам людским – мечтам их вопреки? *Ну как не удивляться*, посудите?» [3. С. 314]. В традиционной прозе повтор этого речевого оборота выглядит избыточным, тогда как в поэзии закономерен, поскольку усиливает и расширяет подтекст, ассоциативный план произведения.

Многогранно, в сочетании патетического, юмористического, иронического, реалистического выписан человек, – люди, мужчины, женщины, дети, старики, разного нравственного и социального статуса: «*Глупцы мы, мудрецы мы, просто – люди. Мы видим мир, каков он есть, порой же – таким, каким хотели б увидеть. Мы люди, паспорта у нас в карманах, а в паспортах, по пунктам: кто мы, что мы, где и когда, зачем на свет родились? Поэтому, летя к далеким звездам, нет-нет да и на Землю завернем*» [3. С. 314]. Сочетание деталей преходящего и вечного объясняет «опыт», предпринятый писателем, вступающим в диалог о человеке с художниками-современниками.

Так, у Юстинаса Марцинкявичуса жанр поэмы уточнен: *missa brevis* (короткая месса), жанр, довольно распространенный не только в религиоз-

ном песнопении, но и в светской музыке. Такое авторское определение поэмы настраивает на звучание, в котором сопологаются хор и орган, которые оказываются лишь фоном для голоса. Краткая месса в исполнении поэта вводит романтический настрой, будучи соотнесенной с мессами не столько композиторов XX века, сколько с Бахом и Бетховеном, потому патетика и возвышенный слог в поэме вполне соответствует жанру, но и отвечает на вопросы времени: кто ты, Человек? Каков твой путь? «Вселенная, Куда ведешь меня Над пропастью, По зыбкой, Узкой грани Меж прошлым И грядущим? Каждый миг, Который именуют настоящим, Грозит паденьем В тьму небытия» [5]. Заметим, поэт заменяет строфическое членение указанием будто бы новой строки заглавной буквой. Приведенное начало первой части выстраивает систему координат: это человек и его место во Вселенной. Уточнение жанра вносит дополнительную мотивацию в метризацию прозы. У Рахманина в уже цитированном произведении мысленное движение видится встречным по отношению к тому, что есть в поэме Марцинкявичуса: пассажиры самолета, оказавшись на Земле, в городе, что дышит и прошлым, и настоящим, обязаны заботиться о будущем своем, своих детей и планеты. «Опыт ритмической новеллы» Б. Рахманина – многоголосие, вступающее в диалог с краткой мессой, стилистически обязывающей, тогда как название «новелла» приобретает дополнительное значение «случая», «мига», в котором отражена, как в капле воды, история Человека и человечества.

В этом смысле «Письмо» или «Письма в завтра и вчера», или «Привет Почтмейстеру!» (1987) Бориса Рахманина представляется опытом на ту же тему, находящемся в диалоге с *Ното sum*. Жанр произведения определяется как фантастический рассказ, публикуется в сборниках научно-фантастической прозы, хотя в данном случае читатель имеет дело с фактом превращения фантастического приема в поэтическое содержание. Главный герой рассказа Гаврила Васильевич Петухов избирается Почтмейстером, то есть, житейски говоря, почтальоном. Но эта замена слова невозможна не только потому, что Почтмейстер архаическое, обладающее романтическими значениями, буквально: начальник почтового отделения, однако та роль, которую выполняет Почтмейстер вовсе не начальническая, она является миссией этого человека, предназначением доставлять письма, чтобы не случилась беда у человека или человечества или, наоборот, чтобы принести радость в прошлое из будущего и наоборот. И в данных художественных обстоятельствах название должности и миссии сродни другим словам с подобным суффиксом. Он мастер или маэстро, даже вершитель судеб, не самозванец, а Человек, соединяющий времена. Но романтико-поэтическое его предназначение оказывается «зарифмованным» подтекстом, когда он – проводник в Вечность, в Бессмертие, и тут как нельзя кстати соположение жанра «письма», «послания» с теми значениями, какими этот жанр обладает в истории поэзии, а потому закономерно, что поэтические, но написанные прозой, письма-этюды приводят Почтмейстера к моменту, когда он встречает за миг до смерти своего сына Георгия [б. С. 91], передает ему письмо из будущего, и это письмо будет песней, торжественным песнопением, исполняемым хором на Певческом поле, том самом, которое было полем битвы Великой Отечественной войны. «Вот эта песня через время *долетит...* / *Тогда солдат за миг до смерти,*

может быть, / Узнать успеет, что он вечно будет жить...» [7]. Лирическая проза, высокий драматизм происходящего упрочен поэтическим, стихотворным текстом гимна. Содержание стихотворного текста и описание поющих соотносимо, может быть, с исполнением музыкально-поэтических произведений, которое, например, стилизует Марцинкявичус, оно явно литургического содержания. И в этом смысле «Письмо» при всей его повествовательности и небольшому объему, не уместается в рамки фантастического рассказа, поскольку содержит трагическую мотивную линию, выраженный компонент узнаваемых эпизодов истории человечества, пафос воспевания жертвы и подвига, отсылающих к литургическому синтезу.

Заключение

Предпринятое исследование ритмической и метрической прозы в творчестве Бориса Рахманина, показывает, как конструкция прозы влияет на оформление жанра, его семантическое наполнение и на индивидуальный стиль в целом. В каждом конкретном случае автор прибегает к особым способам ритмизации с конкретной художественной задачей и успешно ее решает благодаря мастерскому владению формами стиха и прозы. Использование указанных приемов участвует в формировании *новых жанров* (коллаж, например, применительно к «Ворчливой моей совести») в прозе. Соположение стиха и прозы, как в «Письме», формирует в фантастическом рассказе музыкально-поэтические, патетические акценты, в «опыте ритмической новеллы», по определению автора, в формировании хронотопа участвует ямб, представленный в виде прозы.

Сопоставление с писателями-экспериментаторами (А. Белый, И.А. Бунин и др.) и современниками (Ю. Марцинкявичус) открывает поиски в области художественного и жанрового синтеза, объясняет важные тенденции в стиле изучаемой литературной и культурной эпохи.

Список литературы

- [1] *Рахманин Б.Л.* Моря впадают в реки. М.: Советский писатель, 1977. 366 с.
- [2] *Жирмунский В.М.* Теория стиха. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1975. 664 с.
- [3] *Рахманин Б.Л.* Действие происходит на другой планете // Ворчливая моя совесть. М.: Советский писатель, 1981. 384 с.
- [4] *Семенов В.Б.* Метризованная проза // Теория литературы: стиховедение. URL: <https://www.philol.msu.ru/~tezaurus/docs/4/articles/2/8> (дата обращения 10.01.2021).
- [5] *Марцинкявичюс Ю.* Homo sum. URL: <https://libking.ru/books/poetry-/poetry/35606-yustinas-martsinkyavichyus-homo-sum.html> (дата обращения: 11.01.2021).
- [6] *Минералова И.Г., Цуруева П.Ш.* Борис Рахманин: возвращение в строй (фантастическое и лирическое в стиле рассказа «Письмо» // Книга в культуре детства: монография: в 4 т. М. – Ярославль: Литера, 2019. Т. 3. С. 91–103.
- [7] *Рахманин Б.Л.* Письмо // «На суше и на море» – 87. Фантастика. М.: Мысль, 1987.

References

- [1] Rahmanin, B.L. (1977). *The seas flow into the rivers*. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ. (In Russ.)

- [2] Zhirmunskij, V.M. (1975). *The theory of verse*. Leningrad: Sovetskij pisatel'. Leningradskoe otdelenie Publ. (In Russ.)
- [3] Rahmanin, B.L. (1981). The action takes place on another planet. *My Nagging Conscience*. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ. (In Russ.)
- [4] Semenov, V.B. (n.d.). Metrized prose. *Theory of Literature: Poetry Studies*. (In Russ.) Retrieved January 10, 2021, from <https://www.philol.msu.ru/~tezaurus/docs/4/articles/2/8>
- [5] Marcinkevičius, J. (n.d.). *Homo sum*. (In Russ.) Retrieved January 11, 2021, from <https://libking.ru/books/poetry-/poetry/35606-yustinas-martsinkyavichyus-homo-sum.html>
- [6] Mineralova, I.G., & Tsurueva, P.Sh. (2019). Boris Rahmanin: The return to service (fantastic and lyrical in the style of the story “The Letter”. *Book in the Culture of Childhood* (vol. 3, pp. 91–103). Moscow, Yaroslavl, Litera Publ. (In Russ.)
- [7] Rahmanin, B.L. (1987). The letter. “*On Land and on the Sea*” – 87. *Fiction*. Moscow, Mysl' Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Цуруева Петимат Шариповна, соискатель кафедры русской литературы XX–XXI веков, Московский педагогический государственный университет.

Минералова Ирина Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, кафедра русской литературы XX–XXI веков, Московский педагогический государственный университет.

Bio notes:

Petimat S. Tsurueva, postgraduate student, Department of Russian Literature of the 20–21 centuries, Moscow State Pedagogical University.

Irina G. Mineralova, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature of the 20–21 centuries, Moscow State Pedagogical University.

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2-206-216

УДК 82-1/29

Научная статья / Research article

Творчество и мифотворчество в «Московских текстах» А.С. Долматова

А.А. Жукова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1*

✉ alix_zhukova@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы творчества и мифотворчества в «московских текстах» А.С. Долматова. Целью исследования является изучение авторских представлений о своем лирическом герое и формирование автопортрета нарратора. Объектом исследования являются тексты А. Долматова, посвященные Москве и урбанистическому укладу жизни, поскольку именно «московская тема» является смыслообразующим компонентом в творчестве исполнителя. Представлена краткая история формирования рэп-поэзии в России XXI века. Проанализированы основные особенности проблематики и поэтики в текстах А.С. Долматова. Ставится задача проследить эволюцию авторских представлений о поэтике и значении рэпа как одного из жанров словесности. Взаимоотношения лирического героя Долматова с «городом дорог», Москвой, предопределяют развитие творчества автора в рамках традиции альтернативной поэзии XXI века.

Ключевые слова: рэп-поэзия, московский текст, современная альтернативная поэзия, поэзия андеграунда, мифотворчество

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 7 января 2021 г.; принята к публикации 28 февраля 2021 г.

Для цитирования: Жукова А.А. Творчество и мифотворчество в «Московских текстах» А.С. Долматова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 206–216. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-206-216>

Creativity and Myth Making in Moscow Texts by A.S. Dolmatov

Aleksandra A. Zhukova

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

✉ alix_zhukova@mail.ru

Abstract. The article deals with the problems of creativity and myth making in the Moscow texts by A. Dolmatov. The research is aimed at studying the author's ideas about his lyrical hero and the formation of the narrator's self-portrait. A. Dolmatov's texts are dedicated

© Жукова А.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

to Moscow and the urban way of life, since it is the “Moscow theme” that is the sense-making component in the writer’s work. The article presents a brief history of rap poetry formation in Russia in the XXI century. The main features of problematics and poetics of A. Dolmatov’s texts are analyzed. The task is to trace the evolution of the author’s ideas on poetics and the meaning of rap as a genre of literature. The relationship of Dolmatov’s lyrical hero with the city of roads, Moscow, defines the development of the author’s work in alternative poetry of the 21 century.

Keywords: rap-poetry, Moscow text, modern poetry, underground poetry, myth creation

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 7, 2021; revised January 20, 2021; accepted February 28, 2021.

For citation: Zhukova, A.A. (2021). Creativity and myth making in Moscow texts by A.S. Dolmatov. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(2), 206–216. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-206-216>

Введение

Процесс демократизации искусства, набирающий силу в последние два десятилетия, оказал значительное влияние на перераспределение амплуа «центра – периферии» в массовой песенной культуре: так, некоторые синкретичные явления – авторская песня или рок-поэзия – оказались окончательно ассимилировавшимися элементами музыкально-литературного искусства. Освободившуюся нишу «привилегированного» андеграунда в жанре песни последовательно и уверенно завоевывает рэп-поэзия, появившаяся в России в 80-х годах XX века. До недавнего времени этот вид лирики негласно считался маргинальным, поскольку статусом элитарного направления обладал рок как отечественный, так и зарубежный. Только к первой декаде XXI века рэп заявляет о себе как о серьезном жанре, способном составить конкуренцию устоявшейся роковой эстетике: статьи о рэп-поэзии появляются в сборниках наравне с текстами о проблематике и поэтике рока («Русская рок-поэзия: текст и контекст» под ред. Ю.В. Доманского), проводится отдельная конференция «Рэп: филологический ракурс» (Москва, РГГУ, 14 сентября 2019 года).

К началу XXI века формируется образ новой аудитории, воспринимающей рэп как альтернативную поэзию всерьез. С одной стороны, это «представители уличной интеллигенции» [6], для которых актуальны проблемы «потерянного поколения» 90-х годов XX века – трудное детство, наркотики, криминальный мир. С другой стороны, это те, для которых подобная андеграундная жизнь на самом деле особая экзотика, игра, возможность лицедействовать перед собой в образе «анти-супергероя»: «Но наверху знают, кто любит, а кто – подражает» [6].

Творчество А.С. Долматова в контексте рэп-поэзии

Рэп как лингвистический компонент хип-хоп культуры имеет особую поэтическую структуру, обозначенную А.М. Чурушкиной как сплав из ненормативной лексики, стилистически сниженных лингвистических средств выражения, агрессивности, фамильярности [10. С. 5–6]. Подобные провокационные аспекты имеют прямое отношение к авангарду XX века (ср. с де-

кларацией футуристов «Идите к черту!» 1914 года или фрагментами из имажинистских теоретических работ: «Нам противно, тошно от того, что вся молодежь, которая должна искать, приткнулась своею юностью к мясистым и увесистым соскам футуризма, этой горожанке, которая, забыв о своих буйных годах, стала „хорошим тоном“, привилегией дилетантов» [5]).

Преимущественно рэп относится к маскулинному дискурсу, поэтому его поэтическая структура включает ненормативную лексику, просторечье, стилистически сниженные лингвистические средства выражения, агрессию и вульгарность. «Маскулинный» быт, присутствовавший в произведениях С.Д. Довлатова («Зона. Записки надзирателя», «Заповедник»), А.И. Солженицына («В круге первом», «Архипелаг ГУЛАГ»), обязывает авторов придерживаться определенного стиля и лексики, чтобы создать ощущение подлинности событий, диалогов и мыслей, поэтому такие инородные языковые вкрапления не снижают художественной целостности произведений, а, напротив, являются необходимыми связующими звеньями.

В настоящее время русский рэп делится на два основных направления, которые различаются гипотезами о генезисе рэпа. Первое направление – изолированное – предполагает стихийное, «уличное» происхождение альтернативной поэзии, ее принципиальную дистанцированность от классики. Второе – характеризует отношения литературы и рэпа как преемственные, подчеркивая данный тезис аллюзиями не только из классической прозы и поэзии, но и из авторских песен и рок-поэзии.

Несмотря на то, что творчество А.С. Долматова относится к первому типу альтернативной поэзии, в нем получает развитие такой феномен, как «московский текст». Неоднократно в своих треках лирический герой А.С. Долматова акцентирует внимание на внутренней связи с городом, поэтому урбанистический пейзаж в его творчестве формируется за счет московских локаций – «Мимо мавзолея, где дедушка Ленин, / Мимо собора Блаженного Василия, / Мимо стройки, где раньше была гостиница „Россия“. / На Москворецкий мост, / И я чувствую пятками, как асфальт под ногами сменяет брусчатку...» [6]. Нарочитое апеллирование к объектам любимого города – историческим или современным – организует семантический параллелизм между эволюцией Москвы и взрослением лирического героя, для которого мотив детства соплагается с центром Москвы и старыми дворами, а беспечная молодость расширяет границы детского микромира – образ метрополитена и его отдаленных станций («С легким, но колким, порывом ветра, / Преодолев сырые подземные километры, / По светлым станциям и холодным туннелям, / Лови, метрополитен мэил. // Шикарное царство, размахом поражающее, / За копейки приглашает всех желающих, / Куда-то спешащих и просто гуляющих, / Бодрых с утра и вечерами засыпающих, / Опаздывающих и уже опоздавших» [6]). Родственная связь с городом, пожалуй, единственная константа в творчестве Долматова. Так, Е.В. Фролова, развивая мысль Л.Я. Гинзбург, справедливо замечает, что «лирический герой всех песен был человеком с одними и теми же моральными ценностями, с теми же интересами и страхами, он мог изменяться со временем, однако это не было коренной сменой мировосприятия – это было развитием одного и того же человека» [9. С. 25]. Именно Москва является основным ме-

тодом авторской самоидентификации и первопричиной его текстов, которые без московского «компонента» утрачивают часть смыслов.

Одной из смежных с «московским текстом» интенций является утрата урбанистического единства между горожанами: «Поймите, я – москвич, москвич до мозга костей, / Гораздо больше, чем большинство из москвичей. / Кто не в теме, народ, простите, / Я – один из оставшихся в живых коренных жителей» [6]. Идея об избытии приезжих в столице, присутствующая в разговорном дискурсе, приобретает в текстах Долматова определенный лиризм, поэтизирующий не столько образ жизни горожан, сколько идею об их исторических корнях, об их родовой общности с Городом. В данном аспекте лирическое «я» осознает губительное влияние глобализации на жизнь, поэтому в своем творчестве неоднократно разделяет свою аудиторию на коренных москвичей, которые поймут его героя Гуфа в большей степени, нежели гости столицы: «Послушайте, уважаемый гости столицы, / <...> Постарайтесь что-то впитать и чем-то проникнуться. / И прежде чем бежать на выставки и в музей, / Прогуляйтесь по нашему подземелью. // Нет, я прошу прощения гости, но эта тема посвящена, к сожалению, / Тем, кто с рождения в этой плоскости, / Главным лицам этого андерграунд представления...» [6].

Концепт «город» в поэзии А.С. Долматова

Характерной особенностью творчества Долматова является поэтизация образа Города. В отличие от творчества А.В. Завьялова и А.А. Позднухова («25/17») – в текстах этих исполнителей Город является собирательным образом и открыто демонизируется («Побег», «Череп и кости») – Долматов не сводит проблему деструкции человеческой личности к пагубному влиянию городской эстетики. В то же время топос Москвы как города соблазнов и легко доступных удовольствий присутствует в нарративах Гуфа, но не является определяющим. Бытие, оказывающее воздействие на сознание и поведение личности, представлено через полисубъектность в тексте «Герои нашего времени» А. Зейналова и Т. Одилбекова («Каспийский груз»): многочисленные рассказчики транслируют убеждения, «которые совпадают со взглядами на жизнь и ценности лирических героев из других композиций» исполнителей [9. С. 26].

Пристальное внимание автора к образу города и нарративы, складывающиеся на фоне урбанистического пейзажа Москвы, не случайны. Продолжение мифологемы «женщина-город», присутствующая в романах «Счастливая Москва» или «Доктор Живаго», реализуется в творчестве Долматова в эпистолярном жанре: «Да это и не песня даже, а, скорее, письмо / Не для ушей ваших, а лично для Нее...» [6].

Москва в творчестве Долматова не столько элемент пейзажа, сколько необходимая сюжетобразующая структура, поскольку именно с ней связано большинство коллизий в текстах Долматова. Особой формой обладает нарратив рэпа, в котором улавливается элемент сказа. Перед читателем возникает специфический образ рассказчика, «„гангста-рэпера“, хулигана» [9. С. 26], для которого главными критиками являются «парни с райончика»: «Считал, что имел право, / Читал, как умел, правда, и меня это радовало. /

А если рады пару парней с райончика, / То вообще порядок: / Вот он где музончик, вот они где хит-парады» [6]. Положительные отзывы именно от этих людей Гуф расценивает как подтверждение собственного таланта.

Иначе обстоит дело в творчестве А.В. Завьялова и А.А. Позднухова. СобираТЕЛЬный образ их лирического героя так же, как и Гуф, является «представителем уличной интеллигенции» [6], однако сами тексты, в которых ирония и пародия выполняют смыслообразующую функцию, предназначены не для обывателей, а для тех, кто способен увидеть скрытые отсылки к Блоку, Мариенгофу или Башлачеву. Примечательно, что лирическое «я» Долматова выбирает себе подходящее имя, тем самым персонифицируя себя как автора, а не просто человека толпы, в то время как персонаж Завьялова и Позднухова остается безымянным собираТЕЛЬным образом, выразителем масс для *немассового* читателя.

Герой Долматова называет себя GUF, это известное имя пса из мультфильма В. Диснея, становится сценическим псевдонимом, от лица которого и ведется рассказ. Поэтическая структура текстов этого исполнителя не изобилует красочными или запоминающимися образами, однако акцент, смещенный в сторону детально запечатленных эпизодов из жизни лирического «я», привносит в рэп Долматова необходимый художественный элемент. Ощущая себя неотъемлемой частью этого города, GUF постоянно акцентирует внимание на своей «родственной» связи с Москвой: «Я посвящаю строки этому городу, / Точнее, его центру, каждому метру, / Я посвящаю строки этой белой дороге / На городе дорог. Спасибо центру за это» [6]. Позднее лирический герой трансформирует свои представления о гендерной составляющей города – для GUF`а это *Она*, Москва, знакомая и любимая, единственная, которой можно посвятить стихи и не раскаться в этом с течением времени: «Каждая лягушка хвалит свое болото, / А я все также посвящаю строки этому городу...» [6], «Я возвращаюсь в этот город, знакомый до слез, / До прожилок, до детских припухших желез. / Здесь живут мои друзья, и, дыхание затая, / Ночные двери открываю я» [6].

Наличие сценического псевдонима Долматова способствует дополнительной дифференциации в художественном пространстве. Лирическое «я» рэпера складывается из двух компонентов: личности самого исполнителя и персонажа. Подобное разграничение приводит к созданию монолитного образа нарратора. Так, если в литературе Абрашка Терц или кот Мур являются только литературными масками, то в рэп-поэзии личность автора находится в непосредственной зависимости от образа героя: необходимость соответствовать своему лирическому «я» и медийному образу продуцирует новые мифы или в значительной степени модифицирует предыдущие. Связующим звеном между личностью автора, А. Долматовым, и его сценическим амплуа является московская тема, возвращающая героев в дворики центра города, с которых и началось рэп-творчество.

Миф о хулигане, влюбленном в Москву, оказывается наиболее продуктивным в рэпе Долматова. Малозначимые детали московского вечера оказываются не только скрытыми отсылками к песне М.Л. Матусовского «Московские окна», но меланхолическими символами, угадываемыми аудиторией и самим автором на интуитивном уровне: «Все, как мы любим, – это

просто мысли вслух. / Когда потухнет свет на кухне, там останется Guf. / Плюс еще скоро появится свет из окна, / И все должно быть нормально, пока за окном Она» [6].

Образ Москвы в творчестве Долматова складывается из представлений о городе и как о географической единице, и как о метапространстве, в котором происходили знаковые, памятные моменты детства и юности самого автора. Согласно критериям, обозначенным М.В. Селемёновой, «московскому тексту» свойственны мифологемы сердца России, Третьего Рима, Феникса, возрождающегося из пепелища [8. С. 26]. Это утверждение представляется весьма убедительным, учитывая контекст авторской песни (Ю. Визбор «Александра», М. Матусовский «Московские окна»), в которых образ Москвы связан с возрождением, процветанием и обретением *дома*. Для лирического героя концепт Москвы-дома так же принципиален. Не случайно Guf настойчиво возвращается к теме родного города, который формирует его личность и настроение на протяжении всей жизни: «Я помню ширину балкона, помню вид из окна, / Уверен, что меня помнят эти дома. // ЗМ – вот, что я называю домом, / Мир всем местным, one love дворам по-любому. / И когда на небе свое место занимает луна, / Я шлю свой „салам“ этим домам» [6].

Детали, присущие исключительно урбанистическому пейзажу, не только формируют определенную эстетику в творчестве Долматова, но и в некотором смысле становятся героями *того* Города, знакомого и понятного лично герою: («Вон троллейбусные провода висят. / „Извините, а куда мне идти?“ / В ответ загудят: „Вон гляди, там вдали блещут, / Твои любимые трамвайные пути – / Вот у них и спроси“. / Я, шатаюсь, пошел к путям: / „Пути, куда идти?“ / „Слышь, давай думай сам. Ты же взрослый мальчик уже, Алеша...“») [6]. Мотив одиночества, являющейся неотъемлемой чертой романтического модуса, также раскрывается в творчестве Долматова посредством обращения к топосу Москвы: «Эти мутные будни. / И эти изученные до жути маршруты <...> И тут мне шепнут эти / Трамвайные пути, / На том ли ты пути и стоит ли туда идти. / И смогут ли эти люди / Пусть не дойти до сути, / Но хотя бы вникнуть в то, / Что хотим донести» [6].

Переживая одиночество, Гуф в исповедальной манере посвящает читателей в свои размышления о своей судьбе и творчестве: «Но я абсолютно один к этой минуте, / Жду, пока Кольку отпустят судьи / И поймут, как он нужен тут, на этой студии, / Как ждут его эти трамвайные пути. // Пускай здесь ходят, как хотят, / Лира переулков наших – марка центр. / Пускай их топчут, на них глядят. / Всю жизнь на свободе прогулки по темным аркам, / Но не пропасть им никогда. / Пойми, эти стихи будут тут всегда. / Будут тут всегда» [6]. Герой Долматова способен выстраивать диалогические отношения с Москвой, одушевлять неодушевленности и встраивать их в свой поэтический мир, беседуя с ними, как с равными собеседниками: «Живота площадь с водостоком пупка посредине. / Сырые туннели подмышек. Глубоко / В твоём имени Демон Бензина / И Тамара Трамвайных Гудков» [Шершеневич, 1920], «Я обрываю нить сознания / И забываю, что и как... / Кругом – снега, трамваи, зданья, / А впереди – огни и мрак» [3. С. 8]. Иначе обстоит дело у других рэп-исполнителей: их персонажи либо порицают город как явление, видя в ней демоническую мифологему («25/17»), либо видят в Го-

роде рукотворный механизм, а не равного себе собеседника (Охххуmiron, «Город под подошвой»). Для Гуфа детали городских дворов и площадей становятся свидетельствами его *со-причастности* Москве, в то время как лирический герой А. Блока видит Город и себя в нем только в качестве кинематографической фрагментарности: «Я обрываю нить сознания / И забываю, что и как... / Кругом – снега, трамваи, зданья, / А впереди – огни и мрак» [3. С. 8].

Литературный портрет Гуфа строится на стилистическом перемежении брутальности и детскости. Тема наркотического бреда, мира ужасов и фантазий, который как бы открывает правду герою о настоящей жизни, перемежается с детским мировосприятием лирического героя, его некоторой инфантильностью. Иногда опьянение символизирует очарование атмосферой андеграунда, которая становится для GUFa отправной точкой его творчества: «зеленая подземная артерия» олицетворяет одновременно и замоскворецкую ветку метрополитена, и рэп как образ жизни, связанный с пагубной зависимостью («В окружении семи высоток, девяти вокзалов, / Подземных переходов, обводных каналов, / Лестничных пролетов, хрущевок и коммуналок / Было положено начало. / Зеленая подземная артерия бросила семя, / Хотела посадить дерево, / И появился стебель из щели в кафеле / На лестничной площадке под моей дверью. / И хоть я был маленьким, я разглядел, / Что это был сорняк. / Ну я сорвал и съел. / И с того дня как-то странно, но по ходу правильно, / Меня вставило и прет по сей день») [6].

Московские дворы в текстах Долматова приносят в его поэтическое пространство тему преступления и связанную с ней определенную романтику. Так, паук, знаковый талисман удачливых карманников, преобразуется у Гуфа в неумелое, по словам лирического «я», признание в любви: теперь любимой не дарят свое сердце, она получает его сама, обкрадывая героя. Проблема пошлости как достояния массовой культуры анализировалась Н.С. Гончаровой, русской художницей авангарда: «Мещанская пошлость является господствующей в наши дни и этим характеризуется современность, бояться ее нечего – она может быть вполне предметом художественных работ. <...> Я иду против опошленной и разлагающейся проповеди индивидуализма. Я не боюсь жизненной пошлости и претворяю ее в художественные формы» [4. С. 466–467]. Присутствие «лубочного» фона, стремление «говорить языком масс, языком народного мифотворчества, использовать мифообразы, созданные коллективным воображением», появляются не только в текстах Долматова. Бравирование деклассированностью отразилось и в поэзии Б. Рыжего, автора провинциального урбанизма.

Творчество и мифотворчество: самоидентификация или самоирония

Предыстория героя, его воспоминания о детстве реализуются в творчестве Долматова неоднозначно: ср. «Я не был никогда фанатиком блатной романтики, / Но с детского садика крутился с опасными дядьками. / И пока я кашлял от первого в жизни парика на Павеляге / В падице они втирали мне, что рэп тут не прокатит...» [6]; «Я обожаю дарить подарки / И сразу ей на шею повесил паука. / В детстве фанател от блатной романтики, / И кое-кто

тут понял, на что я тогда ей намекал» [6]. Кроме того, эта вариативность способствует динамичной смене фабульных модусов, поэтому и образ повествователя преобразуется то в роль героя, то – рассказчика: «И все же Леше темы помрачней писать гораздо проще...», «„И неужели писать про любовь настолько сложно, / Встревожено думал Леша, полулежа“», «У тебя что-то случилось? / Рассказывай, что такое. <...> / Я знаю все рожи, которые ты умеешь строить, / <...> До какого класса ты смог доучиться в школе, / И что произошло в том доме, на Октябрьском поле. / Я знаю о тебе все, ты понял, Алеша? / Можешь уйти, хорошо, увидимся позже» [6]. В этой песне роль всезнающего «я» отведена Зеркалу, в разговор с которым вступает герой. Правда, это не диалог на равных: Алеша – так обозначает себя автор в этом треке – оказывается уязвимым перед своим alter ego, ведь зеркальный двойник знает его самого как будто лучше. Подобная метаморфоза с системой персонажей, в которой лирическое «я» теряет право на главенство, является действительно новаторской. Если в поэме «Черный человек» лирический герой еще борется с неузнанным преследователем, и итог этого противостояния неизвестен, поскольку оно бесконечно, то в творчестве Гуфа герой заранее проиграл: он больше не герой-победитель, а заведомо побежденный, бессильный перед превращением: «...я знаю все рожи, которые ты умеешь строить. / Что, как, и сколько по времени тебя кроет, / Видел в эйфории, помню на паранойе...» [6]. В то же время перед читателем герой вполне откровенен: он признается в слабохарактерности и, по сути, в отсутствии силы воли, что исключает возможность развития фабулы, а также подчеркивает исповедальный характер лирики.

Зачастую и сам Guf, сраженный, побежденный наркотическим бредом, не в силах отличить, кто этот *другой Я*, друг или «черный человек»: «Эй, слышишь, ты еще рядом? / Внутренний голос! Или как тебя там, отзовись. / Пожалуйста, умоляю, я сейчас реально сдохну, / Если и тебя потеряю» [6]. Гуф ведет диалог-противостояние, итогом которого может стать развоплощение, утрата самого себя: «Я тут хотел сказать глупость, знаю, / Но у меня такое чувство, будто меня выселяют. / Но не из дома, нет, и не из Москвы, / А гонят просто пинками из моей же головы» [6]. Подобное раздвоение личности можно сказать привычным и вполне обыденным состоянием для героев от конца XX века и до наших дней: ср. «Лева было, конечно, сильно не по себе. Он – раздваивался. „Какое же одиночество в наше время – действительно найти друг друга!.. – думал Лева, тоскуя рядом с Альбиной. – Нет, этой обреченности вдвоем – не вынести, когда рядом есть перед кем прикинуться таким же, как другие“» [2. С. 354]. Расщепление личности в творчестве Долматова отчасти связано с темой наркотиков, встречающей в творчестве М.А. Булгакова или М. Агеева. Бесплодные старания отогнать навязчивый бред лишь подчеркивают бессилие героя, который вновь и вновь погружается в эту битву за сохранение личностного начала, за попытку обладания свободой выбора, волей. И каждый раз персонаж проигрывает: «Я пытаюсь отогнать эту все тяжче наваливающуюся на меня тоску, я пытаюсь вернуть мои мысли, мои восторги <...>, но в памяти моей возникает вся эта ночь, и мне делается так стыдно, так срамно, что впервые правдиво и искренно я чувствую, что не хочу больше жить» [1] // «Временами я по-тихой

схожу с ума, / Но чаще всего не подаю вида. / И когда рассеется туман, / Уверен, за многое будет стыдно. // Все хотят увидеть счастливый финал, / Но большинства не будет, даже в титрах. / Голова на плечах большая / Продолжает выдумывать опасные игры» [6].

Превращение игры в творчество – наиболее неоднозначный аспект в творчестве Долматова. С одной стороны, рэп становится способом самовыражения, дневником, «исповедью хулигана»: «Я просто хотел занять свою нишу, / Сами знаете кто открыл мне доступ на эту крышу. / Я шел на площадку, когда было жарко, / Если начиналась гроза, я прятался в арку. // Ждал появления солнца, смотрел на небо, / И никому не доверял в то время, кроме рэпа» [6]. С другой стороны, Гуф иногда сомневается в своем творчестве и не знает, как к нему относится, можно ли считать рэп делом своей жизни, или это просто развлечение, приманка для доверчивой аудитории: «Я начал читать рэп для самого себя, / И уж точно никогда не хотел, чтобы меня узнавали. / Считал, что имел право, / Читал как умел, / Правда. И меня это радовало, / А если рады пару парней с райончика, / То вообще порядок: / Вот он где музончик, вот они где хит-парады» [6]. Так, будучи неизвестным рэпером андеграунда, поэтом улицы, герой был увереннее в искренности и значимости своей поэзии, в то время как после всеобщего признания его начинают одолевает сомнения – действительна ли эта хип-хоп романтика: «Глупости это все, рэп какой-то, мать его, / Черте как это долбаное «ЕУ», / Для чего все это? Для чего?..» [6]. Эти сомнения выражаются и на лексическом уровне. Так, герой различает «Рэп» и «рэпчик» как творчество и средство заработка, отчасти ремесло.

Заключение

Московская проза предполагает обращение к «концепции аутсайдерства» и «образу маленького человека, напоминающего о петербургской традиции в русской литературе («Долгое прощание», «Другая жизнь» Ю. Трифонова, «Ключарев и Алимусшкин» В. Маканина)» [11]. Персонаж Долматова оказывается новым типом героя с вариативным самоопределением: это и «маленький человечек с синдромом супер-героя» [6], и «антисупергерой» [6], и «маленький человек», переживания которого на этот раз небезразличны миру: «Я и слова-то такие не понимал никогда, / Soundcheck, raider, условия контракта. <...> / И с детства теряюсь при виде фотоаппарата. // В принципе нормальный расклад, / Это факт. / И я, безусловно, рад всем успехам группы CENTR, / Но не вариант этот стаф ставить всем подряд. / И, по моему, многовато за месяц двадцать концертов. // Реально странно для меня вся эта типа слава: / Довольная мама, клип в ротации на музыкальных каналах, / Журнал Bravo. Вы что, шутите? Хорош! / Вы меня, по ходу, путаете с кем-то, на кого я похож» [6].

Итак, творчество А. Долматова представляет интерес для исследователей современной поэзии андеграунда: в ней отражен значительный спектр тем и аллюзий из классической художественной литературы, а также прослеживаются оригинальные авторские идеи, свидетельствующие о новаторских подходах в областях проблематики и рэп-поэтики.

Список литературы

- [1] *Агеев М.* Роман с кокаином. URL: <http://lib.ru/AGEEV/kokain.txt> (дата обращения: 22.10.2019).
- [2] *Битов А.Г.* Пушкинский дом. М.: АСТ, 2013. 464 с.
- [3] *Блок А.А.* Собрание сочинений: в 20 т. Т. 3. Стихотворения. М.: Наука, 1997. 857 с.
- [4] *Гончарова Н.С.* Предисловие к каталогу выставки картин (1913) // Михаил Ларионов в России, 1881–1915 / А. Ковалев. М., 2005. 509 с.
- [5] Декларация имажинистов. 1921. URL: http://dugward.ru/library/serebr/lit_deklaracii.html (дата обращения: 18.07.2019).
- [6] *Долматов А.С.* Тексты песен. URL: <https://rap-text.ru/guf.html> (дата обращения: 19.09.2019).
- [7] Русский футуризм: теория, практика, критика, воспоминания / сост. В.Н. Терехина, А.П. Зименков. М.: Наследие, 2000. 480 с.
- [8] *Селеменова М.В.* «Московский текст» в русской литературе XX в. (на материале художественной прозы 1910–1950-х гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2009. № 2. С. 20–27.
- [9] *Фролова Е.В.* Рэп как форма социально-политической рефлексии в современной российской культуре (2009–2013 гг.). М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. 52 с. (Серия WP20 «Философия и исследования культуры»).
- [10] *Чурушкина А.М.* Прагмалингвистические характеристики маскулинного дискурса (на материале текстов рэперов Германии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 22 с.
- [11] *Шаравин А.В.* Городская проза 70–80-х гг. XX в.: дис. ... д-ра филол. наук. Брянск, 2001. 485 с.
- [12] *Шершеневич В.Г.* Песня Песней. URL: http://az.lib.ru/s/shershenewich_w_g/text_1919_pesn_pesney.shtml (дата обращения: 08.09.2019).

References

- [1] Ageyev, M. (n.d.). *Cocain Romance*. (In Russ.) Retrieved October 22, 2019, from <http://lib.ru/AGEEV/kokain.txt>
- [2] Bitov, A.G. (2013). *Pushkin House*. Moscow, AST Publ. (In Russ.)
- [3] Blok, A.A. (1997). *Collected works. Vol. 3. Poems*. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
- [4] Goncharova, N.S. (2005). Preface to the catalog of the exhibition of paintings (1913). In A. Kovalev, *Mikhail Larionov in Russia, 1881–1915*. Moscow. (In Russ.)
- [5] Declaration of the Imagists. (1921). *Literatura i Zhizn'*. (In Russ.) Retrieved July 18, 2019, from http://dugward.ru/library/serebr/lit_deklaracii.html
- [6] Dolmatov, A.S. (n.d.). *Lyrics*. (In Russ.) Retrieved September 19, 2019, from <https://rap-text.ru/guf.html>
- [7] Terekhina, V.N., & Zimenkov, A.P. (2000). *Russian futurism: Theory, practice, criticism, memories*. Moscow, Naslediye Publ. (In Russ.)
- [8] Selemeneva, M.V. (2009). “Moscow text” in Russian literature of the XX century (based on fictional prose 1910–1950). *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literature and Journalism*, (2), 20–27. (In Russ.)
- [9] Frolova, E.V. (2015). *Rap as a socio-political reflected form in modern Russian culture (2009–2013)*. Moscow: Izdatel'skii dom Vyshei shkoly ehkonomiki Publ. (In Russ.)
- [10] Churushkina, A.M. (2012). *The pragmalinguistic characteristics of the masculine discourse (based on the texts of German rappers)* (Abstract of the Dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Moscow. (In Russ.)

- [11] Sharavin, A.V. (2001). *Urban prose of the 70–80s XX century* (Dissertation of the Doctor of Philology). Bryansk. (In Russ.)
- [12] Shershenevich, V.G. (n.d.). *The Song of Songs*. (In Russ.) Retrieved September 8, 2019, from http://az.lib.ru/s/shershenewich_w_g/text_1919_pesn_pesney.shtml

Сведения об авторе:

Жукова Александра Андреевна, кандидат филологических наук, преподаватель, кафедры русского языка для иностранных учащихся, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Bio note:

Aleksandra A. Zhukova, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language for Foreign Students, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

FOREIGN LITERATURE

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2-217-226

УДК 82(091)

Научная статья / Research article

**Исход шайеннов и линчевание негров:
рецепция исторических романов Говарда Фаста в СССР****О.И. Щербинина**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1*

✉ olga-scherbinina24@mail.ru

Аннотация. Исследуется рецепция исторических романов Говарда Фаста (популярного в 1950-е гг. автора, прошедшего путь от лояльного СССР члена КП США до «врага» коммунизма в его советском изводе) в Советском Союзе. Анализ американского контекста помогает проследить, почему автор левых убеждений обратился к жанру исторического романа и с какой спецификой литературного рынка он столкнулся. Краткий обзор советских рецензий позволяет продемонстрировать, что романы «Последняя граница» и «Дорога свободы» воспринимались советскими литературоведами как протест Фаста против расовой дискриминации и растущего могущества правых сил. Особенную актуальность данные проблемы приобретали на фоне маккартистской кампании – ее жертвой Фаст стал в 1947 г. О степени популярности писателя в Советском Союзе свидетельствуют и инсценировки его романа «Дорога свободы» на сцене московских театров, анализ которых приводится в статье. Рецензируя «Последнюю границу» и «Дорогу свободы», советские литературоведы отмечали, что отсутствие «декадентского» примитивизма выделяло Фаста среди других некогда дружественных СССР писателей, таких как, например, Ричард Райт и Клод Маккей. В рамках этой традиции критики экзотизма, берущей свое начало в 1920–1930-е гг., романы, в которых шла речь о далеких краях, имели ценность только тогда, когда этнографические описания использовались для последовательного социального критицизма. Сам Фаст, поддерживая разработанную в Советском Союзе концепцию «искусство как оружие», также рассматривал утрированную экзотику, пышную декоративность исторических романов как приметку эскапистской литературы, которая игнорирует метод диалектического материализма.

Ключевые слова: Говард Фаст, история американской литературы, советско-американские литературные связи, русско-американские литературные связи, исторический роман

© Щербинина О.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 21 февраля 2021 г.; принята к публикации 1 апреля 2021 г.

Для цитирования: *Щербинина О.И.* Исход шайеннов и линчевание негров: рецепция исторических романов Говарда Фаста в СССР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 217–226. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-217-226>

Northern Cheyenne Exodus and Negroes Lynching: Historical Novels of Howard Fast in the USSR

Olga I. Scherbinina

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*
✉ olga-scherbinina24@mail.ru

Abstract. The article deals with the historical novels' reception of Howard Fast (a writer who was extremely popular in the 1950s, though he is almost forgotten now) in the Soviet Union. Once a USA Communist Party member loyal to the USSR, he became a fierce opponent of Soviet communism. The analysis of the American context uncovers the reasons why the author of left-wing beliefs turned to the genre of a historical novel and peculiarities of the literary market he faced. A close study of Soviet reviews demonstrates that the novels *The Last Frontier* and *The Freedom Road* were perceived by Soviet literary critics as Fast's protest against racial discrimination and growing right-wing sentiment. These problems were a matter of urgency against the background of the McCarthy campaign, which Fast fell victim to in 1947. His novel *The Freedom Road* was put on the stage in Moscow theaters. According to Soviet reviewers, the absence of "decadent" primitivism set Fast apart from other once-friendly Soviet writers such as Richard Wright and Claude McKay. Within this tradition of exoticism criticism, dating back to the 1920s and 1930s, novels about distant lands were highly appreciated only when ethnographic descriptions were used for consistent social criticism. Being a committed supporter of the concept "art as a weapon" developed in the Soviet Union, Fast perceived exaggerated exoticism, top-heavy descriptions of historical novels as a sign of escapist literature that ignores the method of dialectical materialism.

Keywords: Howard Fast, history of American literature, Soviet-American literary contacts, Russian-American literary contacts, historical novel

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted February 21, 2021; revised March 25, 2021; accepted April 1, 2021.

For citation: Scherbinina, O.I. (2021). Northern Cheyenne exodus and negroes lynching: Historical novels of Howard Fast in the USSR. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(2), 217–226. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-217-226>

Введение

На фоне антиамериканской пропагандистской кампании 1950-х гг. американская литература была представлена в Советском Союзе только горсткой писателей¹, которых не клеймили «изменниками», «фашистами» и «реакционе-

¹ В их число входили, например, Альберт Мальц, Александр Сакстон.

рами». Среди них особое положение занимал Говард Мелвил Фаст (1914–2003), популярность которого в СССР в конце 1940-х гг. взмыла до небес. Его книги издавались миллионными тиражами, московские театры ставили инсценировки его романов, а увенчалась его слава Сталинской премией 1953 г. Именно поэтому скандальный выход Фаста из компартии США и разрыв с Советским Союзом в 1957 г. произвели эффект разорвавшейся бомбы. После этого о Фасте писались исключительно разгромные статьи, в которых его презрительно сравнивали с «мухой, которая бьется о стекло, надоедая и вызывая желание решить эту санитарную проблему» [1]. Каким бы драматичным ни был разрыв писателя с СССР, Фаст продолжал писать вплоть до самой смерти в 2003 г. Пострадав за свои левые убеждения не только морально, но и финансово, к 1970-м гг. Фаст смог оправиться и добиться коммерческого успеха на родине. Именно в это время он написал знаменитую пенталогию «Иммигранты», которая определила его репутацию в массовом сознании 1980-х гг. Сейчас же Фаст непременно фигурирует в новейших исследованиях, посвященных американскому левому движению [2; 3].

Исторический роман и литература левого толка

Политический активизм, сделавший Фаста в 1950-х гг. американским писателем номер один для советских издателей, критиков и писателей, не отменяет того факта, что как в США, так и в Советском Союзе первоначальную известность ему принесли его исторические романы. Обратившись к этому жанру еще в конце 1930-х гг., Фаст оказался в поле литературы, подконтрольном таким писателям мейнстрима, как Маргарет Митчелл, Кеннет Робертс, Херви Аллен. Мечтая о коммерческом успехе, Фаст, тем не менее, шел в фарватере левой идеологии и скептически относился к типичным приемам исторических романистов, переносивших фокус внимания на декоративность и пышность обстановки. Однако на тот момент в американской левой литературе еще не сложилась традиция марксистской исторической прозы, на которую он мог бы ориентироваться. Левые авторы редко обращались к этому жанру, предпочитая коллективный роман, пролетарский *Bildungsroman*, вымышленную автобиографию². В то же время просоветски настроенные критики не раз предлагали обратить взгляд на СССР, где проблема исторического романа была «успешно решена». В Советском Союзе действительно прорабатывался вопрос об историческом романе с точки зрения марксистской критики, проводились дискуссии о достоверности художественно-исторической литературы³. Так, например, созданная к 1937 г. при Союзе писателей Комиссия критиков западных литератур начала свою деятельность с подготовки сборника «Рождение нового гуманизма», одна из глав которого (готовившаяся Е.Ф. Книпович) посвящалась историческому роману⁴. Особо важной вехой в теоретическом освоении этого жанра стала написанная в сталинской Москве работа Д. Лукача «Исторический роман» (1937, 1938).

² Типология жанров американской пролетарской литературы, разработанная Барброй Фаули (см. [4]).

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 2. Ед. хр. 61.

⁴ Там же. Оп. 18. Ед. хр. 50.

В качестве образцов для подражания американская критика выдвигала таких советских авторов как А. Толстой, А. Виноградов, Ю. Тынянов [5. С. 16]. В свою очередь, редактор журнала *New Masses*, а затем и *Masses & Mainstream* Сэмюэл Силлен в своей статье «История и художественная литература» подчеркивал: «В Америке левые писатели только начинают исследовать богатый потенциал, открытый марксистским историческим методом... Однако в поле литературы у нас практически нет произведений, равных пьесе о Джоне Брауне, созданной Бланкфортм и Голдом. В художественной литературе у нас нет правдивых романов, в то время как реакционные силы популяризируют свое видение истории через „Унесенных ветром“» [6. С. 22–23].

Фаст оказался одним из первых, кто заполнил эту лакуну. В 1944 г. он даже принял участие в теоретической полемике об историческом романе, развернувшейся на страницах журнала *New Masses*. В своей статье «История в художественной литературе» Фаст предлагает «выкинуть понятие исторического романа на свалку» [7. С. 8]. Размышляя над своим творческим методом, он приходит к выводу, что «создание так называемой атмосферы эпохи» не является его задачей, так как независимо от исторического контекста человеческие характеры остаются неизменными. Особенно негативно Фаст высказывается о романистах, которые превращают своих персонажей в переодетых кукол, постоянно оказывающихся в различных передерягах. Аксиоматичным же для Фаста в 1950-е гг. стало деление на литературу эскапистскую, методом которой является «романтизированная диалектика» [8], а результатом – многотомные исторические романы (сюда же относится экзотика, которая приобретала утрированные формы примитивизма, натурализма и романтизма), и реалистическую «литературу диалектического материализма» [Там же].

Экзотизм и социальный критицизм

Ранние исторические романы Фаста, такие как «Рожденные свободой» (1939), «Непобежденные» (1942), «Гражданин Том Пейн» (1943) не были переведены в СССР. Тем не менее, в последующих рецензиях [9; 10; 11] они непременно упоминались как отправная точка роста и период формирования творческой индивидуальности писателя. В советском литературном пространстве Фаст появился только в 1948 г. Его исторические романы «Последняя граница» и «Дорога свободы» переводились в Советском Союзе с опозданием: в США они были изданы еще до окончания Второй мировой войны. Примечательно, что «Дорога свободы» фигурировала в советских служебных обзорах американской литературы еще в 1945 г.⁵, однако до публикации дело дошло не сразу.

Литературоведческие установки, с позиций которых воспринимались исторические романы Фаста, во многом являлись наследием 1920–1930-х гг. Как раз в то время сложилась традиция критики экзотизма, воспринимавшегося как примета развлекательной авантюрной литературы. Приведем лишь один пример из выполненных для Госиздата в середине 1920-х внутренних

⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1103. Л. 69.

рецензий видного советского критика С. Динамова, отмечавшего, что если автор «передает страдания негров Конго под пятой белых колонизаторов»⁶, то его произведения достойны перевода и публикации в СССР. Напротив, переводить «экзотические «литографии», обильно уснащенные розовой краской»⁷, но напрочь лишённые социального содержания, означало бы «лить воду на чужую мельницу»⁸. В романах Фаста американская историческая и расовая экзотика (именно так воспринимались негры и шайенны советским читателем) использовалась для критики колониализма и расизма, поэтому неудивительно, что «Последняя граница» и «Дорога свободы» были высоко оценены в СССР.

Первый исторический роман Фаста, напечатанный в Советском Союзе в 1948 г., – «Последняя граница» (*The Last Frontier*, 1941). В нем повествуется об уцелевшем индейском племени шайеннов, которые решаются покинуть резервацию в Оклахоме и вернуться на родину в штаты Вайоминг и Монтану. Это реальное событие, известное в историографии под названием «исход северных шайеннов», произошло в 1878 г. Изначальная редакция романа была отвергнута издательством *Simon & Schuster*. Издатели обвинили Фаста в необщественном изображении ситуации, поскольку он не смог проникнуть в сознание индейского вождя, от лица которого велось повествование. Полностью вернув уже выданный аванс, Фаст переработал нарративную структуру, вложив повествование в уста белого офицера [3. С. 39].

Американская критика положительно восприняла «Последнюю границу». Любопытно, что рецензент газеты *The Saturday Review* хвалил роман как раз за то, что Фаст не вторгается в сознание индейцев, а напротив, подает историю исключительно с точки зрения белых [12. С. 5]. В свою очередь, журнал *New Masses* видел исключительное достоинство романа в том, что «действия белых против индейцев не романтизируются и не оправдываются» [13. С. 24].

В Советском Союзе роман не стал предметом критической полемики. Наиболее интересный пассаж о нем принадлежит А. Елистратовой, автору предисловия к «Последней границе» и объемной статьи о творчестве Фаста, в которой она отмечает: «Прежде всего, как по своему подходу к «индейской проблеме», так и по самому изображению индейцев, роман Фаста полемически заострен против реакционных расистских теорий, пытающихся оправдать зверскую колониальную политику американских империалистов. Вместе с тем автору «Последней границы» совершенно чуждо и эстетско-декадентское любование экзотическим «примитивизмом» индейского быта, как чужда ему и мещанская елейная сентиментальность. Фаст не идеализирует индейцев и подчеркнуто избегает в изображении их быта и нравов условно-романтических штампов, которые повторяли бы Купера или Лонгфелло» [9. С. 211]. Действительно, в «Последней границе» индейцы представлены только в сценах сражений и переговоров, зато критика американской государственности содержится практически в каждой главе. Советская

⁶ РГАЛИ. Ф. 611. Оп. 1. Ед. хр. 391.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Ед. хр. 388.

американистика, выступавшая против неоромантических тенденций, не могла не оценить высокий удельный вес этих полемических пассажей и отсутствие утрированной экзотики, которая позиционировалась как идеализация американских буржуазных демократических традиций. Таким образом, уже в начале творческого пути Фасти в СССР констатировали, что это писатель с идеологически верными установками – он отказался от экзотизма, характерного для коммерчески успешной популярной литературы, и обратился к социальному критицизму.

Следующий роман – «Дорога свободы» (*Freedom Road*, 1944), переведенный на русский в 1949 г., повествует о безграмотном негре Гидеоне Джексоне, который смог «сбросить оковы рабства»: он выучился писать, стал членом конституционного конвента, добился личной встречи с президентом США Улиссом Грантом, организовал оборону своей деревни от куклуксклановцев. В целом интерес Фасти к проблеме расизма возрастал с начала 1940-х гг. В автобиографии Фаст вспоминает, что именно «еврейский вопрос» в Германии подтолкнул его к написанию романа «Дорога свободы»: «как-то мы с Бетт оказались у Карла ван Дорена, и я заспорил с Синклером Льюисом об антисемитизме. Из Германии до нас начали доходить слухи о гонениях на евреев, так что предмет был чувствительный. Именно этот разговор, касавшийся, в основном, проблемы нетерпимости, позволил мне свести воедино все мои предварительные заметки к роману...» [14].

«Негритянский вопрос», составляющий стержень конфликта «Дороги свободы», стоял для Фасти не менее остро чем «еврейский». Фаст не раз высказывался по этому поводу в прессе, причем не только в левой [15], но и в умеренно-консервативной [16]. О градусе накала страстей вокруг этой темы говорит и его стихотворение «Я горжусь, что родился негром»:

Если бы я был негром, я бы гордился этим; да, черт возьми, я бы гордился этим!

Я бы был горд, потому что мой народ создал цивилизацию, когда Европа была еще непроходимым лесом; я был бы горд, потому что мой народ, и он был первым в истории человечества – сделал шаг от рабства к демократии, и это случилось на Гаити [17].

О «Дороге свободы» было напечатано всего два⁹ советских критических отзыва. Наибольший интерес представляет статья Мендельсона, изданная в 1947 г. в журнале «Новый мир». В ней критик обзорекает новейшую американскую литературу о неграх и, в частности, роман Фасти «Дорога свободы», который будет опубликован на русском языке двумя годами позже. В преамбуле к статье Мендельсон констатирует, что в Америке «негритянская тема» освещается в искаженном виде, зачастую проблемы «цветных» замалчиваются. На таком фоне Фаст выступил со своим романом о Гидеоне Джексоне – негре, который стал членом учредительного конвента, но погиб от рук куклуксклановцев. Порвав с традицией Маргарет Митчелл, изображавшей события на рабовладельческом юге «в духе безграничного сочувствия к уходящему прошлому», Фаст с симпатией рисует освобожденных негров [19].

⁹ Помимо М. Мендельсона, критический отзыв оставил Б. Галанов (см. [18]).

Завершает свою статью Мендельсон выражением надежды на то, что дальнейшая литература о неграх не пойдет ни по «гарлемскому» пути Клода Мак-Кея и Ван-Ветхена, «изображавших негра существом сверхстрастным, экзотическим, но почти бездумным», ни по «ренегатскому» пути Ричарда Райта, культивирующего «чудовищное, патологическое».

Советские инсценировки

Роман «Дорога свободы» был дважды инсценирован на советской сцене: в Малом театре (сценарист А. Файко, режиссер Б. Равенских) и Московском театре драмы (режиссер и сценарист Н. Охлопков). Рецензии на премьерный показ обеих постановок были напечатаны в газете «Советское искусство». Рецензент С. Сутоцкий вполне одобрительно высказался о пьесе Охлопкова, особо отметив «массовые сцены, исполненные напряженной динамики», «эффектные сценические положения», «активную роль музыки и света» [20]. Тем не менее критика изъянов спектакля заняла примерно половину объема его рецензии. Суть претензий Сутоцкого состояла в том, что Охлопков чрезмерно увлекся зрелищной стороной, пантомимами и пренебрег литературной основой сценических образов. Более того, стремление режиссера до предела накалить «атмосферу страданий, ужаса, смерти» ослабили действие высокой трагедии. Сравнивая «Дорогу свободы» с «Молодой гвардией»¹⁰, Сутоцкий отдает предпочтение последней постановке, так как в ней трагический финал был подготовлен «мужеством и красотой характеров действующих лиц, глубоким раскрытием их внутреннего мира». Напротив, трагический финал «Дороги свободы» не получил оптимистического звучания, поскольку Гидеон Джексон – темный раб, вырастающий в государственного деятеля, вождь и борец у Фаста, в пьесе Охлопкова лишь обороняется от внешнего мира и погибает в безнадежной борьбе.

Упреки Р. Афанасьева, обозревавшего постановку Б. Равенских, в чем-то сходны с критикой С. Сутоцкого. По его мнению, в финале пьесы «факторы, обуславливающие создание трагедии, в значительной мере ослаблены. На сцене Малого театра гибель героев, в том числе, и центрального, дается невнятно, как предполагаемая, возможная, но необязательная. Может быть, режиссер стремится этим достичь оптимистического звучания спектакля? Фаст подробно описывает гибель своих героев, но разве от этого роман становится пессимистическим произведением?» [21].

С вердиктом Афанасьева и Сутоцкого о гипертрофированном трагическом антураже и внешней эффектности, которые воспрепятствовали утверждению трагического идеала, не согласился Ал. Абрамов, автор обзорной статьи обеих постановок. По мнению Абрамова, оба спектакля отличает «верное чувство времени», «их идея, их пафос, их взволнованность служат одной цели, приближаясь по обличительной силе к своему литературному источнику» [22. С. 56].

¹⁰ Роман А. Фадеева «Молодая гвардия» был инсценирован Н. Охлопковым на сцене Московского театра драмы в феврале 1947 г.

Заключение

Произведения Фаста, напечатанные в СССР после «Дороги свободы», не относятся к жанру исторического романа. Однако это не означает, что писатель больше не обращался к историческому прошлому. Напротив, в 1948 г. он написал роман «Мои прославленные братья», в котором изображается восстание Маккавеев в 167 г. до н. э. против сирийско-эллинских правителей. Роман не прошел советскую цензуру, однако циркулировал в самиздатовской форме в советских еврейских кругах [23]. В обзорных статьях о творчестве Фаста 1950-х гг. «Мои прославленные братья» никак не фигурируют. По-видимому, советские критики согласились со своими американскими коллегами, которые увидели в романе «картину изолированной борьбы, картину весьма одностороннюю и ультранационалистическую» [24].

Таким образом, вектор писательской репутации Фаста в Советском Союзе задали всего два исторических романа. Хотя предмет повествования были темы (индейцы-шайенны и негры), которые в Советском Союзе вполне могли быть восприняты как экзотические, советская критика не увидела в романах тяги к экзотизму, но отметила, что Фаст придал этому материалу злободневное звучание, поскольку описывал гонения на этнические меньшинства и соотносил эти исторические факты с актуальной современной проблематикой – с германским нацизмом и ростом ультраправых настроений в США. Непосредственно этим темам будут посвящены его произведения, переведенные на русский язык 1950-е гг. – «Кларктон» (1947; рус. пер. 1950), «Пикскилл» (1951; рус. пер. 1951), «Подвиг Сакко и Ванцетти» (1953; рус. пер. 1954), «Сайлас Тимбермен» (1954; рус. пер. 1955). Именно о них будет написано немало советских критических отзывов, в которых Фаст будет представлен уже не как исторический романист, а как пролетарский писатель.

Список литературы

- [1] *Грибачев Н.* Говард Фаст – псаломщик ревизионизма // Литературная газета. 1958, 30 января.
- [2] *Deery P.* Red apple: Communism and McCarthyism in Cold War New York. New York: Fordham University Press, 2014.
- [3] *Sorin G.* Howard Fast: life and literature in the left lane. Bloomington: Indiana University Press, 2012.
- [4] *Foley B.* Radical representations: politics and form in the US proletarian fiction, 1929–1941. Durham – London: Duke University Press, 1994. P. 459.
- [5] *Lindsay J.* The historical novel // *New Masses*. 1937, January 12. Pp. 15–16.
- [6] *Sillen S.* History and fiction // *New Masses*. 1938, June 14. Pp. 22–23.
- [7] *Fast H.* History in fiction // *New Masses*. 1944, January 18. Pp. 7–9.
- [8] *Fast H.* Realism and the Soviet novel // *New Masses*. 1945, December 11. Pp. 15–16.
- [9] *Елистратова А.* Говард Фаст // Прогрессивная литература стран капитализма в борьбе за мир. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. С. 192–237.
- [10] *Романова Е.* Говард Фаст // Прогрессивная литература стран капитализма. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. С. 308–326.
- [11] *Дубаишинский И.* Говард Фаст // Современная прогрессивная литература зарубежных стран в борьбе за мир. М.: Изд-во Московского университета, 1954.

- [12] La Farge O. The Last Frontier, by Howard Fast // *The Saturday Review*. 1945, July 26.
- [13] Hyatt C. The Cheyenne struggle // *New Masses*. 1942, March 17. P. 24.
- [14] Фаст Г. Как я был красным. URL: https://royallib.com/get/fb2/fast_govard/kak_ya_bil_krasnim.zip (дата обращения: 21.02.2021).
- [15] Fast H. The negro finds his story // *New Masses*. 1945, May 15. P. 17.
- [16] Fast H. A method for tolerance // *Harper's Bazaar*. 1944, July.
- [17] Fast H. Proud to be black // *Negro Digest*. 1945, March.
- [18] Галанов Б. Дорога свободы Гидеона Джексона // *Знамя*. 1949. № 11. С. 189–192.
- [19] Мендельсон М. Гидеон Джексон и другие // *Новый мир*. 1947. № 5. С. 150–167.
- [20] Сутоцкий С. Дорога свободы // *Советское искусство*. 1951, 21 ноября.
- [21] Афанасьев Р. На пути к высокой героике // *Советское искусство*. 1952, 7 июня.
- [22] Абрамов Ал. Роман и его инсценировки // *Театр*. 1952. № 7. С. 55–66.
- [23] Медовар Л. Героизм духа, умножающий свет // *Лехаим*. 2002. № 1 (117). URL: <https://lechain.ru/ARHIV/117/medovar.htm> (дата обращения: 21.02.2021).
- [24] Friedman R. Review on my glorious brothers // *Daily Worker*. 1948, October.

References

- [1] Gribachev, N. (1958, January 30.) Howard Fast – revisionist psalmist. *Literaturnaja Gazeta*. (In Russ.)
- [2] Deery, P. (2014). *Red apple: Communism and McCarthyism in Cold War New York*. New York, Fordham University Press.
- [3] Sorin, G. (2012). *Howard Fast: Life and literature in the left lane*. Bloomington, Indiana University Press.
- [4] Foley, B. (1994). *Radical representations: Politics and form in the US proletarian fiction, 1929–1941* (p. 459). Durham, London, Duke University Press.
- [5] Lindsay, J. (1937, January 12). The historical novel. *New Masses* (pp. 15–16).
- [6] Sillen, S. (1938, June 14). History and fiction. *New Masses*.
- [7] Fast, H. (1944, January 18). History in fiction. *New Masses* (pp. 7–9).
- [8] Fast, H. (1945, December 11). Realism and the Soviet novel. *New Masses* (pp. 15–16).
- [9] Elistratova, A. (1952). Howard Fast. *Progressive Literature of Capitalist Countries in Its Struggle for Peace* (pp. 192–237). Moscow, Akad. nauk SSSR Publ. (In Russ.)
- [10] Romanova, E. (1952). Howard Fast. *Progressive Literature of Capitalist Countries* (pp. 308–326). Moscow. (In Russ.)
- [11] Dubashinskij, I. (1954). Howard Fast. *Modern Progressive Literature of Foreign Countries in Its Struggle for Peace*. Moscow, Moscow University Publ. (In Russ.)
- [12] La Farge, O. (1945, July 26). The Last Frontier, by Howard Fast. *The Saturday Review*.
- [13] Hyatt, C. (1942, March 17). The Cheyenne struggle. *New Masses* (p. 24).
- [14] Fast, H. *Being red*. (In Russ.) Retrieved February 21, 2021, from https://royallib.com/get/fb2/fast_govard/kak_ya_bil_krasnim.zip
- [15] Fast, H. (1945, May 15). The negro finds his story. *New Masses* (p. 17).
- [16] Fast, H. (1944, July). A method for tolerance. *Harper's Bazaar*.
- [17] Fast, H. (1945, March). Proud to be black. *Negro Digest*.
- [18] Galanov, B. (1949). The freedom road of Gideon Jackson. *Znamya*, (11), 189–192. (In Russ.)
- [19] Mendelson, M. (1947). Gideon Jackson and others. *Novyj Mir*, (5), 150–167. (In Russ.)
- [20] Sutockij, S. (1951, November 21). Freedom road. *Sovetskoe Iskusstvo*. (In Russ.)

- [21] Afanasev, R. (1952, June 7). The road to heroic spirit. *Sovetskoe Iskusstvo*. (In Russ.)
- [22] Abramov, Al. (1952). The novel and its dramatization. *Teat*, (7), 55–66. (In Russ.)
- [23] Medovar, L. (2002). Spiritual heroism that shines light. *Lechaim*, 1(117). (In Russ.) Retrieved February 21, 2021, from <https://lechaim.ru/ARHIV/117/medovar.htm>
- [24] Friedman, R. (1948, October). Review on my glorious brothers. *Daily Worker*.

Сведения об авторе:

Щербинина Ольга Ивановна, аспирант, кафедра истории зарубежной литературы, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Bio note:

Olga I. Scherbinina, Ph.D student, Department of History of Foreign Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2-227-236

УДК 82(091)

Научная статья / Research article

«В недрах моей Африки»: травелоги Клода Маккея и Лэнгстона Хьюза о «стране предков»

Д.Д. Кузина

*Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук,
Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а*

✉ ketrivenia@gmail.com

Аннотация. Анализируется образ Африки в травелогах поэтов Гарлемского ренессанса Клода Маккея («Вдали от дома», 1937) и Лэнгстона Хьюза («Большая вода», 1940), а также производится сопоставление этого образа с Африкой, фигурирующей в стихах обоих литераторов. Образ Африки как «страны предков» и «праматери негритянского народа» был популярен среди деятелей Гарлемского ренессанса, но при этом нередко идеализировался. Именно поэтому встреча с реальной Африкой становится в определенной степени моментом истины для афроамериканского художника, поводом для переосмысления самого себя и собственных ценностей. С помощью обращения к биографиям Хьюза и Маккея удастся выявить, почему, на первый взгляд, одинаково мотивированные писатели, люди, объединенные общей мечтой о «доме черного народа», при столкновении с реальной Африкой реагируют на нее прямо противоположным образом. Показано, как молодой поэт Лэнгстон Хьюз, настроенный, в сущности, космополитически, не обнаружил в реальной Африке соответствия своим поэтическим идеалам и после этого навсегда разделил Африку реальную и Африку стихотворную, между тем как искренне ратовавший за воссоединение негритянского народа Клод Маккей, объездивший всю Европу, именно в Африке впервые в жизни почувствовал себя «своим». При этом на Хьюза значительное влияние оказывает его смешанное происхождение, а на Маккея – колониальное прошлое. Приводятся материалы переписки, широко используются фрагменты самих травелогов, никогда ранее не переводившихся на русский язык.

Ключевые слова: Гарлемский ренессанс, травелог, литература США, Лэнгстон Хьюз, Клод Маккей, поиск идентичности

Благодарности и финансирование. Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 19-312-90043/19 «Американские травелоги между двумя мировыми войнами: взгляд на „старую“ Европу и „новую“ Россию».

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 9 марта 2021 г.; принята к публикации 10 апреля 2021 г.

© Кузина Д.Д., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Кузина Д.Д. «В недрах моей Африки»: травелоги Клода Маккея и Лэнгстона Хьюза о «стране предков» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 227–236. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-227-236>

The Depths of My Africa: Travelogues on the Land of Ancestors by Claude McKay and Langston Hughes

Daria D. Kuzina

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya St, Moscow, 121069, Russian Federation*

✉ ketrivenia@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the image of Africa in the travelogues by poets Claude McKay (*A Long Way From Home*, 1937) and Langston Hughes (*The Big Sea*, 1940), the significant figures of Harlem Renaissance; and also compares this image with Africa in the poems of both writers. The image of Africa as “the land of ancestors” and “the foremother of the Negro people” was popular among the artists and philosophers of the Harlem Renaissance, but at the same time, it was often idealized. That is why meeting a real Africa becomes, to some extent, a moment of truth for an African-American artist, the reason to take a new look at himself and his values. Biographies of Hughes and McKay reveal why equally motivated, at first glance, writers united by a common dream of a “black people’s home”, when faced with the real Africa, react to it in exactly the opposite way. The article shows that young cosmopolitan poet Langston Hughes did not find respond to his poetic ideals in real Africa and after that forever divided Africa into real and poetic, while Claude McKay, who kept up the reunification of the Negro people and had traveled around the whole Europe, only in Africa for the first time in his life “went native”. At the same time, Hughes is significantly influenced by his mixed origins and McKay – by his colonial background. The article contains materials of correspondence, fragments of the travelogues never been translated into Russian before.

Keywords: Harlem Renaissance, travelogue, American literature, Langston Hughes, Claude McKay, identity quest

Acknowledgements and Funding. The article was written with the support of the RFBR grant No. 19-312-90043/19 “American Travelogues Between Two World Wars: A Look at the ‘Old’ Europe and ‘New’ Russia”.

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted March 9, 2021; revised March 20, 2021; accepted April 10, 2021.

For citation: Kuzina, D.D. (2021). *The Depths of My Africa: Travelogues on the land of ancestors by Claude McKay and Langston Hughes*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(2), 227–236. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-227-236>

Исследователи афроамериканской культуры, в том числе и Гарлемского ренессанса, часто стоят на противоположных позициях и приходят к совершенно разным, даже взаимоисключающим выводам – так что историко-

литературный материал превращается в своего рода полемический полигон для афроамериканистов. Например, Г. Круз, Н. Хаггинс, Х.А. Бейкер или Г.Л. Гейтс смотрят на явление Гарлемского ренессанса с позиций афроцентристских, настаивают на жестком противопоставлении «белой» и «черной» культур; Дж. Хатчинсон и В. Соллорс, напротив, полагают, что афроамериканскую и «белую» традиции следует понимать как взаимосвязанные составляющие американской культуры, которая объединяет различные самобытные расовые и этнические элементы, что и создает своеобразие «американизма» по сравнению с культурами Старого Света (см. подробнее [1]).

Полемика эта длится уже не одно десятилетие, полна нюансов и едва ли может быть освещена здесь во всех подробностях. Поиск национальной и расово-культурной идентичности, собственного голоса – актуальная и драматическая проблема Гарлемского ренессанса, в разработке которой чрезвычайно важны вдумчивые исследования конкретных «кейсов». В данном случае это африканские путешествия двух крупнейших поэтов Гарлемского ренессанса – Лэнгстона Хьюза и Клода Маккея: для них знакомство с Африкой, «праматерью негритянского народа», было и важным личным опытом, и частью их творческих исканий.

В «европейском» мире, мире «белой цивилизации» деятелям негритянского ренессанса нередко приходилось сталкиваться с тем, что их не принимают всерьез: Клода Маккея зазывают в Советский Союз – но там смотрят на него как на представителя угнетенного народа, как на выигрышную карту в политической игре [2]; Лэнгстон Хьюз путешествует по Италии и не сразу понимает, что обязан местным гостеприимством своей экзотической внешности: многие из его новых знакомых вообще никогда в жизни не видели негра и для них вопрос престижа угостить его вином или даже просто пожать ему руку [3]. Рефлексия по поводу моды на «негритянскую экзотику» в 1920-е – одна из доминирующих тем не только художественного творчества, но и переписки афроамериканских авторов периода Гарлемского ренессанса. «На Бродвее каждую неделю идут чудовищно плохие негритянские шоу. Они проваливаются – и поделом. Попадаются цветные пластинки для виолончели просто невыносимо пошлые. Ну были бы они хоть смешные, или грустные, ну хоть полугрустненькие – так нет же. Дельцы, эти мерзкие идиоты, – в большинстве своем, боюсь, евреи, – доят эти негритянские вещицы так, что ни цента не пропадет», – пишет Лэнгстон Хьюз Клоду Маккею в 1928 году [3. С. 87]. А двумя годами позже: «В этот год на Юге линчуют по меньшей мере одного негра в неделю, цветной барьер стягивается все туже и туже, даже в Нью-Йорке, – а в книжках и в театре негры все те же умильные симпатяги! Танцуйте, сволочи, пляшите! Вы такие необычные, такие потешные, ну просто лопнуть!» [3. С. 99]

Казалось бы, негр мог бы обрести гармонию с миром на родине предков, в Африке, которая в произведениях Гарлемского ренессанса зачастую предстает в поэтизированном, идеалистическом облике. Но нет – деятели Гарлемского ренессанса, в том числе Ален Локк («О художественном наследии предков», 1925), подчеркивают, что афроамериканская традиция – это плод именно американского опыта, так что и в Африке американский негр

оказывается чужим. Следовательно, чужак он повсюду – и это сознание этого значительно влияет на Лэнгстона Хьюза и Клода Маккея, когда они пишут свои автобиографии («Большая вода» и «Вдали от дома»). В обеих книгах имеются «африканские» главы, но представления об Африке и жизненные обстоятельства, туда приведшие, были для двух поэтов неодинаковы.

Хьюз, уроженец штата Миссури, выросший в семье аболиционистов, в своих ранних стихах опровергал пестуемый колонизаторской культурой образ отсталой нищей Африки, противопоставляя ему образ Африки поэтической, волшебной и гармоничной. Идеалистическая, самодостаточная Африка «до колонизации» занимает в его творчестве заметное место и служит молодому поэту источником вдохновения, превращается в эдакий негритянский «потерянный рай» («Негр рассказывает о реках», «Африка»). С.М. Гохар показывает, как с угасанием Гарлемского ренессанса, после войны, Хьюз отходит от этой романтической концепции и связывает свою творческую и общественную деятельность с национальными африканскими движениями, сотрудничает с южноафриканским журналом *Drum*, поддерживает активную переписку с южноафриканскими литераторами [4]; т. е. Африка обретает для него все более и более реалистические черты, становится все более сложной [5]. Биограф Хьюза А. Рэмперсед пишет: «Африка была неотъемлемой частью его обширного ощущения черной идентичности – и в той же мере ничуть не менее обширного ощущения человечности вообще. Он не утратил веры в нее даже тогда, когда прочие чернокожие американцы, стыдясь голливудских клише, все таких же унижительных, желали бы разорвать все или почти все связи с „черным континентом“» [3. С. XVIII].

Важным эпизодом развития взаимоотношений Хьюза и Африки было путешествие на борту парохода «Малон» в 1923 году. Отправиться в плавание его надоумил коммунистический активист и моряк Фердинанд Смит, с которым Хьюз подружился в начале 1920-х в Нью-Йорке [6. С. 347]. В самом начале путешествия в ознаменование начала новой жизни (а именно так Хьюз воспринимал свое отплытие в Африку и Европу) поэт выбросил за борт почти все свои книги: «В ту ночь от этих книг у меня так же мутило на душе, как от всего, что я оставил в прошлом: как от чердаков и подвалов в Кливленде, как от неприкаянных ночей в Толуке, как от колумбийских общежитий и от гарлемской мебелирашки, – в них было все мое нескончаемое детское чтение, вся жизнь, которая оказалась не такой, как в романах... Я все равно как сбросил груз в миллион кирпичей – потому что хотел избавиться не только от книг, но и от всех тягот и печалей прошлого» [7. С. 98].

Поездка в Африку в первой автобиографии Хьюза «Большая вода» (1940) занимает несколько глав. Только в одной из них – «Луна в Буруту» – Хьюз отдает должное прежней поэтической Африке с ее барабанами в ночи, блеском волн в лунном свете, таинственными артефактами и древними обрядами, да и здесь тоже не обходится без пугающих зарисовок из «веселых кварталов». Красота Африки навсегда осквернена присутствием белого человека: «Люди с этих кораблей, – говорят туземцы, – Эти сильные белые люди, они приходят за нашим пальмовым маслом и нашей слоновой костью, за эбеновым деревом и красным, они приходят покупать наших женщин и подкупать

наших вождей...» [7. С. 120]. Вот какими знаменательными словами Хьюз приветствует Африку: «Африка! Живая, настоящая, та, которую можно увидеть, можно потрогать, а не выискивать на страницах книг!» [7. С. 10].

В остальных главах видно, как Хьюз последовательно отказывается от своего «книжного» опыта и погружается в реальную жизнь. Биограф Хьюза Ф. Берри указывает на то, что за всю поездку он написал всего лишь одно стихотворение – и при этом почерпнул чрезвычайно много материала для прозаических текстов, открыл в себе прозаический дар [6. С. 37]. В целом для африканских зарисовок Хьюза неуместен пафос, которым полны его стихи. В прозе Хьюз – мастер юмористического и бытового повествования, он обыгрывает в комическом ключе даже такие остросоциальные истории, как конфликт со старшим механиком, не желавшим обедать в одном помещении с неграми. Тяготение его автобиографической прозы к своего рода «байкам» подмечают многие исследователи; в частности, Елена Островская высказывает предположение, что Хьюз сознательно выстраивает свои воспоминания по принципу плутовского романа, где он сам играет роль пикаро, выпутывающегося из любых передряг [8. С. 111–112]. По мнению Островской, исследовавшей связи Хьюза с СССР, письма Хьюза и его советские воспоминания очень разнятся – для него такая «фильтрация» была способом обходить острые углы, умалчивать о том, что не вышло с создаваемым им образом самого себя [8. С. 115].

Африканские впечатления Хьюза тоже сознательно акцентируются как трагические или комические – нейтральных же попросту нет. Показательно письмо, которое Хьюз написал матери из Сенегала в день прибытия: «Дражайшая мама! Нынче утром я впервые увидел Африку. <...> Посмотрела бы ты, как тут одеваются. Все что душе угодно: пальто – пожалуйста, в чем мать родила – пожалуйста. Я покатывался со смеху все время, пока у меня не кончились на это силы. Нипочем не сыскать двух одинаково одетых людей. Кто в капюшоне, кто в шали, кто в брюках. Кто обматывает шею и лодыжки какими-то синими тряпками, и те раздуваются позади, как паруса... Иные в священничьих робах, есть и те, кто носит штаны приспущенными на манер шаровар. Это что-то! И все до того разные, что не поймешь – мужчина перед тобой или женщина. Ох, поглядела бы ты на них! Люблю, люблю, люблю, Лэнгстон» [6. С. 40].

Происхождение у Хьюза было смешанное – в его жилах текла не только негритянская, но также и индейская, и европейская кровь. С.М. Гохар предполагает, что это стало для Хьюза причиной остро переживаемого кризиса идентичности, отразившегося в его стихах («Мулат», «Крест») [5. С. 54–55]. В воспоминаниях об Африке чрезвычайно показательны диалоги (их несколько, и они опять-таки носят юмористический характер), в которых местные негры отказываются считать Хьюза «своим» и называют его «белым»:

– Как тихо, – сказала я Пэ.

– Правда, – откликнулся он. – Но они скоро будут делать джуджу.

– Сегодня?! Где? – вскричал я. – Я хочу пойти.

Пэ затряс головой, но махнул рукой в сторону окраины городка, туда, где возвышалась стена леса.

– Христианину нет польза от джуджу, – сказал Пэ вежливо. – Танец омали не хорошо для христианина.

– Но я хочу посмотреть, – настаивал я.

– Нет! – воскликнул Пэ. – Белый человек никогда не идти смотреть джуджу. Он навредит тебе. Он слишком страшный! Белый человек никогда не идти.

– Но я не белый, – спорил я. – Я бы...

– Но ты и не черный, – нетерпеливо возразил Пэ. Пришлось мне отказаться от затеи поглядеть на джуджу [7. С. 118].

Большое впечатление производит на Хьюза также встреча с юношей-метисом по имени Эдвард – сыном английского колониста и туземки, который чувствует себя беспредельно одиноко в мире, где никто не желает признавать его своим.

Один из членов команды объясняет Хьюзу, что белыми в Африке считаются все, кто прибыл из «белого», «цивилизованного» мира – и цвет кожи здесь почти не имеет значения [7. С. 105]. Африканцы, если судить по этой реплике, интуитивно понимают ту самую разницу культур, о которой писали Аллен Локк и прочие сторонники идеи необратимой трансформации негров вне Африки в особое, уже неафриканское культурное сообщество.

Путешествие на «Малоне» не отвратило Хьюза от Африки, но сделало его представления о ней более конкретными и проблемными – а это не то, чего он от Африки ожидал. Вот что пишет об этом Т. Харрис: «Родственность (с африканским миром. – Д.К.), которую он утверждает в своих стихах, не имеет отношения к его поведению в реальности. <...> К концу своего путешествия в Африку Хьюз пресытился Черным континентом и отстранился от него. <...> Но даже если взаимное принятие не состоялось в действительности, ему остается место в воображении. Африка осталась для него абстрактным идеалом, неким творческим пространством, куда можно бежать и где можно творить по своему желанию» [9].

Рожденный и выросший на Ямайке, Клод Маккей был куда ближе знаком с колониальной жизнью, но до своей первой поездки в США куда меньше, чем Хьюз, был погружен в расовую проблему. Переехав же в Америку (1912) и ознакомившись с трудами Дюбуа, он стал членом нескольких социалистических и националистических организаций в Европе и США. Маккей не скрывал своего яркого антирасизма, левых взглядов и активной политической позиции, что и стало основной причиной его приглашения в СССР в 1922 году. Не обошлось и без влияния на Маккея его соотечественника Маркуса Гарви – как пишет Тайрон Тиллери, деятельность Маккея и его выступления в печати не всегда получали поддержку других негритянских авторов, за радикализм в расовом вопросе его даже называли «черным фашистом» [10. С. 172]. Подтверждается такая оценка и воспоминаниями о Маккее Николая Чуковского, которого «поразила его пылкая ненависть к белым» и который именно этой ненавистью и объяснял нестойкий и поверхностный интерес Маккея к коммунизму: он был полностью поглощен расовой проблемой, а к белым никогда не мог относиться с полным доверием [2. С. 24].

К. Рэмиш, биограф Клода Маккея, придает чрезвычайно большое значение его колониальному происхождению и утверждает, что в своем творче-

ском развитии он проходит путь от британского колониального писателя в изгнании (а изгнание – ключевое понятие вест-индского колониального контекста, предполагающее вольное или невольное, но неизбежное существование «вдали от дома») до черного писателя в поисках собственной идентичности [11. С. 175]. Примечательно в связи с этим то, что в качестве названия для своей книги Маккей выбирает строку из знаменитого спиричуэлс *Sometimes I Feel Like a Motherless Child*. Таким образом, тезис о повсеместной чужеродности негра, на который мы опирались выше, в случае с Маккеем обретает особую остроту.

Уже во второй половине 20-х годов Маккей постоянно перемещается по Европе и Северной Африке. «Символическое странствие по черному треугольнику – Карибскому бассейну, Европе-Америке и Африке – стало воплощением его миссии поиска идентичности. Этот „обход“ черной диаспоры был актом воображаемого воссоединения», – пишет Рэмиш [11. С. 178]. В отличие от Хьюза, в чьей поэзии образ Африки связан в первую очередь с прекрасным и недостижимым прошлым, воскрешаемым – или создаваемым? – силой поэтического воображения (стихотворение «Я негр» – *I am a Negro*), Маккей свои «африканские» стихи («Африка», «Призыв: лето 1919-го») строит на явственной оппозиции прошлого и настоящего: великая древняя Африка, давшая начало человеческой цивилизации, предана забвению – но именно сейчас настало время возродить ее в былой славе, и Маккей призывает к этому своих братьев по крови. Эти его стихи написаны задолго до визита в Африку, но продиктованы они искренней верой в воссоединение негритянского народа, которой Маккей не утратил ни до, ни после этого путешествия. Напротив, африканские впечатления лишь утвердили его в этой вере.

Первый визит Маккея в Марокко описывается в автобиографии «Вдали от дома», в главе 26 «Когда негр за своего». В те годы Маккею уже около сорока – между тем Хьюзу во время его путешествия было всего двадцать, так что неудивительны различия в тональности повествования и его фокусировке.

Маккей уделяет очень много внимания политическим и административным нюансам жизни негров в африканских колониях. Он с неприязнью рассуждает о том, как английские и французские колонисты делят сферы влияния, и резко противопоставляет мир колонистов и мир местных жителей: негров, мавров, метисов всех сортов. Сначала описывается жизнь Маккея среди марокканцев, очаровавшие его красочные города, атмосфера принужденности и вместе с тем мистичности, человеческая пестрота – и вдруг все это сменяется унижительной историей с полицейскими и выговором, который Маккею сделали в британском консульстве за то, что он ночует у местных, а не в гостинице. С белыми связано все, что Маккею так ненавистно: расовые предрассудки, принуждение, недоверие. Он с презрительным отвращением описывает розовую лысину консула и розовые же прожилки на его «кошачьей мордочке» [12. С. 232]. Этот случай возвращает его к действительности. Маккей вспоминает о своих злключениях в Лондоне, где он никак не мог снять комнату, и резюмирует: «И даже теперь в Африке мне пришлось давать отпор этому призраку, белому террору, который ни на шаг не отстает от черных. Никуда не скрыться от белого пса Цивилизации» [12. С. 233].

Тем не менее во встрече Маккея с Африкой этот вывод не был главным. Гораздо важнее испытанное им ощущение облегчения, растворения в окружающем мире, обретения *своего круга*, давшее такое показательное название всей главе. «Марокканские мозаики ударили мне в голову, как редкое вино. Взволнованный, опьяненный, очарованный жителями Феса, обаятельным и гостеприимным обращением, я стал здесь совсем своим, местным. Меня приобщили к обычаям непритязательной туземной жизни. Я съехал из своего дорогого отеля и переправил вещи в место поскромнее. Но вот уж не скажешь, что я и впрямь там жил. Ибо дни свои я без остатка посвящал охоте на сокровища города и его окрестностей; я шел по следу крестьян, несших в город свои дары; подмечал, как ведутся торги между азиатами и африканцами; внимал разноцветью акцентов рыночных сказителей. А вечером меня всегда ожидало какое-нибудь развлечение. <...> Впервые в жизни я почувствовал, что полностью освободился от своего „цветного“ сознания. Я испытывал чувство, которое, должно быть, сродни физическому довольству тупого животного в окружении сородичей, что живут в согласии с инстинктом, одними ощущениями, ни о чем не задумываясь» [12. С. 230].

Таким образом, в Африке всюду чувствовавший себя чужим Маккей обретает наяву то чувство близости с другими неграми, на которое так надеялись деятели негритянского ренессанса и в котором разуверились. К. Рэмиш утверждает, что длившаяся одиннадцать лет поездка по Европе и Северной Африке в итоге дала Маккею представление о чрезвычайно развитом групповом самосознании черного сообщества, убедила в том, что его представителей по всему миру связывает глубокое ощущение внутреннего единства. Это придавало ему сил на новом витке его антирасистской деятельности в Америке [11. С. 169]. «Африке принадлежит важнейшая миссия: в ней залог единства черного народа. Маккей стал одним из первых писателей Карибского бассейна, показавших Африку как страну-идею, как дом для разбросанных по миру народов, ищущих единения, – а вовсе не как некую геоисторическую область» [11. С. 134]. Между тем Хьюзу, легко сходящемуся, как это видно по его воспоминаниям, с людьми любых национальностей, Африка этого особого чувства общности не дала, – для него она во многом утратила свое символическое значение «дома черного народа».

Истории двух этих поэтов показывают, насколько непростой и полной нюансов была для деятелей Гарлемского ренессанса проблема поиска и утверждения афроамериканской идентичности, насколько индивидуален был путь каждого писателя. Примеры можно множить: Уильям Дюбуа, отрекшийся в конце жизни от Америки и переехавший в Гану, – и его зять Канути Каллен, вопрошавший в стихотворении «Наследие» (*Heritage*, 1925) «Что такое Африка для меня?» (*What Is Africa to Me?*) и не знавший ответа на этот вопрос; Зора Нил Херстон, объяснявшая «каково это – быть цветной» (*How It Feels to Be Colored Me*, 1928) в том числе и через свои исследования самобытности культур «африканской диаспоры», – и Джордж Скайлер, высмеивавший «фантазии» тех, кто тщится усмотреть какие-то «надуманные» культурные отличия между белыми и черными американцами. Неудивительно, что, хотя полемика вокруг Гарлемского ренессанса уже почти сто лет, для взвешенных обобщений время, как видно, все еще не пришло.

Список литературы

- [1] Панова О.Ю. Афроамериканистика и Гарлемский ренессанс: «теория литературы как провокация истории литературы» // Литература двух Америк. 2019. С. 1–16. URL: <http://litda.ru/index.php/ru/onlajn-publikatsii/176-2019-god-2> (дата обращения: 20.12.2020).
- [2] Панова О. Экзотический гость: Клод Маккей в Советском Союзе // Литература двух Америк. 2019. № 6. С. 220–256. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2019-6-220-256>
- [3] Hughes L. Selected letters / ed. by A. Rampersad, D. Roussel). New York, 2015.
- [4] Hughes L. Langston Hughes and the South African drum generation. The Correspondence. Palgrave Macmillan, US, 2010.
- [5] Gohar Saddik M. The dialectics of homeland and identity: Reconstructing Africa in the poetry of Langston Hughes and Mohamed Al-Fayturi // Tydskrif vir Letterkunde. 2008. № 45/1. Pp. 42–74
- [6] Berry F. Langston Hughes before and beyond Harlem. Westport, 1983.
- [7] Hughes L. The big sea. New York, 1993.
- [8] Островская Е. Лэнгстон Хьюз в переписке с журналом «Интернациональная литература» // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 106–126.
- [9] Harris T. The image of Africa in the literature of the Harlem Renaissance / National Humanities Center. URL: http://nationalhumanitiescenter.org/tserve/freedom/1917_beyond/essays/harlem.htm (accessed: 13.12.2020).
- [10] Tillery T. Claude McKay: a black poet's struggle for identity. Massachusetts, 1992.
- [11] Ramish Kotti S., Nirupa Rani K. Claude McKay: the literary identity from Jamaica to Harlem and beyond. Jefferson: McFarland and Company, 2006.
- [12] McKay C. A long way from home (1937). New Brunswick – London: Rutgers University Press, 2007.

References

- [1] Panova, O. (2019). Afro-American studies and the Harlem Renaissance: Literary theory as a provocation of literary history. *Literature of the Americas* (pp. 1–16). (In Russ.) Retrieved December 20, 2020, from <http://litda.ru/index.php/ru/onlajn-publikatsii/176-2019-god-2>
- [2] Panova, O. (2019). An exotic guest: Claude McKay in USSR. *Literature of the Americas*, (6), 220–256. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2019-6-220-256>
- [3] Hughes, L. (2015). *Selected letters* (Arnold Rampersad & David Roussel, Eds.). New York.
- [4] Hughes, L. (2010). *Langston Hughes and the South African drum generation. The Correspondence* (S. Graham & J. Walters, Eds.). Palgrave Macmillan, US.
- [5] Gohar Saddik, M. (2008). The dialectics of homeland and identity: Reconstructing Africa in the poetry of Langston Hughes and Mohamed Al-Fayturi. *Tydskrif vir Letterkunde*, (45/1), 42–74.
- [6] Berry, F. (1983). *Langston Hughes before and beyond Harlem*. Lawrence Hill and Company, Westport.
- [7] Hughes, L. (1993). *The big sea*. New York.
- [8] Ostrovskaya, E. (2017). Langston Hughes in Correspondence with The International Literature Magazine. *Literature of the Americas*, (3), 106–126. (In Russ.)

- [9] Harris, T. (n.d.). *The image of Africa in the literature of the Harlem Renaissance*. National Humanities Center. Retrieved December 13, 2020, from <http://nationalhumanitiescenter.org/tserve/freedom/1917beyond/essays/harlem.htm>
- [10] Tillery, T. (1992). *Claude McKay: A black poet's struggle for identity*. Massachusetts, University of Massachusetts Press.
- [11] Ramish Kotti, S., & Nirupa Rani, K. (2006). *Claude McKay: The literary identity from Jamaica to Harlem and beyond*. Jefferson, McFarland and Company.
- [12] McKay, C. (2007). *A long way from home*. New Brunswick, London, Rutgers University Press.

Сведения об авторе:

Кузина Дарья Дмитриевна, аспирант, научный сотрудник, отдел литератур Европы и Америки Новейшего времени, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук.

Bio note:

Daria D. Kuzina, Ph.D. student, junior researcher, Department of Literatures of Europe and America of Modern Times, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

ЖУРНАЛИСТИКА
ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СМИ
JOURNALISM
HISTORY AND THEORY OF MEDIA

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2-237-246

UDC 32.019.5

Research article / Научная статья

***Russkoye Bogatstvo (Russian Wealth):
Narodniki's Magazine and the World Economic Crisis of 2020***

Nikita V. Shevtsov¹, Leila O. Algavi²

¹*Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),
76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation*

²*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation*

 n_shevtsov@mail.ru

Abstract. Russia was proud of *Russkoye Bogatstvo (Russian Wealth)* magazine for a long while. It was among the most reputable and influential periodicals in the country. Not only had many Russians known of the magazine, but they were also its dedicated readers. On the one hand, the interest in *Russkoye Bogatstvo* could have been justified by the excellent selection of its authors among the best Russian writers and scientists. On the other hand, its publishers were Russia's most famous critics, publicists, and outstanding literary figures recognized in the cultural and scientific circles. The magazine publications stood out due to their excellent style and availability for people of various social levels: both educated readers and those without profound knowledge of literature, science, and arts. The readers' pool included older and experienced people and very young students. Later, the name of the magazine became a symbol of the great intellectual wealth of Russia.

Keywords: Zlatovratsky, Mikhaylovsky, magazine, circulation, *Russkoye Bogatstvo*, cooperative, Korolenko, critic, censorship

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 8, 2021; revised February 10, 2021; accepted March 12, 2021.

For citation: Shevtsov, N.V., & Algavi, L.O. (2021). *Russkoye Bogatstvo (Russian Wealth): Narodniki's magazine and the world economic crisis of 2020*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(2), 237–246. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-237-246>

© Shevtsov N.V., Algavi L.O., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

«Русское богатство»: журнал народников и мировой экономический кризис 2020 г.

Н.В. Шевцов¹✉, Л.О. Алгави²

¹Московский государственный институт международных отношений (университет),
Российская Федерация, 119454, Москва, пр-кт Вернадского, д. 76

²Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

✉ n_shevtsov@mail.ru

Аннотация. Этим журналом гордилась Россия. Долгое время «Русское богатство» считалось одним из самых авторитетных и влиятельных ежемесячных периодических изданий страны. Многие россияне не только знали о существовании журнала, но и становились его читателями. Интерес к «Русскому богатству», с одной стороны, объяснялся великолепным подбором его авторов, к числу которых относились лучшие российские писатели, ученые, деятели культуры. С другой стороны, его выпускали известные всей стране критики, публицисты, литераторы, пользовавшиеся глубоким уважением в культурных и научных кругах. Публикации журнала отличались великолепным стилем и были понятны людям самых разных социальных слоев, не только образованным читателям, но и тем, кто не обладали глубокими знаниями в области литературы, науки и искусства. Его читатели и те, кто достигли преклонного возраста, и совсем юные гимназисты. Само название журнала со временем стало символизировать колоссальное интеллектуально богатство, которым располагала Россия.

Ключевые слова: Златовратский, Михайловский, журнал, тираж, Русское богатство, артель, Короленко, критик, цензура

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 8 сентября 2021 г.; принята к публикации 12 марта 2021 г.

Для цитирования: *Shevtsov N.V., Algavi L.O. Russkoye Bogatstvo (Russian Wealth): narodniki's magazine and the world economic crisis of 2020 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 237–246. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-237-246>*

Introduction

The title of this article could be considered a joke, if not for the recently published book by Adam Weiner, associate professor of Russian at Wellesley College. The book is named *How Bad Writing Destroyed the World: Ayn Rand and the Literary Origins of the Financial Crisis* [1].

The author details the impact of Ayn Rand's objectivism ideas on the fateful decisions made by Alan Greenspan, the 13th Federal Reserve Board of Governors Chairman (1987–2006), that led to the 2008 financial crisis.

Some of our economists believe that this crisis has been continued until now, and at the moment we are watching just another wave of it, but also burdened by the pandemic. However, it is not necessary to think that Adam Weiner meant by “bad writing” Ayn Rand's literary “masterpieces”. Although Alan Green-

span invited only two people to the swearing-in ceremony: his mother and the notorious writer.

By “bad writing” the American specialist in Russian philology means another literary masterpiece – the novel *What to Do?* by Nikolay G. Chernyshevsky. It is about the Russian intelligentsia idol of the pre-revolutionary era who set out the theory of rational egoism with inexpressible clarity. The point is that rational actions, including unification and mutual assistance, mutual support of people in their work help you achieve your own goals. Reasonable pursuit of self-interest should become the basis of human relations. And only such “reasonable selfishness” will lead to harmonious economic and political relations and universal happiness on Earth. Alice Zinovievna Rosenbaum, known in America as Ayn Rand, according to A. Weiner, could not help but know, read and admire the ideas of Chernyshevsky who, as the author writes, became an inspiration for Rand’s generation of the early 1900s [1. P. 9].

In our article, we intend to go further, not limiting ourselves to blaming Nikolay G. Chernyshevsky for the global financial crisis. In the end, the idol of the pre-revolutionary youth was not only Nikolai Gavrilovich. Other equally revered rulers of the intelligentsia minds, especially the youth, were Nikolai Konstantinovich Mikhailovsky (1842–1904), by the way, the successor of Chernyshevsky’s ethical quest, and Vladimir Galaktionovich Korolenko (1853–1921) [2].

Moreover, the magazine they headed for several decades, *Russkoye Bogatstvo* (*Russian Wealth*), was considered “very progressive in its political and social views” [3. P. 379]. It often occupied top positions of literary magazines ratings according to the reader demand statistics by the Imperial Public Library in St. Petersburg which was the largest library at that time in Russia [3. P. 374]. Hence, using the methodology of Mr. Weiner, we can conclude that the literary origins of the world economic crisis should be sought not only in “bad writing” by Nikolai Gavrilovich but also in “the great monument of talent, work and constant love” [3. P. 340], a magazine that was able to attract the best literary forces of that time to cooperate.

Russkoye Bogatstvo (*Russian Wealth*) was a classic type of magazine. It consisted of a literary section that replaced a book, an information and political section that was like a newspaper, and scientific and encyclopedic chapters that could be considered as a textbook. Moreover, there was a lot of material in the magazine, because its volume was from 300 to 500 pages.

Although at first there was little evidence of its future fame, of its readers’ success. The magazine originated in 1876. At the very time when the student youth, who five years earlier had taken to heart the ideas of Mikhail A. Bakunin and Petr A. Kropotkin, went to the villages to incite the peasants to revolt, suddenly realized that Bakunin was wrong: appeals are not enough for a nationwide revolt. The experience of going to people has shown that the peasantry does not rise to revolt and does not perceive either radical revolutionary and socialist appeals, or explanations of the current needs of the people, as they were understood by the narodniks.

Moreover, fruitless attempts to raise the people to fight drew the attention of the government to the revolutionary propaganda of the narodniks. More than 4 thousand people were arrested, many of them were handed over to the authorities by the peasants themselves. The disillusioned revolutionary intelligentsia, especially

the young people, returned to the cities, and the most feverishly continued to seek new opportunities to participate in the liberation of the people. Against this background (do not forget that two exciting public trials are about to begin—193 and Fifty) Nikolai Frantsevich Savich was of moderate political views, he previously published the newspaper *Narodny Listok of Agri-farm and Natural Science* to introduce peasants to active economic activity, and then he sets up the magazine *Russian Wealth*. It was dedicated to economic problems, industrial and agricultural issues – all that, in the opinion of the publisher, was the wealth of Russia.

Journal of Trade, Industry, Agriculture, and Natural Science was a trade magazine, which purpose was to educate those who were engaged in farming: no internal review and no politics. But Savich's problem was that his magazine did not reach the peasants, and it was unlikely that it could have reached them at that time, and the intelligentsia was not interested in the problems of the real economy. As a result, despite all the efforts of the publisher, the magazine did not find its reader, and in 1878 N.F. Savich abandoned the magazine, passing it into the hands of his sister Alexandra Frantsevna Savich. She, in her turn, in 1879 sold the magazine to Dmitry Mikhailovich Rybakov who in 1880 sold it to Serafima Nikitichna Bazhina, who was an ardent admirer of Chernyshevsky and Pisarev realism and enthusiastically preached the need for independent women's work. Sophia N. Bazhina, inspired by the workshops of Vera Pavlovna from Chernyshevsky's novel *What to Do?* had an idea of publishing the magazine on an artel basis.

Russkoye Bogatstvo (*Russian Wealth*) is especially noticeable in the composition of its authors in 1880–1882, for the most part, employees of *Otechestvennye Zapiski* (*Domestic Notes*) and *Delo* (*Business*), were supported in every possible way by Sophia's husband who used to be an employee of magazine *Delo* (*Business*), and before that was *Russkoye Slovo* (*Russian Word*).

Results and discussion

Russkoye Bogatstvo belonged to the classical magazines which included a literary part, a kind of a book; an information and politics part, an equivalent of a newspaper; and scientific and encyclopedia parts, which could be compared to a textbook. The material was impressive and one issue could have 300–500 pages.

In the beginning, the magazine was unlikely to become popular and successful among readers. It came out in 1876, and, at first, was published three times a month, being rather a newspaper than a magazine. Retired Lieutenant N.F. Savich, the former publisher of *Narodny Listok Selskogo Khozyaystva i Estestvoznaniya* (*People's Leaflet of Agriculture and Natural Science*) meant it for rural workers. The *Leaflet* served as a foundation for *Russkoye Bogatstvo*, which, in turn, was dedicated to economic, industrial, and agricultural matters; in other words, to everything that, according to the publisher, embodied Russia's wealth.

Though, the magazine was quite irregular. At first, it was published in Moscow, then in St. Petersburg. Then, Savich left it but the magazine stayed and changed owners. They did not have time to develop a decent concept that could have turned the publication into a popular periodical.

All the mess with the owners and chief editors continued until 1880 when famous critic and literary figure N.N. Zlatovratsky took the lead. He invited a group of writers and popular columnists and formed a partnership, which owned the ma-

gazine. This was a new magazine with the old name. Therefore, the *Russkoye Bogatstvo* was founded by a group of young publishers of *Otechestvenniye Zapiski*. The cooperative publishing of the new magazine was formed in the summer of 1879, just before the first issue went out. As noted above, the magazine came out in 1880 and existed until 1881; the cooperative fell apart after the third issue.

The publishers of *Russkoye Bogatstvo* tried to bring the best Russian authors to the magazine. Once, they addressed Ivan Turgenev, the patriarch of Russian literature. He met the publishers twice. Before the meetings, the writer G.I. Uspenskiy asked him to send something for the magazine. As Zlatovratsky recalled, Turgenev “was touched by the request” [1. P. 303]. He sent a small poem called *Croquet at Windsor*. However, due to the delicacy of the theme, the editors had to reject it; it was anti-British. Diplomacy intervened and it was not published. Meanwhile, the first issue included V.M. Garshin’s story *Attalea Princeps* earlier rejected by *Otechestvenniye Zapiski*. At the same time, M.E. Saltykov-Schedrin, the head of *Otechestvenniye Zapiski* was very skeptical about *Russkoye Bogatstvo*, emphasizing, as Zlatovratsky wrote, that “we would weaken *Otechestvenniye Zapiski* by taking more work that does not make any sense” [1. P. 312]. Zlatovratsky went to Saltykov-Schedrin to show the first issue. “...It took me a while to defend our new baby in front of him (Saltykov-Schedrin. – N.S.), reassure his fears and doubts awakened by the future of the magazine and ours,” he wrote. However, in the end the relations between the two magazines went smooth.

In the time of Zlatovratsky, the magazine acquired its three sections: fiction and social articles, literary critics, and miscellaneous. Experienced manager, Zlatovratsky turned *Russkoye Bogatstvo* into a popular publication within a very short time. He left very interesting memoirs [1]. Zlatovratsky was a famous author but his works did not get everyone’s appraisal. Once, L.N. Tolstoy noted “I read something profound; one can see the author as a kind man but his head is in a terrible mess” [2. Vol. 2. P. 57].

The magazine stepped into its new epoch in October 1882, when A.E. Obolensky, a writer, and a philosopher took the lead. With him, the magazine turned into a philosophical publication and attracted L.N. Tolstoy’s attention. The writer suddenly changed his attitude towards the magazine as soon as Zlatovratsky left it. The new leader tried to combine the successes of the natural sciences of the end of the 19th century with his religious and ethical principles, which echoed in Tolstoy. He was keen on Au. Comte’s philosophy of positivism. Obolensky became an active promoter of Tolstoy’s non-violent resistance idea.

Tolstoy appreciated *Russkoye Bogatstvo*, differentiating it among “all that exists” “in its field” [2. Vol. 1. P. 592]. In 1886, the fourth issue of the magazine featured his story *How Much Land Does a Man Require?* [4]. Earlier in 1885, three abstracts of his philosophical treatise came out with editor’s cuts including *What Is to Be Done?* [4]. *Urban Life, About Census in Moscow, Rural and Urban Life* [4. No. 4, 9, 10, 12]. An abstract from his other philosophical treatise *What I Believe?* was also published there [4].

In 1892, N.K. Mikhaylovsky, the leader of populist publicists became the head of *Russkoye Bogatstvo*. Before starting his cooperation and taking the leadership of the magazine, he went through an excellent school in *Otechestvenniye Zapiski*

which closed in 1884. Mikhaylovskiy reintroduced the cooperative principle. In April 1893, an agreement was signed to appoint the magazine's principal employees S.N. Krivenko, G.I. Uspenskiy, K.M. Stanyukovich, and others as co-owners along with Mikhaylovsky. Later, other writers including V.G. Korolenko joined them.

As a populists' magazine, *Russkoye Bogatstvo* actively disputed with the Marxists and Mikhaylovsky ran this dispute. Even V.I. Lenin, while seeing him as an ideological opponent recognized that "the great historical merit of Mikhaylovsky in a bourgeois-democratic movement to free Russia was that he passionately sympathized the oppressed situation of peasantry, and energetically fought against any signs of villeinage tyranny, and stood in legal and open media at least with the hints of sympathy and respect to 'underground resistance' where the most consistent and decisive democrats and intellectuals acted, and even helped this underground himself" [3. Vol. 2. Pp. 333–334].

Populist publisher S.N. Krivenko also contributed a lot to the magazine. Like Mikhaylovsky he was closely connected to *Otechestvennyye Zapiski* where he prepared the main program articles. In 1892 Krivenko became one of the leaders of *Russkoye Bogatstvo*, turned into a liberal populist body. He also published articles against Marxism and subjected to critics in Lenin's work *What the 'Friends of the People' Are and How They Fight the Social-Democrats?* [3. Vol. 1].

With Mikhaylovsky in charge *Russkoye Bogatstvo* reached its climax, first of all, thanks to publishing the works of both recognized and emerging talented authors famous among Russian readers.

One could say, Maxim Gorky discovered the magazine to the world. In 1895, the sixth issue featured the literary masterpiece of the young author, *Chelkash* with a lead *Episode* [4. Pp. 5–35]. Gorky wrote it in 1894 in Nizhniy Novgorod. The story was published thanks to the efforts of V.G. Korolenko, who met the young author and suggested him writing something for *Russkoye Bogatstvo*. Korolenko highly assessed Gorky's draft manuscript calling the author a gemstone with "unquestionable literary talent" [5. Vol. 1. P. 201]. Thus, thanks to the publication of *Chelkash* in the magazine Gorky entered Great Russian literature.

The magazine then followed the writer's successes and failures. Evaluating his story *Boredom* Mikhaylovskiy noted in his article *More about Maxim Gorkiy and his Characters*, published in the tenth issue of *Russkoye Bogatstvo* in 1898, "The most sensitive ear does not hear any fake note, the strictest hand cannot cross out or add a single word here" [4. Sec. II. P. 93]. Mikhailovsky focused on the literary advantages of the story *Malva* and the sketch *Goltva Fair* in the same article. The critic compares *Malva*, the main character, with the feminine images of Dostoyevsky. He says "Gorky's *Malva* ... is clearer and simpler than mysterious women of Dostoyevsky... and it is not about Gorky's power but rather about that rough and comparatively simple atmosphere in which *Malva* grew and lived and thanks to which her psychology is clearer and easier, preserving though the same typical features which Dostoyevsky tried to catch in vain" [4. Sec. II. Pp. 65–66, 68].

Goltva Fair is assessed as a "small sketch, written without any claims for profoundness or 'insight', a bagatelle full of soft light humour which makes a bigger impression, taken that the element is not present in other Gorky's works" [4. Sec. II. P. 93].

Later, in the article *Stories of Gorky and Chekhov* published in the second issue of 1902 the same Mikhaylovsky criticized the author for his superficial description of the essence and the worldview of the vagabondage in his latest stories. This gap, according to the critic, is observed in Gorky's stories *Foma Gordeyev* and *The Three* which have "separate beautiful pages and even the whole episodes, in general, are long and full of long contemplations of the main characters" [4. Sec. II. P. 176]. According to the critic, those contemplations repeat what had already been told in previous works.

A.P. Chekhov also received his portion of criticism from Mikhaylovsky who didn't understand the author. Considering the author of *The Steppe* and *A Boring Story* as talented, the critic regularly attacked Chekhov's work for objectivism, indifference, and the absence of big ideas. In the article, written on the occasion of the publication of the first volume of the A.P. Chekhov's selected works in A.F. Marks publishing house, Mikhaylovsky wrote "the author is very unscrupulous and puts on paper everything that his observation and memory tell him" [4. 1900. № 4. P. 120]. Mikhaylovsky also did not like Chekhov's *Peasants* which lacked "general idea" [4].

P. Pertsov, another critic from *Russkoye Bogatstvo* echoed Mikhaylovsky by reproaching Chekhov for being indifferent towards social problems and for random subject selection. In the same article, the reviewer criticized the image of the main character Layevsky in the novel *The Duel* "the character of Layevsky is not properly spelled out" [4. 1893. № 1. P. 62].

It is interesting to note that despite the continued critics of Chekhov for several years in a row, this magazine was among the first to support the emerging author. Back in 1886, the twelfth issue featured an article by L.E. Obolensky entitled *On Everything. Critical Review (Young talents: Chekhov and Korolenko. Comparisons)* [4].

Journalist V.A. Fausek wrote about the meeting of Chekhov and Obolensky in Yalta. Before the meeting, the great writer noted that "he (Obolensky) was the first critic who noticed and encouraged me! Back then I needed and appreciated a word of encouragement from the literary critics" [6. P. 269].

Finally, Mikhaylovsky himself had to admit that Chekhov was a writer capable of creating the constructs of life. In his article *Literature and Life. Notes on Chekhov*, published in the fourth issue of *Russkoye Bogatstvo* in 1900, the critic recognized the writer "grew up beyond recognition." "Short stories *About Love, Gooseberries, Man in a Case, A Doctor's Visit* are well thought and written. *In the Ravine* is a new step ahead" [4. Pp. 135–140].

In his turn, Chekhov carefully followed all-new critical reviews about himself published in *Russkoye Bogatstvo*. Thus, his doctor I.N. Altshuler in Yalta remembered that once he caught Chekhov reading the mentioned article *Literature and Life. Notes on Chekhov*. Despite all the compliments, the writer was not too excited about it [6. P. 536].

Indeed, Chekhov did not like the attitude of *Russkoye Bogatstvo* towards his work. Therefore, when living in Yalta in the 90s of the 19th century, he refused to cooperate with the magazine despite all the offers as well as with such magazines as *Mir Bozhiy, Mir Iskusstva*, preferring them to *Russkaya Mysl, Severniy Vestnik*, etc. [7. Vol. 10. P. 338].

A.I. Kuprin published several stories and novels in *Russkoye Bogatstvo* as well. He started his cooperation with the magazine early in his career. In 1893, his novel *In the Dark* was published in the sixth and seventh issues, and the eleventh issue featured the story *On a Moonlit Night*. The author sent it N. Mikhaylovsky and wrote “in the lead I noted it is a short story, as I didn’t dare to write a psychological essay” [8. Vol. 1. P. 489]. In 1894, the eighth issue featured his *From the Distant Past* which was later renamed into *The Inquiry* [4]. The same year, another Kuprin’s story *Lidochka (A Story of an Experienced Man)* was published in the twelfth issue, which was later included into the writer’s collection entitled *To the Fame* [4].

In 1896, the twelfth issue of *Russkoye Bogatstvo* featured Kuprin’s novel *Moloch* [4]. He also wrote *Deep in the Forest* especially for the magazine with the lead *I. Dosvitok* published in the ninth issue in 1898. Later the story was renamed into *Deep Forest*. The lead proved Kuprin’s desire to continue the series of stories written after his visit to Polesye. As researches suggest, the second in the series could be his famous novel *Olesya* which he offered to *Russkoye Bogatstvo*. However, the editors rejected it [8. Vol. 2. P. 488]. Therefore, the writer had nothing to do but to offer it to the newspaper *Kiyevlyane* where it came out in several issues in 1898.

Despite that, Kuprin continued his cooperation with *Russkoye Bogatstvo* even after he took the lead of the fiction section of the other popular Russian magazine *Mir Bozhiy*. In 1902, *Russkoye Bogatstvo* published his story *In Retirement* in the eleventh issue, and in a year another story *The Horse Thieves* [4].

Nonetheless, the talent of V.G. Korolenko bloomed the best on the pages of *Russkoye Bogatstvo*. In 1892, he published *At-Davan* one of his first stories in the tenth issue of the magazine, which immediately caused a conflict situation. Outraged by the illegal activities of the Siberian bureaucrat Alabin, the author presented him as a scoundrel, Cossack cornet Arabin. The bureaucrat recognized himself and sent a protest note to the publishers of the magazine, requiring Korolenko to state that the subject was fictional. However, the author refused to do so, saying that though he “wrote fictional story, the facts were taken from the reality and they were worse than any fiction” [9. Vol. 1. P. 489].

In 1895, *Russkoye Bogatstvo* published Korolenko’s story *Without Language* [4] in its several issues, written under the impressions of the writer’s visit to the International Expo in Chicago. He went there in 1893 as a reporter of *Russkoye Bogatstvo* [9. Vol. 4. P. 383].

Korolenko also proved to be a great publicist in 1893, when he published series of reviews *In a Hungry Year* in several issues of *Russkoye Bogatstvo*. During winter and spring in Lukoyanovskiy Uezd (county) in Nizhegorodskaya Gubernia, Korolenko observed the miserable state of the farmers of Povolzhye due to the failure of the crop [9. Vol. 5. P. 512].

Another essay written by Korolenko about the Cossacks of the Urals was published in the 10–12 issues of *Russkoye Bogatstvo* in 1901. It was called *With Cossacks* [4]. An article about the death penalty called *Everyday Happening*, published in the third and fourth issues of the magazine in 1910, caused passionate feedback from L.N. Tolstoy. On March 26, 1910 he made the following note in

his diary: “In the evening I read Korolenko’s article. It is wonderful. I couldn’t help but cry. I wrote him a letter” [9. Vol. 6. P. 405].

In 1907, the fourth issue of the magazine featured Korolenko’s article *The Tragedy of Sorochintsy* [4]. It was based on the bloody confrontation between the farmers of Sorochintsy village with the Cossacks squadron on December 19, 1905. During this fight, dozens of farmers were killed or wounded and the deputy head of the district police Barabash was wounded to death. In his essay, the author condemned the violent massacre of the farmers, where the offenders were not punished at all.

However, the most resonate publication of Korolenko was his essays about the Multan case. Later the essays were named *The Multan Sacrifice* [9. Vol. 6. P. 5]. The case of the bloody crime which lasted over four years in the court supposedly committed by the farmers of Stary Multan (nowadays in Udmurt Republic) was one of the most famous legal proceedings of the end of the 19th century. All country was following the process. The murder of a Russian vagabond was evaluated as ritual and several Udmurts or Votyaks as they were called back, were charged in human sacrificing.

Most likely, the defenders would be imprisoned if not for V.G. Korolenko. For a long time, his materials on Multan case were published in *Russkoye Bogatstvo* and other periodicals of Russia. Korolenko entered the fight with the merciless court machine and won it. In large part, thanks to his bright, persuasive and highly professional publications the court acquitted the defenders on all charges. And he did not defend them at the process!

Years after the events in Stary Multan the author of the article visited the village where the memories of V.G. Korolenko are carefully preserved. There are a memorial and the first museum exposition honoring the writer. From my own experience, I dare to state that the civil feat of Korolenko, which he committed through his publications in *Russkoye Bogatstvo* defending the Multan farmers, even today inspires to follow his path, and encourages people of all ages and occupations to visit Stary Multan.

It was Korolenko who became the chief editor of *Russkoye Bogatstvo* after the death of Mikhaylovsky in 1904. In September 1914, the magazine changed its name. Until March 1917, it was called *Ruskiye Zapiski*. The magazine was hostile towards the October revolution and demanded All-Russia Constituent Assembly taking the power. This position defined the destiny of *Russkoye Bogatstvo*, which in 1918 was closed for anti-Soviet publications.

References

- [1] Zlatovratsky, N.N. (1956). *Memoires*. Moscow, Goslitizdat Publ. (In Russ.)
- [2] *L.N. Tolstoy in memories of his fellows*. (1978). Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. (In Russ.)
- [3] Lenin, V.I. (1967–1975). *The complete collection of works*. Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury Publ. (In Russ.)
- [4] *Russkoye Bogatstvo*. (1876–1918). (In Russ.)
- [5] Gorkiy, A.M. (1979). *Collected works*. Moscow, Pravda Publ. (In Russ.)
- [6] *L.N. Tolstoy in memories of his fellows*. (1986). Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. (In Russ.)

- [7] Chekhov, A.P. (1985). *Works*. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
- [8] Kuprin, A.I. (1964). *Collected works*. Moscow, Pravda Publ. (In Russ.)
- [9] Korolenko, V.G. (1971). *Collected works*. Moscow, Pravda Publ. (In Russ.)

Bio notes:

Nikita V. Shevtsov, Candidate of Historical Sciences, Head of the Master’s Program “International Journalism”, Head of the Department of International Journalism, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University).

Leila O. Algavi, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Theory and History of Journalism, Faculty of Philology, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University).

Сведения об авторах:

Шевцов Никита Всеволодович, кандидат исторических наук, руководитель магистерской программы «Международная журналистика», заведующий кафедрой международной журналистики, Московский государственный институт международных отношений (университета).

Алгави Лейла Омаровна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра теории и истории журналистики, филологический факультет, Российский университет дружбы народов.

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2-247-255

УДК 32.019.5

Научная статья / Research article

Лингвокультурная организация иновещания в МИА «Россия сегодня»

Н.Э. Эфендиева

*Международное информационное агентство «Россия сегодня»,
Российская Федерация, 119021, Москва, Zubovskiy b-p, d. 4*

✉ nailyaefendieva@gmail.com

Аннотация. В современных политических и социокультурных реалиях особые роль и значение отводятся иновещанию как технологии позиционирования страны – производителя контента во внешней среде – мировом медиапространстве. Предметом исследования является экспликация специфики лингвокультурной организации иновещания. За основу был взят опыт МИА «Россия сегодня» как флагмана иновещания в российском сегменте медиапространства, посредством своей деятельности оказывающего влияние на структурирование геополитической обстановки в современном глобализирующемся мире. Использовался комплекс методов: историко-политический анализ, структурный анализ, контекстуальный анализ, вторичный анализ социологических и статистических данных. Эмпирическую базу составили четыре редакции агентства Sputnik (Sputnik International, Sputnik Polska, Sputnik Türkiye и Sputnik Беларусь), репрезентирующие различные лингвокультуры – с дифференцированными этническими и религиозными особенностями, которые имеют не только языковые, но и культурные проявления в целом. По итогам исследования делаются выводы, что лингвокультурная организация иновещания рассматривается как средство осуществления дипломатической миссии государства-вещателя при помощи инструментов «мягкой силы» (soft power) в глобализирующемся мире, основанное на репрезентации контента позиционирующего характера с учетом этнических, религиозных, а вместе с тем языковых и культурных особенностей аудитории-потребителя. От степени лингвокультурной ориентированности иновещательной деятельности зависит как эффективность продвижения программных заявлений и идей, так и усиление образа страны в геополитической плоскости.

Ключевые слова: иновещание, лингвокультура, межкультурная коммуникация, медиакоммуникации, геополитика, глобализация

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 12 февраля 2021 г.; принята к публикации 20 марта 2021 г.

© Эфендиева Н.Э., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Эфендиева Н.Э. Лингвокультурная организация иновещания в МИА «Россия сегодня» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 247–255. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-247-255>

Linguocultural Organization of the International Broadcasting in Russia Today

Nailya E. Efendieva

Russia Today,
4 Zubovskii Bulvar, Moscow, 119021, Russian Federation
✉ nailyaefendieva@gmail.com

Abstract. In modern political and socio-cultural realities, a special role and importance are assigned to international broadcasting as a technology for positioning a content-producing country in the external environment, i. e. the global media space. The subject of this study is the explication of the specifics of the linguocultural organization of international broadcasting. The experience of Russia Today was taken as the flagship of international broadcasting in the Russian segment of the media space, through its activities influencing the formation of the geopolitical situation in the modern globalizing world. A complex of methods was used: historical and political analysis, structural analysis, contextual analysis, secondary analysis of sociological and statistical data. The empirical base was made up of four editions of the Sputnik Agency (Sputnik International, Sputnik Polska, Sputnik Türkiye, and Sputnik Belarus), representing various linguocultures – with differentiated ethnic and religious characteristics that have not only linguistic but also cultural manifestations in general. Based on the results of the study, it is concluded that the linguocultural organization of international broadcasting is considered as a means of implementing the diplomatic mission of the state-broadcaster with soft power tools in the globalizing world. It is based on the representation of positioning content, taking into account ethnicity, religion together with the linguistic and cultural characteristics of the audience. Both the effectiveness of promoting program statements and ideas and strengthening the country's geopolitics depend on the degree of linguocultural orientation of international broadcasting activities.

Keywords: international broadcasting, linguistic culture, intercultural communication, media communications, geopolitics, globalization

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted February 12, 2021; revised March 9, 2021; accepted March 20, 2021.

For citation: Efendieva, N.E. (2021). Linguocultural organization of the international broadcasting in Russia Today. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(2), 247–255. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-247-255>

Введение

МИА «Россия сегодня» представляет собой лингвокультурную организацию с рядом стратегически значимых отраслей. Международное информационное агентство осуществляет непрерывную работу и охватывает сразу

несколько направлений. Одним из них является Sputnik («Спутник») – новостное агентство и радиоканал с мультимедийными информационными хабами в десятках стран. Агентство состоит из сайта, аналогового и цифрового радиовещания, мобильных приложений и страниц в социальных сетях. Сайты Sputnik работают на десятках языков, включая английский, арабский, грузинский, испанский, китайский, польский, турецкий и т. д. Всего насчитывается 42 редакции, каждая из которых вещает на своем уникальном языке. Если говорить о странах ближнего зарубежья (Прибалтика и СНГ), то эти редакции вещают на двух языках: государственном для страны и русском. Новостные ленты на английском, арабском, испанском, китайском и фарси осуществляют круглосуточное вещание.

Контент агентства разнообразен: инфографика, видео- и фоторепортажи, прямые эфиры, онлайн-голосования. Помимо оперативных новостей, Sputnik также публикует аналитические материалы и эксклюзивные интервью. Благодаря этому у пользователей есть возможность ознакомиться со всеми сферами жизни и охватить ту или иную новость в полной мере. Стоит отметить, что каждая редакция освещает события в той стране, на которую она ориентирована, а также представляет мировую повестку.

В отечественном междисциплинарном научном дискурсе инновационная деятельность МИА «Россия сегодня» неоднократно становилась предметом исследований в контексте медиакommunikаций (А.Л. Аكوпова [1–2], О.А. Дмитриев, Е.В. Иваницкая [3], В.А. Кизима [4], А.Е. Курилов [5–6]) и политологии (А.А. Коробов, А.А. Рябов [7], В.С. Сорокина [8]). Несмотря на релевантность и научную фундированность, представленные работы не фокусируются на анализе форм и содержания медиапродуктов МИА «Россия сегодня» с позиций лингвокультурной ориентированности. Выдвигаемая исследовательская оптика основывается на концепции К. Леви-Стросса, согласно которой «язык есть одновременно и продукт культуры, и ее важная составная часть, и условие существования культуры. Более того, язык – специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов» [9. С. 124].

Предметом рассмотрения настоящей статьи является экспликация специфики лингвокультурной организации инновационного вещания. Используется комплекс методов: историко-политический анализ; структурный анализ; контекстуальный анализ; вторичный анализ социологических и статистических данных. Эмпирическую базу составили четыре редакции агентства Sputnik (Sputnik International, Sputnik Polska, Sputnik Türkiye и Sputnik Беларусь), репрезентирующие различные лингвокультуры – с дифференцированными этническими и религиозными особенностями, которые имеют не только языковые, но и культурные проявления в целом.

Sputnik Беларусь

Sputnik Беларусь относится к редакциям, вещающим на ближнем зарубежье (Прибалтика и страны СНГ). Материалы публикуются на двух языках: белорусском (национальном) и русском. Благодаря этой особенности все редакции ближнего зарубежья объединены в одну группу под названием «Орбита Sputnik». Главной идеей создания такого многопланового канала явля-

лась разносторонняя передача информации, а также сохранение и поддержание русскоязычного населения в странах вещания. При переходе на сайты информационных агентств есть возможность выбрать язык.

Рассмотрим структуру Sputnik Беларусь на русском языке. На верхней панели есть возможность зарегистрироваться на сайте, получая срочные новости на электронную почту, а также оставлять комментарии под статьями. Присутствует развернутый список всех редакций Sputnik на других языках, деление на рубрики и переход на официальные страницы в социальных сетях.

«Главная» – это переход на стартовую страницу. «В мире» – последние глобальные изменения, новости о политике, экономике, культуре и науке. Это объединенная рубрика для различных статей, с разнообразной направленностью, иными словами, все, что происходит в мировом пространстве. Согласно статистическим данным, более 80 % пользователей в первую очередь осуществляют переход в рубрику «В мире».

На основании анализа структуры информационного агентства Sputnik Беларусь важно обратить внимание, что материалы ориентированы на русскоязычного пользователя, проживающего не только на территории Беларуси, но и за ее пределами, например в странах СНГ. Деление на рубрики актуально и понятно ввиду общего схожего менталитета и взглядов на жизнь. Наличие публикаций о российско-белорусском взаимодействии, событиях культуры и праздниках свидетельствует о поддержании добрососедских отношений двух государств.

Sputnik Polska

Редакция Sputnik Polska (Польша) публикует материалы на польском языке. Сам язык относится к славянской группе языков, западнославянской подгруппе (вместе с кашубским, лужицким, чешским и словацким). Всего в мире по-польски говорят около 40 млн чел. В месяц сайт посещают от 50 до 100 тыс. пользователей, проживающих как в самой Польше, так и за ее пределами (Великобритания, Канада, Бразилия, Австралия и др.).

Как и в каждой редакции, в Sputnik Polska также есть деление на рубрики и подрубрики: «Главная страница» (Strona główna); «Мир» (Świat); «Польша» (Polska); «Политика» (Polityka); «Экономика» (Gospodarka); «Наука и техника» (Nauka i tech); «Мнение» (Opinie); «Блоги» (Blogi). В медиатекстах на польском языке название страны употребляется в трех вариантах: Polska (Польша), Rzeczpospolita Polska (Республика Польша) и IV Rzeczpospolita Polska (4-я Республика Польша). Само слово «республика» переводится на польский как *republika* и применяется ко всем странам с таким государственным режимом, кроме Польши. Ранее существовавшая Речь Посполитая так и осталась ею в польском языке. IV Rzeczpospolita Polska чаще употребляется в авторских статьях о политике или истории страны. Используя число перед названием, поляки лишней раз подчеркивают «темные» страницы прошлого, отдавая дань уважения истории своей страны.

Несмотря на то, что большинство редакций по своей структуре схожи, верстка сайта польской версии Sputnik значительно короче английской. Такое изменение обусловлено тем, что сама страница делится не на 7 частей, а только на 4: главное из 5 «горячих» событий; новостную ленту; 8 сведений

из разных рубрик; развлекательные мультимедийные материалы. Авторские публикации и колонки размещены по правой стороне сайта, тем самым обеспечивая высокую читаемость.

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод, что интересы Польши и поляков нацелены на Европу и США. Также публикуются материалы с упоминанием близлежащих стран (Украина, Россия и Беларусь) ввиду этнической и территориальной направленности. Структурное деление Sputnik Polska связано с компактностью информирования. Например, события в африканских республиках публикуются только в случае каких-либо катастроф (государственный переворот, падение самолета, террористический акт, множество погибших). Это же правило касается стран Южной Америки. Отсутствие общих черт, точек культурного и национального соприкосновения снижает интерес и перефокусирует на восток. Несмотря на исторические конфликты, поляки, украинцы, белорусы и русские этнически представляют одну группу – славян. Отпечаток накладывает и язык, и языковые категории, в которых мыслят территориально близкие друг к другу народы.

Sputnik International

Английский язык является мировым языком. Около 1 100 000 000 человек на планете говорят по-английски, для 400 млн он является родным. Используют английский язык 85 % международных конференций и организаций, 90 % информации в Интернете размещается именно на нем. Название Sputnik International само по себе подчеркивает международную направленность.

Рассмотрим внешний вид сайта информационного агентства на английском языке. Верхняя панель разделена на три части: есть возможность зарегистрироваться, посетить редакции Sputnik на других языках, ознакомиться с рубриками и пройти на официальные страницы в социальных сетях. Все материалы распределяются по рубрикам. В англоязычной версии Sputnik основными являются следующие рубрики: «Главная» (Home); «Бизнес» (Business); «Мнение» (Opinion); «Технология» (Tech); «Вирусный» (Viral); прим. вирусный контент – все, что заинтересовало пользователей Сети и стало «заразительной» идеей для распространения). Стоит отметить, что для русскоязычного пользователя такая рубрикация непривычна. Сравнивая с традиционной структурой российских медиа (таких как РИА Новости, ТАСС, Lenta), можно заметить, что в отечественных традициях зачастую материалы разделяются по тематикам – на политические, экономические, культурные, научные и проч.

На главной странице Sputnik International расположено 7 основных блоков и 1 переменный. Он возникает при появлении спецпроекта, приуроченного к важной дате или происходящим в мире событиям. В 2020 году таковыми являлись статистические данные Университета Дж. Хопкинса по распространению коронавирусной инфекции и спецпроект, посвященный 75-летию годовщине Великой Победы. Первый (верхний) блок состоит из 5 материалов и обновляется каждые 2 часа. Второй – новостная лента, актуализируемая автоматически сразу после выхода нового материала. Третий – из 8 материалов, с обновлением через каждые 3 часа (исключая срочные новости). Четвертый – отдан под статьи, по мнению редакции, достойные внимания

(«на злобу дня»). Пятый представляет собой полосу из рубрики радио. Шестой – совокупность развлекательных медиапродуктов. Седьмой – мнения и аналитика. Справа – аналитические статьи обозревателей.

Таким образом, страница построена по принципу перехода от главного к частному – от «горячих» новостей к зрелищным фотографиям, чтобы сбалансировать количество полученной информации. Навигация удобна не только для носителей английского языка и представителей англоязычной культуры, но и для всех, кто овладел языком на пользовательском уровне [10]. Тематика и направленность материалов обширна и разнообразна – будет релевантна для всех народов, культур, этносов и религиозных конфессий. Несколько миллионов пользователей по всему миру могут пользоваться ресурсом и быстро получать информацию. Кроме того, благодаря международной направленности и круглосуточному вещанию, можно узнать о последних новостях и событиях в любое время. Совокупность аудиовизуальных и текстовых материалов способствует разностороннему восприятию информации.

Sputnik Türkiye

Поскольку Sputnik International является ориентиром для других редакций, многие из них имеют похожее оформление и разделение на рубрики. Наиболее ярким примером можно считать Sputnik Türkiye. Турецкий язык относится к тюркской языковой ветви, входит в группу огузских языков, в западную подгруппу (вместе с азербайджанским и гагаузским языками). По-турецки в мире говорят около 77 млн чел.

«Главная страница» (Ana sayfa) переносит на стартовый раздел. При переходе в раздел «Новости» (Haberler) есть возможность выбрать рубрику, например: «Мир» (Dünya); «Политика» (Politika); «Экономика» (Ekonomi); «Оборона» (Savunma); «Жизнь» (Yaşam); «Спорт» (Spor). Эти 5 рубрик являются важными в жизни каждого турка. По данным внутренней статистики, 75 % посетителей сайта – мужчины, только 25 % – женщины. Мировым новостям о политике, экономике, военном положении и спорте турки уделяют большое внимание.

Между тем на протяжении последних десятилетий геополитическое лидерство сохраняется за Россией и США, в связи с чем к событиям в этих странах турецкая аудитория проявляет повышенный интерес. Слова Д. Трампа быстро расходятся на цитаты, а американская национальная валюта – доллар – продолжает удерживать фондовые рынки. Соединенные Штаты всегда притягивали внимание всего мира. Неудивителен повышенный интерес со стороны Турции. Как уже отмечалось ранее, между странами существуют определенного рода договоренности. Налажено торговое сотрудничество. К примеру, особое значение имеет экспорт из США в Турцию самолетов, железа и стали, сельскохозяйственной продукции, масла, хлопчатобумажной пряжи и ткани. США импортируют из Турции автотранспортные средства, машины, железо и сталь, продукцию сельского хозяйства, травертин и мрамор. Сама по себе Южная Америка (Güney Amerika) не представляет интереса для Турции, но вместе с вмешательством США и доставкой иранской нефти уже становится объектом повышенного внимания. Китай как нельзя лучше подходит на роль хэдлинера рубрики «Азия и Тихий Океан» (Asya & Pasifik).

Торговая война с США, пандемия коронавирусной инфекции, быстрое возвращение на торговую арену – триггеры усиленного внимания к событиям в стране. Особо сложным регионом остается Африка, что связано с рядом причин: военные действия, государственные перевороты, террористические группировки, а также конфликты в Ливии, в которых Турция представляет свои интересы. Стоит подчеркнуть религиозный аспект. Большая часть населения Африки исповедует ислам, поэтому жизнь и судьба братьев и сестер по вере небезразлична турецкой аудитории.

Несмотря на некую схожесть в структуре редакции Sputnik Türkiye и Sputnik International, турецкая версия Sputnik сбалансирована новостными и развлекательными материалами. При этом картина мира турецкого народа отлична от английской и польской. Турки мыслят в иных категориях, отсюда и различное мировосприятие. Новости в Турции долго обсуждаются, каждое вышедшее сообщение быстро получает резонанс. Особенно это касается материалов на военную тему (о технике, вооружении, обстановке на приграничных зонах).

Заключение

По итогам проведенного исследования следует эксплицировать лингвокультурные особенности организации инновационного вещания в представленных редакциях агентства Sputnik. В целом в Республике Беларусь официально используется два государственных языка: белорусский и русский. Оба относятся к восточнославянской ветви, применяют в своем написании кириллицу. Народы ментально связаны и имеют культурно-языковую общность. Историческое единение берет свое начало с образования Древнерусского государства. Еще большая сплоченность народов проявилась в советский период. Между белорусами и русскими практически стерты культурные границы. Развал СССР никак не повлиял на взаимоотношения двух государств, благодаря чему сохранилась прочная связь на языковом и культурном уровнях. События, касающиеся политической, экономической, культурной жизни на территории Российской Федерации, широко освещаются в Sputnik Беларусь. Материалы Sputnik Беларусь подтверждают лингвокультурную общность двух народов.

Польский язык по своей структуре является наиболее близким к русскому языку. Многочисленные конфликты прошлого сталкивали, объединяли и противопоставляли поляков и русских. Имея общий праязык – старославянский, – обоим народам присуща схожая языковая картина мира. Это отражается и в культуре. Несмотря на религиозные различия (русские – православные, поляки – католики), праздники, традиции и языковые устойчивые выражения имеют общее начало. С начала XX века взаимоотношения Польши и России значительно обострились. Времена коммунистической Польши образовали множество проблем между странами и негативно отразились на отношении поляков к русским. За последние 20 лет культурный вектор сместился еще более радикально: Польша стала членом НАТО, вступила в Евросоюз и вошла в Шенгенскую зону. У многих жителей Польши враждебное отношение к России сохраняется до сих пор. В 2019 году действующее правительство Республики Польша запретило радиовещание информационного агентства Sputnik Polska, посчитав его пропагандистским. Но электронный ресурс про-

должает существовать, организуя ежедневное информирование о событиях в России и мире и способствуя сближению сторон.

Англоязычный мир многогранен и влиятелен. Во многом это объясняется большим количеством произошедших в мировой истории завоеваний, основании колоний, коронных земель, появлении протекторатов и доминионов. Культура и язык распространились на территории Северной Америки (США, Канада), Южной Америки (Британская Гвиана), Центральной Америки (Остров Кайман, Ямайка и др.), Африки (ЮАР, Судан и др.), Азии (Индия, Пакистан и др.), Австралии и Океании (Новая Зеландия, Папуа-Новая Гвинея и др.). Английский язык установил мировое господство, став международным. Sputnik International освещает события для англоязычного населения всего мира, прежде всего охватывая все перечисленные континенты.

Знаковые характеристики турецкой культуры сильно отличаются от польской, английской и русской. Восточный менталитет турецкого народа обнаруживается, в первую очередь, в живых коммуникативных процессах и языковых выражениях. Образ мысли восточного человека, складывавшийся веками, как язык и культура, ввиду этнических, религиозных и национальных признаков различен с европейским. Подача материала редакции Sputnik Türkiye на турецком языке для народа, говорящего на нем, кардинально отличается по углу освещения, выбранным темам, читательскому отношению и восприятию.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что лингвокультурная организация инновационного вещания рассматривается как средство осуществления дипломатической миссии государства-вещателя при помощи инструментов «мягкой силы» (soft power) в глобализирующемся мире, основанное на репрезентации контента позиционирующего характера с учетом этнических, религиозных, а вместе с тем языковых и культурных особенностей аудитории-потребителя. От степени лингвокультурной ориентированности инновационной деятельности зависит как эффективность продвижения программных заявлений и идей, так и усиление образа страны в геополитической плоскости.

Список литературы

- [1] *Акопова А.Л.* Генезис современного Интернет-вещания (на примере деятельности журналистов радиокomпании «Голос России» и немецкоязычного сайта Sputnik МИА «Россия сегодня») // Вестник Пятигорского государственного университета. 2019. № 2. С. 102–105.
- [2] *Акопова А.Л.* Инновационные возможности электронных медиа (на примере МИА «Россия сегодня») // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 3. С. 100–102.
- [3] *Иваницкая Е.И., Дмитриев О.А.* Российское инновационное вещание сегодня: от международной пропаганды к альтернативному информационному вещанию // МедиаАльманах. 2017. № 1 (78). С. 69–79.
- [4] *Кизима В.А.* Основные информационные поводы в публикациях о европейских странах МИА «Россия сегодня» // МедиаЧтения СКФУ: взгляд молодых исследователей: сборник конкурсных материалов Всероссийского научного семинара / отв. ред. О.И. Лепилкина, А.М. Горбачев. Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского федерального университета, 2016. С. 100–102.

- [5] Курилов А.Е. Периодические колебания новостного поля российских информационных агентств // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 1. С. 67–80.
- [6] Курилов А.Е. Структура и механизмы функционирования новостного поля (на примере информационных агентств «Интерфакс», ТАСС, МИА «Россия сегодня»): дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 214 с.
- [7] Коробов А.А., Рябов А.А. Информационные агентства как проводники государственной информационной политики (на примере ТАСС и МИА «Россия сегодня») // Вестник Поволжского института управления. 2020. Т. 20. № 3. С. 24–31.
- [8] Сорочкина В.С. Проблема эффективности российского иновещания в Европе и США // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 2 (2). С. 127–136.
- [9] Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Академический проект, 2008. 555 с.
- [10] Ефанов А.А. Социология медиакультуры и медиаобразования. М.: Юрайт, 2020. 124 с.

References

- [1] Akopova, A.L. (2019). Genesis of modern internet broadcasting (on the example of the activities of the journalists of the radio company Voice of Russia and the German-language site Sputnik Russia Today). *Bulletin of the Pyatigorsk State University*, (2), 102–105. (In Russ.)
- [2] Akopova, A.L. (2018). Innovative opportunities of electronic media (on the example of Russia Today). *Voronezh State University Bulletin. Series: Philology. Journalism*, (3), 100–102. (In Russ.)
- [3] Ivanickaya, E.I., & Dmitriev, O.A. (2017). Russian international broadcasting today: From international propaganda to alternative information broadcasting. *Media Almanakh*, 1(78), 69–79. (In Russ.)
- [4] Kizima, V.A. (2016). The main informational reasons in publications about European countries of Russia Today. In O.I. Lepilkina & A.M. Gorbachev (Eds.), *Media Readings of NCFU: The View of Young Researchers: Collection of Competitive Materials of the All-Russian Scientific Seminar* (pp. 100–102). Stavropol, NCFU. (In Russ.)
- [5] Kurilov, A.E. (2016). Periodic fluctuations in the news field of Russian news agencies. *Questions of Theory and Practice of Journalism*, 5(1), 67–80. (In Russ.)
- [6] Kurilov, A.E. (2016). *The structure and mechanisms of the functioning of the news field (on the example of the news agencies Interfax, TASS, Russia Today)* (Dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Moscow. (In Russ.)
- [7] Korobov, A.A., & Ryabov, A.A. (2020). News agencies as conductors of state information policy (on the example of TASS and Russia Today). *Bulletin of the Volga Institute of Management*, 20(3), 24–31. (In Russ.)
- [8] Sorokina, V.S. (2017). The problem of the effectiveness of Russian international broadcasting in Europe and USA. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 2(2), 127–136. (In Russ.)
- [9] Levi-Stross, K. (2008). *Structural anthropology*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ. (In Russ.)
- [10] Yefanov, A.A. (2020). *Sociology of media culture and media education*. Moscow, Yurait Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Эфендиева Наиля Эхсан кызы, магистр филологии, редактор, объединенная дирекция иновещания, МИА «Россия сегодня».

Bio note:

Nailya E. Efendieva, Master of Philology, Editor, United International Broadcasting Directorate, Russia Today.

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2-256-261

UDC 070.1

Research article / Научная статья

The Main Lexical Features of the Newspaper-Journalistic Style in Modern Chinese Media Texts

Dai Gao , Anna E. Bazanova

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation*

✉ baza89265851150@yandex.ru

Abstract. Functional language styles serve social, political, economic, cultural, and other areas of human life, they are also widely used in our studies and life. The Chinese language's journalistic style has its unique linguistic features that give us a basis for a better understanding of Chinese media texts. The research is carried out due to the necessity to identify the specifics and distinguishing features of the stylistic system of the Chinese language, in particular, the journalistic style, which is a kind of literary written Chinese language and is widely used in almost all mass media. The results introduce new data into the process of learning the functional styles of the Chinese language, and will also contribute to a better understanding of the structure, culture of the language, and content of Chinese media texts in terms of their lexical content.

Keywords: stylistics of Chinese language, functional styles, newspaper-publicist style, lexical features

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted December 14, 2020; revised February 2, 2021; accepted February 22, 2021.

For citation: Gao, D., & Bazanova, A.E. (2021). The main lexical features of the newspaper-journalistic style in modern Chinese media texts. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(2), 256–261. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-256-261>

Основные лексические особенности газетно-публицистического стиля в современных китайских медиатекстах

Д. Гао , А.Е. Базанова

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2*

✉ baza89265851150@yandex.ru

Аннотация. Функциональные стили языка служат социальной, политической, экономической, культурной и другим сферам жизни человека, широко используются в учебе и жизни. Газетно-публицистический стиль китайского языка имеет свои уни-

кальные языковые особенности, которые дают основу для лучшего понимания китайских медиатекстов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления специфики и отличительных черт стилистической системы китайского языка, в частности публицистического стиля, который представляет собой разновидность литературного письменного китайского языка и широко используется практически во всех СМК. Полученные результаты вводят новые данные в процесс изучения функциональных стилей китайского языка, а также будут способствовать лучшему пониманию структуры, культуры языка и содержания китайских медиатекстов с точки зрения их лексического наполнения.

Ключевые слова: стилистика китайского языка, функциональные стили, газетно-публицистический стиль, лексические особенности

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 14 декабря 2020 г.; принята к публикации 22 февраля 2021 г.

Для цитирования: *Gao D., Bazanova A.E.* The main lexical features of the newspaper-journalistic style in modern Chinese media texts // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 256–261. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-256-261>

Introduction

Newspaper-publicist style is one of the functional styles of language, which is widely used in the texts of the mass media, both traditional and electronic (print media, television, radio, and the Internet). The purpose of mass media is to report timely and cover major events in their own country and abroad for the audience, to influence their thoughts and feelings, and to mobilize them to work and actively participate in public and political life. The newspaper-publicist style is the main style in the language that implements communication in the social and political life of society. Social and political life includes many aspects such as domestic and foreign policy, economics, diplomacy, military affairs, science and technology, culture, education, and sports. Newspaper-publicist style shows the realities of these spheres in social and political life. Regardless of the communicative form, this style has a pronounced practical and political orientation. The subject of newspapers and public works is always relevant.

History of the research of Russian and Chinese writing styles

The description of the newspaper-publicist style in the history of Russian linguistics has a rather long history. In the first half of the 20th century, Soviet philologist G.O. Vinokur devoted a whole chapter in his monograph *Culture of Language* to the newspaper language [1]. G.O. Vinokur in his work revealed the peculiarities of newspaper speech from the point of the functionality of the style and laid the foundations of a systematic approach to the studying of the Russian language style.

V.G. Kostomarov's book *Russian Language in the Newspaper Page* (1971) contains the first detailed description and in-depth analysis of linguistic characteristics of the Russian newspaper-publicist style [2]. The author's main ideas are concentrated in the fourth chapter of the book: so, V.G. Kostomarov believes that

“the specificity of the newspaper speech lies primarily in its special and intentional expressiveness of the statement”. This feature distinguishes the newspaper-style from other styles. This definition, given by V.G. Kostomarov, is currently used by the majority of specialists and language scientists.

Besides, it is worth noting other significant works in the field of functional styles of the Russian language, for example, the book *The Stylistics of the Russian Language* by Russian linguist M.N. Kozhina [3]. Several chapters of this work are devoted to linguistic characteristics of the Russian newspaper-publicist style.

For the first time, stylistic features of Chinese texts in works of Russian Chinese scholars were described by V.I. Gorelov. His work *The Stylistics of the Modern Chinese Language* is notable, first of all, because it is still the only experience of the monographic study of the development and formation of macro-styles of the modern Chinese language [4].

The attempt to create a grammatical theory of the journalistic style of the Chinese language was made by the Moscow scientist E.N. Orlov, who studied the grammatical features of social and political texts. The subject of his dissertation work for the Ph.D. degree in philological sciences was stated as *The Grammatical Features of the Chinese Language’s Journalistic Style* [5]. However, the given scientific work is aimed at comparing the grammatical features of the journalistic and artistic styles. It successfully examined the question of the functioning of the wenyan official words. E.N. Orlov also considered some features of using and variation of official words (their kinds) as wenyan or baihua in newspaper articles.

However, time passes by, language develops and so does the newspaper-publicist style. This article examines the features of the modern newspaper-publicist style of the Chinese language at the lexical level.

Lexical features of the journalistic style of the Chinese language

In terms of vocabulary, the works, which are written about the Chinese language’s journalistic style, consider the following characteristics [6]:

1. In media texts there is widespread use of social and political vocabulary, as well as terminology denoting the concepts of politics, economics, medicine, morality, ethics, culture, etc. For example, Political terms: 经济全球化 (economic globalization)、创新能力 (innovation potential)、政治共识 (political consensus)、和平共处五项原则 (*Five Principles of Peaceful Coexistence (Pancasila)*)、双边关系 (bilateral relations); Economic terms: 商品经济 (commercial farm)、生产力 (productive forces)、按劳分配 (distribution by labour).

2. Lexical means of media texts are common with expression, emotionality, calling to action. Media text actively uses expressive means, which are used in fiction. From the point of the vocabulary, the use of allegory, comparisons, epithets, metaphors, and other figurative means is common. A good example is the article *Conversation about Young China*. The author of the article Liang Qichao expressed an opinion that when young people are strong, China is strong, and expressed his love to the Motherland. In the article, the author uses a metaphor, for example, 老年人如夕照, 少年人如朝阳; 老年人如瘠牛, 少年人如乳虎; 老年人如僧, 少

年人如侠 (Old like sunset, young – like the morning sun; old – like old bulls, and young ones – like young tigers; old – like monks, and young – like knights) [7].

3. The author can use colloquial and simple words and phrases, phraseological expressions. Mao Zedong used colloquial vocabulary and classic characters in his article *Goodbye, Stuart*, for example, 鸟兽散 (dissipate in complete disarray (as birds and animals)) 民不畏死 (people are not afraid of death), 嗟来之食 (food offered in contemptuous tone) 太公钓鱼、愿者上钩 (Taigan takes the fish, and the one, who wants goes to the rod. Taigun's rod catches someone who voluntarily wants to be caught), etc. [8].

The lexicon-semantic analysis of Chinese media texts showed that along with the lexical features described above, which are common to the newspaper-publicist style of the Russian and Chinese languages, Chinese is characterized by the following features related to the cultural and historical features of the country's development and the peculiarities of writing:

1. The desire to resort more often to explanations in the text, to reduce the use of lexical means incomprehensible to the reader. As mentioned above, publicity is one of the most important requirements of the newspaper-journalistic style.

For Chinese media texts, it is doubly relevant. This means that when you are working with the text you should try to avoid using words that are not common for newspapers and magazines. For example, 𦉳 (be angry), 𦉳𦉳 (black, thick), etc. There are only about 100,000 characters in the Chinese language. But only about five thousand hieroglyphics are most often used in the current vocabulary. There are also many low-use words in the Chinese language. Therefore, the use of these rare characters can cause misunderstanding among most readers.

2. Tendency is to use baihua (the official recording system of modern spoken Chinese) more often, less use wenyan (or “Classic Chinese” is a written language used in China until the early 20th century).

One of the most important requirements for lexical components of media texts is their publicity. The newspaper text is designed for a wide audience, and it should be understood by the whole audience.

At present, baihua is used in the writing of newspaper-publicist texts, but the wenyan has not completely disappeared. Some components of the wenyan and its grammatical forms are still found in articles and in everyday language. However, when using wenyan, you need to be more careful to avoid mistakes. Proper use of wenyan can make the article more colorful. If misused, this may interfere with the understanding of the meaning of the text or distort the author's original intent, the reader may not understand it. A common mistake is the misuse of the wenyan's words, for example, using 攸 “yawu”. 攸 is a pronoun of the early Ancient Chinese language, denoting together with the following verb the object of the latter, most often with the meaning of the place of action.

3. The tendency to reduce abstraction is the predominantly usage of specific, rather than abstract, noun names. For example, modern Chinese newspaper and publicist materials often use the proper names and geographical names. These

proper names are representing specific people, places, and events, they are integral elements of the description of news events. Sometimes listing multiple proper names can underscore the significance of an event. For example, in the article 撸起袖子加油干 – 31 个省市落实中央要求扎实行动 (*Work Hard – the Population of 31 Provinces, Guided by the Principles of the CPC Central Committee, is Moving Forward*) 31 units of the administrative division of the People's Republic of China are listed there. Such an impressive number of proper names, and geographical names point to the task of emphasizing the important role of each province in implementing the party's objectives.

In the article 2020 年 10 月 12 日 0 至 24 时青岛市新型冠状病毒肺炎疫情情况 (*The Situation with the Coronavirus Epidemic in Qingdao City on the 12th of October 2020*) people's names, geographical names and other proper names contribute to a detailed description of the situation and the location of all sick people in Qingdao. Frequent use of proper names in media texts is inevitable. The use of this language category in the text promotes a clearer and more accurate readership. The use of proper names, such as geographical names, in the news is an important manifestation of specificity in the description of facts. When reporting news facts, you should use less conceptual language and avoid abstract words, use verbs more often, nouns, and numbers with exact meanings.

4. Besides, the use of phrases of three or four morpheme-hieroglyphics is also an important lexical feature of the newspaper-publicist style in the Chinese media. Such phrases are not set phrases and are not used in everyday speech and artistic texts. They achieve brevity of syllable, imagery, and agitation intonation. The purpose of using such phrases is propaganda, persuasion, and appeal. For example, in the article 讲政治、勇担当、抓落实、促发展 – 书记在干啥? (*About Politics, Responsibility, Initiative, Practicality, an Incentive for Development – How Does the Party Secretary Implement It?*), published by Xinhua News Agency on the 30th of May, the title used a combination of four phrases, each consisting of three characters – 讲政治、勇担当、抓落实、促发展 (politics, responsibility, practicality and incentive). The phrases of the three characters summarize the main content of the article. The article also uses phrases, which consist of four characters: 扫黑除恶 (*Revenge black is to eradicate crime*), 加强调研 (increased surveillance), 促进落实 (promoting implementation) and 谋划举措 (action plan).

The phrases of three or four characters are widely used both in traditional Chinese media and in online media, forming the distinctive stylistic and linguistic characteristics of the journalistic style of Chinese periodicals, as well as improving the expressiveness of the language of mass communication. They reinforce the expressiveness of the texts of newspaper-publicist style in the Chinese language.

5. There is a tendency to use both colloquial vocabulary, vernacular, and Internet slang in the modern newspaper-publicist style of the Chinese language. For example, 最美逆行者 (*Those Who Go in the Opposite Direction are Heroes in Danger*), 云监工 (by via live broadcast remotely monitor the work), etc., the using of such internet slang can resonate with a large, especially young audience and help the media text to achieve the goal: to appeal and to encourage.

6. Usually, careful use of adjectives with emotional coloring is required to achieve the objectivity of written texts. But unlike other styles, the newspaper-publicist style widely uses such emotionally-colored words in Chinese mass media. For example, 出色的 (outstanding), 奢华的 (wasteful).

Conclusion

As a result of the study, lexical features of newspaper-publicist style in Chinese media texts were identified and described. The article named not only those features that are common both for Russian and Chinese languages (widespread using of terminology, emotionality, colloquial and common words and turns, phraseological expressions), but also named features of newspaper and publicity texts in the Chinese language, which are related to the specifics of its development and structure (publicity, the tendency to use baihua, the tendency to reduce abstraction, the use of phrases from three to four morpheme-hieroglyphics, the tendency to use colloquial vocabulary and the use of adjectives with emotional coloring).

References

- [1] Vinokur, G.O. (2018). *Language culture*. Moscow, URSS Publ. (In Russ.)
- [2] Kostomarov, V.G. (1971). *Russian language in the newspaper page: Some features of the language in modern newspaper journalism*. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ. (In Russ.)
- [3] Kozhina, M.N., et al. (2008). *The stylistics of the Russian language: Textbook*. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. (In Russ.)
- [4] Gorelov, V.I. (1979). *The stylistics of the modern Chinese language: Textbook*. Moscow, Prosvescheniye Publ. (In Russ.)
- [5] Orlov, E.N. (1986). *The grammatical features of the Chinese language's journalistic style* (abstract dis. cand. phil. sciences). Moscow. (In Russ.)
- [6] Trushkov, K.O. (2016). Journalistic style as one of the functional styles of the Chinese language. *Amurskij Nauchnyj Vestnik*, (2), 227–233. (In Russ.)
- [7] Liang, Q. (1989). *Conversation about young China*. Biningshi hedi, Beijing, Book Company Zhonghua. (In Chinese.)
- [8] Mao, Z. (1966). *Goodbye, Stuart. Mao Zedong's select works*. Beijing, People's Publishing House. (In Chinese.)

Bio notes:

Dai Gao, PhD student, Department of Theory and History of Journalism, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

Anna E. Bazanova, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Theory and History of Journalism, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

Сведения об авторах:

Гао Дай, аспирант, кафедры теории и истории журналистики, филологический факультет, Российский университет дружбы народов.

Базанова Анна Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра теории и истории журналистики, филологический факультет, Российский университет дружбы народов.

НОВЫЕ МЕДИА

NEW MEDIA

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2-262-275

УДК 070.431.2

Научная статья / Research article

**Развитие научно-популярной журналистики
в условиях кросс-медиа****Л.К. Лободенко** , **Е.В. Давлетшина**

*Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет),
Российская Федерация, 454080, Челябинск, пр-кт имени В.И. Ленина, д. 76
 lobodenkolk@susu.ru*

Аннотация. Развитие информационно-коммуникативных технологий и цифровизация медиaprостранства создают новые возможности для популяризации научного знания. Существует потребность в изучении научно-популярной журналистики как деятельности, активно осваивающей мультимедийный сетевой формат и различные каналы дистрибуции медиаконтента. Цель работы – анализ особенностей развития в интернете научно-популярной журналистики в условиях кросс-медиа. В исследовании использовались общенаучные методы (анализ и синтез), метод изучения документов с элементами контент-анализа, сравнительный метод, включающий сопоставление различных типов контента, а также данные сервисов аналитики социальных сетей и мессенджеров. Изучены медиаканалы и способы продвижения медиаконтента, его идейно-тематические и структурные характеристики, особенности трансформации медиатекста интернет-СМИ научно-популярной тематики на базе Nplus1.ru и Naked-science.ru. Установлено, что вовлечение аудитории в исследуемых интернет-СМИ осуществляется за счет дифференцированного кросс-медийного присутствия, использования процессов рерайтинга и репостинга. Особое внимание было уделено сравнительному анализу медиаконтента официальных сайтов, аккаунтов в социальной сети «ВКонтакте» и мессенджера Telegram.

Ключевые слова: медиaprостранство, научно-популярная журналистика, кросс-медиа, репостинг, рерайтинг, социальные сети, медиаконтент, медиатекст

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 8 января 2021 г.; принята к публикации 12 марта 2021 г.

Для цитирования: Лободенко Л.К., Давлетшина Е.В. Развитие научно-популярной журналистики в условиях кросс-медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 262–275. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-262-275>

Development of Popular Science Journalism in the Cross-Media Context

Lidia K. Lobodenko , Elena V. Davletshina

*South Ural State University (National Research University),
76 Prospekt Lenina, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation*

 lobodenkolk@susu.ru

Abstract. The development of information and communication technologies and the digitalization of the media space create new opportunities for the popularization of scientific knowledge. There is an objective need to study popular science journalism as an activity that develops a multimedia network format and various media content distribution channels. The work is aimed at analyzing the features of the development of popular science journalism on the Internet in the context of cross-media. The study employed general scientific methods (analysis and synthesis), a method of studying documents with elements of content analysis, a comparative method that includes a comparison of different types of content, as well as data from social network and messenger analytics services. The authors studied media channels and ways to promote media content, its ideological, thematic, and structural characteristics, the features of its transformation on high citation index rating's scientific-oriented platforms Nplus1.ru and Naked-science.ru. As a result of the conducted research, it was discovered that the audience involved in the studied online media is carried out through a differentiated cross-media presence, the use of rewriting, and reposting processes. Particular attention was focused on the comparative analysis of the media content of official websites, accounts in the social network VKontakte, and Telegram messenger.

Keywords: media space, popular science journalism, cross-media, reposting, rewriting, social media, media content, media text

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 8, 2021; revised February 11, 2021; accepted March 12, 2021.

For citation: Lobodenko, L.K., & Davletshina, E.V. (2021). Development of popular science journalism in the cross-media context. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(2), 262–275. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-262-275>

Введение

Современные средства массовой информации в условиях развития информационно-коммуникативных технологий и цифровизации стремительно меняются. Влиянию главным образом подвергаются процессы создания, обработки и распространения контента. С начала XXI века активно разви-

ваются интернет-СМИ научно-популярного профиля, а научно-популярная журналистика обрела особую актуальность, о чем свидетельствует увеличение медиаресурсов, специализирующихся на освещении научных тем: интернет-версии традиционных журналов и телеканалов; сетевые издания; разделы о науке информационных агентств; агрегаторы научных новостей; группы в соцсетях и т. д. Создание и дистрибуция медиаконтента осуществляется в условиях кросс-медиа и изменения среды пользовательской коммуникации, что вызвало необходимость переосмысления описываемого явления.

Проблемы научно-популярной журналистики в традиционных СМИ изучены достаточно глубоко: осознание природы и предназначения научно-популярных СМИ [1], развитие научно-популярного знания [2; 3], научно-популярная журналистика как направление деятельности [4–6]. Есть работы по измерению эффективности контента цифровых медиа [7], в том числе функционала научно-популярной журналистики [8–10], но не изученными остаются кросс-медийные решения дистрибуции научно-популярного медиаконтента, чему и посвящена данная статья.

Для достижения цели необходимо изучить медиаканалы и способы продвижения медиаконтента, его идейно-тематические и структурные характеристики, особенности трансформации медиатекста. Ключевые термины – это «научно-популярная журналистика», «кросс-медиа», «репостинг», «рерайтинг».

Предметом научно-популярной журналистики являются продукты научной деятельности: научные знания, сфера их использования, а также отношения науки и общества, науки и человека (см. [11]), а также «адаптация научных знаний для массового читателя» [12]. Данный подход выбран как основа для исследования.

При анализе интернет-СМИ [13–17] базовым становится термин «кросс-медиа». Под «кросс-медиа» понимают передачу одного и того же (или близкого по смыслу) контента с помощью разных медийных источников (различных СМИ, мобильных устройств и т. д.) (см. [18]). Кроссмедийность – «это подход к распространению контента по разным медиаплатформам, преимущественно цифровым» (см. [19]). Г. Хейс выделяет четыре уровня кросс-медиа: Cross-media 1.0 – Pushed (выдвигать, толкать); Cross-media 2.0 – Extras (дополнительная стоимость); Cross-media 3.0 – Bridges (мосты); Cross-media 4.0 – Experiences (опыт) [17].

Кроссмедийность предполагает работу одновременно на нескольких медиаплощадках (сайт, социальные сети, ТВ и т. д.) Вовлечение аудитории происходит за счет дифференцированного представления медиатекста как единой истории. Медиаконтент должен быть релевантен каналу его трансляции и интересен аудитории. Особое значение в этом случае приобретают процессы репостинга и рерайтинга.

Под репостом понимается «копирование какого-либо сообщения (с помощью специальных команд) с одного ресурса на другой с обязательной ссылкой на первоисточник» (см. [20]), а сам процесс копирования сообщения с указанием ссылки на первоисточник называется репостингом. Кросспостинг – намеренная публикация одной и той же информации сразу на нескольких интернет-ресурсах с целью искусственного увеличения количества ссылок на размещенное сообщение. Кросспостинг (автоматическое, полуав-

томатическое или ручное дублирование публикации с основного ресурса) является самым распространенным способом дистрибуции медиаконтента, так как не требуется больших затрат времени. При этом генерируется ссылочная масса, что положительным образом сказывается на тематическом индексе цитирования и позиции материала в поисковых выдачах.

С целью повышения востребованности распространяемого контента СМИ используется рерайт или рерайтинг, под которым понимается переписывание какого-либо исходного текста с целью получения уникального текста, идентичного по смыслу оригиналу. Данный процесс превращает текст (при сохранении смысловой нагрузки) в уникальный. Отметим, что контент с показателем уникальности ниже 85 % не выйдет в ТОП поисковой выдачи. Существует два типа рерайта: механический (бесполезный) и адаптированный (полезный). Для научных популяризаторов важен рерайт второго типа, поскольку он связан с адаптацией специализированных текстов для широкой аудитории.

Методы и результаты исследования

Достоверность данного исследования обеспечивается обширным эмпирическим материалом и системой его изучения. Использовался сравнительный метод, включающий сопоставление различных типов контента, а также метод анализа документов с элементами контент-анализа. В качестве количественных методик оценки эффективности интернет-СМИ в социальной сети «ВКонтакте», мессенджере Telegram были использованы данные аналитических сервисов Telegram Analytics и Livedune. Выбор научно-популярных СМИ осуществлялся на основе данных системы «Медialogия». В соответствии с рейтингом самых цитируемых медиаресурсов научно-популярной тематики за II квартал 2020 г.¹ лидерами являются интернет-СМИ Nplus1.ru (индекс цитирования ИЦ – 69,63) и Naked-science.ru (ИЦ – 69,54) (табл. 1), которые и были выбраны для исследования.

Хронологические рамки для контент-анализа сайтов и социальных сетей: с 1 по 31 декабря 2020 года. Массив эмпирических данных был сформирован по хронологическому признаку, включает различные типы контента, представленные на сайте, в социальной сети «ВКонтакте» и мессенджере Telegram.

Таблица 1

**ТОП-5 самых цитируемых СМИ научно-популярной тематики,
II квартал 2020 г. (01.04.2020 – 30.06.2020)**

№	СМИ	Категория	ИЦ
1.	Nplus1.ru	Интернет	69,63
2.	Naked-science.ru	Интернет	69,54
3.	«Наука в Сибири»	Газета	33,58
4.	Postnauka.ru	Интернет	30,67
5.	«Популярная механика»	Журнал	20,91

Источник: Медialogия. URL: <https://www.mlg.ru/>

¹ СМИ научно-популярной тематики – II квартал 2020 года // Медialogия. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/sectoral/7761/> (дата обращения: 14.02.2021).

Table 1

**TOP-5 most cited popular science media outlets,
II quarter of 2020 (01.04.2020 – 30.06.2020)**

No.	Media	Category	Citation index
1.	Nplus1.ru	Internet	69,63
2.	Naked-science.ru	Internet	69,54
3.	Science in Siberia	Newspaper	33,58
4.	Postnauka.ru	Internet	30,67
5.	Popular Mechanics	Magazine	20,91

Source: Medialogiya. Retrieved from: <https://www.mlg.ru/>

Выбранные научно-популярные СМИ специализируются на освещении научно-популярной тематики и имеют свидетельство о регистрации СМИ.

Nplus1.ru (N+1) – научно-популярное издание о том, что происходит в науке, технике и технологиях. Позиционирование издания: «Мы – чуть больше, чем просто наука!». Naked Science (пер. с англ. «С точки зрения науки») – российский научно-популярный электронный журнал, на страницах которого публикуются последние новости науки и техники, видеотрансляции событий и др. Кроме официального сайта, научно-популярные интернет-СМИ представлены на следующих медиаплощадках (табл. 2): социальные сети «ВКонтакте», Facebook, Twitter, Телеграм; RSS-подписка. При этом Nplus1.ru ведет официальную страницу в «Одноклассниках», размещает треки на платформе SoundCloud. Читать статьи Naked-science.ru можно используя AppStore, Google Play, а также смотреть видео на YouTube.

Таблица 2

Подписчики и пользователи Nplus1.ru и Naked Science

СМИ	Пользователи	Подписчики					
		«ВКонтакте»	Facebook	Twitter	«Одноклассники»	Telegram	YouTube
Nplus1.ru	2,3 млн	212 тыс.	83 тыс.	28,1 тыс.	203,1 тыс.	35,1 тыс.	–
Naked Science	1,5 млн	494 тыс.	50 тыс.	5,6 тыс.	–	85,5 тыс.	53 тыс.

Table 2

Nplus1.ru and Naked Science (subscribers and users)

Media	Users	Подписчики					
		Vkontakte	Facebook	Twitter	Odnoklassniki	Telegram	YouTube
Nplus1.ru	2,3 mln	212 thous.	83 thous.	28,1 thous.	203,1 thous.	35,1 thous.	–
Naked Science	1,5 mln	494 thous.	50 thous.	5,6 thous.	–	85,5 thous.	53 thous.

Анализ позволил выделить три наиболее эффективные медиаплощадки с точки зрения количества подписчиков. Дальнейшее исследование осуществлялось на базе официальных сайтов СМИ, аккаунтов сети «ВКонтакте», мессенджера Telegram. Использование официальных страниц в Facebook является некорректным, так как страница Naked Science была заблокирована и новости с 11.12.2020 г. публиковались в группе Science.

Аудиторию данных научно-популярных СМИ составляют хорошо образованные, умеющие критически думать люди. Количество пользователей в

месяц у сайта Nplus1.ru – 2,38 млн, у Naked Science – 1,5 млн. Возраст аудитории – 18–55 лет (табл. 3). Основную аудиторию составляют мужчины старше 25 лет.

Таблица 3

Аудитория порталов Nplus1.ru и Naked Science

Портал	Возраст, лет, %					Пол, %	
	18–24	25–34	35–44	45–54	55+	Муж.	Жен.
Nplus1.ru	11,24	27,43	21,79	14,56	24,96	58,3	41,7
Naked-science.ru	8,9	21,9	24,4	23,5	17,1	75,0	25,0

Table 3

Audience of the portals Nplus1.ru and Naked Science

Portal	Age, years, %					Gender, %	
	18–24	25–34	35–44	45–54	55+	Male	Female
Nplus1.ru	11,24	27,43	21,79	14,56	24,96	58,3	41,7
Naked-science.ru	8,9	21,9	24,4	23,5	17,1	75,0	25,0

Анализ показал, что количество подписчиков Naked Science в аккаунте «ВКонтакте» больше в 2 раза (табл. 4). При этом за декабрь 2020 г. количество опубликованных постов примерно одинаковое (378 и 368), реакция подписчиков на посты Nplus1.ru составляет более 25 тыс. лайков, а Naked Science более 19 тыс. лайков, коэффициент вовлеченности (англ. Engagement Rate, сокр. ER) выше у Nplus1.ru. Однако показатель вовлеченности по охвату постов (англ. Engagement Rate Reach, сокр. ERR) выше у Naked Science (0,64 %).

Таблица 4

Сравнительный анализ аккаунтов Nplus1.ru и Naked Science в соцсети «ВКонтакте»

Показатели	Nplus1.ru	Naked Science
Количество подписчиков	211 695	494 515
Опубликовано постов за период	378	368
Лайков/среднее кол-во лайков на пост	25166/66	19 978/54
Комментариев/среднее кол-во комментариев на пост	2131/5	5912/16
Репостов/среднее кол-во репостов на пост	3798/10	3334/9
Охват/среднее кол-во на пост	5 052 364/13 366	4 582 675/12 452
ER/ERR	0,04 %/0,62 %	0,02 %/0,64 %

Примечание: здесь и далее в таблицах период 1–31 декабря 2020 г.

Table 4

Comparative analysis of Nplus1.ru and Naked Science accounts in VKontakte

Indicators	Nplus1.ru	Naked Science
Number of subscribers	211 695	494 515
Posts posted for the period	378	368
Likes/average likes on the post	25166/66	19 978/54
Comments/average number of comments per post	2131/5	5912/16
Reposts/average number of reposts per post	3798/10	3334/9
Coverage/average number per post	5 052 364/13 366	4 582 675/12 452
ER/ERR	0,04 %/0,62 %	0,02 %/0,64 %

Note: here and further in the tables, the period is December 1–31, 2020.

В настоящее время мессенджер Telegram активно развивается: «в первую неделю января 2021 года Telegram превысил 500 млн активных пользователей»². Сравнительный анализ Telegram-каналов данных интернет-СМИ (табл. 5) проводился с использованием сервиса Telegram Analytics.

Сравнительный анализ Telegram-каналов Nplus1.ru и Naked Science

Таблица 5

Показатели	Nplus1.ru	Naked Science
Подписчиков на 01.12.2020	33 747	74 062
Подписчиков на 31.12.2020	34 447	82 435
Постов	188 (в том числе 4 дайджеста)	179 (в том числе 28 дайджестов)
Просмотров	1 786 450	2 298 643
Средний охват 1 поста	6100	11436
Среднее количество постов в день	9,0	6,5
Индекс цитирования	68,55	54,58
Средний ERR, %	23,0	16,0

Comparative analysis of Telegram channels Nplus1.ru and Naked Science

Table 5

Indicators	Nplus1.ru	Naked Science
Subscribers as of 01.12.2020	33 747	74 062
Subscribers as of 31.12.2020	34 447	82 435
Posts	188 (including 4 digests)	179 (including 28 digests)
Views	1 786 450	2 298 643
Average reach of 1 post	6100	11436
Average number of posts per day	9,0	6,5
Citation index	68,55	54,58
Average ERR, %	23,0	16,0

В Telegram-каналах новости публикуются ежедневно. Nplus1.ru новости публикует шесть раз в установленное время. В воскресенье публикуется дайджест с обзором материалов за неделю (8–9 новостей). На Telegram-канале Naked Science выходит 5–9 постов в день, и ежедневно дайджест новостей (9–10 публикаций).

В целом необходимо отметить, что исследуемые интернет-СМИ ведут активное продвижение медиаконтента в Telegram. Naked Science имеет большее количество подписчиков, больший охват и уровень вовлеченности аудитории.

С целью сравнения контента авторы изучили распределение опубликованных материалов по рубрикам (табл. 6, 7), а также провели сравнение с опубликованными постами в социальной сети «ВКонтакте» и Telegram.

В рамках установленного периода на сайтах было опубликовано примерно равное количество новостей (Nplus1.ru – 360 публикаций, Naked Science – 326 публикаций).

² Telegram: контакт@durov. URL: <https://t.me/durov/147> (дата обращения: 14.02.2021).

Таблица 6

Сравнительный анализ контента Nplus1.ru на сайте, в аккаунте во «ВКонтакте» и в Telegram-канале

Рубрика	Кол-во новостей		Кол-во постов	
	Сайт	«ВКонтакте»	Telegram-канал	
Зоология	47	47	30	
Оружие	33	33	2	
Астрономия	28	28	18	
Космонавтика	27	27	18	
Медицина	27	27	10	
Роботы и дроны, гаджеты	25	25	10	
Физика	24	24	9	
Биология	24	24	15	
Коронавирусные хроники	17	17	12	
Психология	13	13	5	
Экология и климат	13	13	10	
Книжная полка	12	12	2	
Транспорт	11	11	5	
Авиация	12	12	–	
Давайте разберемся	3	1	–	
Тесты	3	3	3	
Блоги	1	1	2	
Статьи	20	11	11	
Дайджесты/кол-во новостей	–	1/5	4/23	
Реклама (таргет)	–	15	11	
Партнерский пост	–	18	11	
Продвижение своих подкастов, журналов и др.	–	30	–	
ИТОГО	360	395	188	

Таблица 6

Comparative analysis of Nplus1.ru content on the site, in VKontakte account and Telegram-channel

Heading	Number of news		Number of posts	
	Website	VKontakte	Telegram-channel	
Zoology	47	47	30	
Weapon	33	33	2	
Astronomy	28	28	18	
Cosmonautics	27	27	18	
Medicine	27	27	10	
Robots and drones, gadgets	25	25	10	
Physics	24	24	9	
Biology	24	24	15	
Coronavirus chronicles	17	17	12	
Psychology	13	13	5	
Ecology and climate	13	13	10	
Bookshelf	12	12	2	
Transport	11	11	5	
Aviation	12	12	–	
Let's figure it out	3	1	–	
Tests	3	3	3	
Blogs	1	1	2	
Articles	20	11	11	
Digests/number of news	–	1/5	4/23	
Advertising (target)	–	15	11	
Affiliate post	–	18	11	
Promotion of your podcasts, magazines, etc.	–	30	–	
TOTAL	360	395	188	

Анализ показал тематическое пересечение в шести наиболее популярных рубриках: 1) на сайте Nplus1.ru – «Зоология», «Оружие», «Астрономия», «Космонавтика», «Медицина», «Роботы, дроны, гаджеты»; 2) на сайте Naked Science – «Биология», «Оружие и техника», «Медицина», «Космонавтика», «Астрономия», «Hi-Tech». Кроме публикации материалов основных тематических рубрик, интернет-СМИ в «ВКонтакте» и Telegram-канале продвигают собственные ресурсы, рекламные материалы, публикуют дайджесты новостей.

При этом тематические рубрики можно условно разделить на блоки в зависимости от информационных потребностей аудитории: познание мира (биология, космонавтика, физика, химия); практическое применение (медицина, темы COVID-2019); безопасность (оружие и техника); саморазвитие (психология); социально значимый контент (экология, медиа); технологический (IT-технологии, роботы, дроны); фактологический (история); развлекательный (Sci-Fi).

Изучаемые интернет-СМИ все публикуемые на сайте материалы одновременно репостят в сети «ВКонтакте» и выборочно в Telegram-канале. В соответствии с концепцией четырех уровней кросс-медиа Г. Хейса [17] СМИ используют уровень Bridges (мосты), где медиаконтент, размещенный на одной платформе, является своеобразным «мостиком», побуждающим потребителя перейти на другую медиаплатформу.

Таблица 7

Сравнительный анализ контента Naked Science на официальном сайте, в аккаунте во «ВКонтакте» и в Telegram-канале

Рубрика	Кол-во новостей		Кол-во постов	
	Сайт	ВКонтакте	Telegram-канал	
Биология	45	44	18	
Медицина	44	44	20	
Оружие и техника	44	45	12	
Космонавтика	34	34	15	
Астрономия	23	23	14	
Hi-Tech	16	15	8	
Психология	15	15	10	
Прочие науки	15	15	9	
Медиа	12	12	7	
Физика	7	7	4	
История	6	6	2	
Концепты	6	5	3	
Sci-Fi	5	4	1	
Палеонтология	5	4	2	
С точки зрения науки	5	5	3	
Видео	4	4	3	
Геология	2	2	-	
Химия	1	1	-	
Live	6	18	3	
Антропология	2	2	1	
Партнерский пост	29	29	9	
Дайджест новостей/ кол-во новостей	-	28/267	28/267	
Реклама	-	13	1	
Продвижение своих подкастов, журналов	-	6	6	
ИТОГО	326	381	179	

Table 7

**Comparative analysis of Naked Science content on the official website,
in VKontakte account and Telegram channel**

Heading	Number of news		Number of posts	
	Website	VKontakte	Telegram-channel	
Biology	45	44		18
Medicine	44	44		20
Weapons and equipment	44	45		12
Cosmonautics	34	34		15
Astronomy	23	23		14
Hi-Tech	16	15		8
Psychology	15	15		10
Other sciences	15	15		9
Media	12	12		7
Physcs	7	7		4
History	6	6		2
Concepts	6	5		3
Sci-Fi	5	4		1
Paleontology	5	4		2
From the point of view of science	5	5		3
Video	4	4		3
Geology	2	2		-
Chemistry	1	1		-
Live	6	18		3
Antropology	2	2		1
Affiliate post	29	29		9
News digest/number of news	–	28/267		28/267
Advertising	–	13		1
Promotion of podcasts, magazines	–	6		6
TOTAL	326	381		179

В свою очередь, анализ медиатекстов показал, что они проходят процесс рерайтинга и их структура на сайте (табл. 8) и в социальных медиа различается: на сайте – расширенная структура, в соцмедиа – краткий вариант.

Общие элементы медиатекста: рубрика, дата и время публикации, заголовки, иллюстрация, текст новости, ссылки на источники, сведения об авторе, пиктограммы соцсетей. Специфические элементы: 1) Nplus1.ru – 3 материала в рубрике «Читайте также»; 2) Naked Science – сделать закладку новости, блоки «Предыдущая статья», «Следующая статья». Структура медиатекстов аккаунтов «ВКонтакте» (аватар страницы, название ресурса, дата и время публикации, один абзац из основного текста новости, ссылка на новость на сайте, иллюстрация, количество лайков, просмотров, комментариев, репостов, дайджесты новостей со ссылками) и Telegram-каналах (иллюстрация, один абзац из основного текста новости, ссылка на новость на сайте, количество просмотров, время публикации, дайджесты новостей со ссылками) практически совпадает, при этом в Telegram-канале Nplus1.ru присутствует обратная связь с аудиторией.

Необходимо отметить высокую востребованность медиаконтента у аудитории. Например, по данным аналитического сервиса livedune.ru ТОП-3 новости (показатель количество просмотров) Nplus1.ru в «ВКонтакте» стали: «Марсианские пещеры предложили исследовать стаей робособак» (19.12.2020,

раздел «Роботы и дроны», 36550 просмотров, 301 лайк); «Самый страшный человек» (01.12.2020, раздел «Коронавирус», 32686 просмотров, 137 лайков); «Гаражный «Пфайзер»» (18.12.2020, раздел «Коронавирус», 28924 просмотра, 135 лайков).

Таблица 8

Сравнительный анализ структуры медиатекстов на сайтах Nplus1.ru и Naked Science

Nplus1.ru	Naked Science
Рубрика.	Рубрика.
Дата и время публикации.	Дата и время публикации.
Коэффициент сложности материала.	Количество минут прочтения.
Заголовок новости.	Сведения об авторе статьи.
Иллюстрация.	Количество комментариев.
Текст новости.	Количество просмотров.
Активные ссылки на источники.	Заголовок новости.
Сведения об авторе.	Лид-абзац.
Пиктограммы социальных сетей.	Активные хэштеги.
Три материала под рубрикой «читайте также»	Иллюстрация.
	Текст новости.
	Сделать закладку на новость.
	Пиктограммы соцсетей.
	Повтор блока с рубрикой и хэштегами

Table 8

Comparative analysis of the structure of media texts on websites Nplus1 .ru and Naked Science

Nplus1.ru	Naked Science
Heading.	Heading.
Date and time of publication.	Date and time of publication.
Material complexity factor.	Number of minutes of reading.
News headline.	Information about the author of the article.
Illustration.	Number of comments.
News text.	Number of views.
Active links to sources.	News headline.
Information about the author.	Lead paragraph.
Social media icons.	Active hashtags.
3 articles under the heading "Read also"	Illustration.
	News text.
	Bookmark news.
	Social media icons

В свою очередь, у Naked Science в аккаунте «ВКонтакте» лидерами стали: «О награждении сайта Naked Science Литературной премией им. А. Беляева» (24.12.2020, 61066 просмотров, 1185 лайков); пост о возможности скачивания свежего номера журнала (05.12.2020, 27964 просмотров, 72 лайка); дайджест новостей за неделю (20.12.2020, 26054 просмотра, 75 лайков).

Анализ показал, что пользователи Nplus1.ru заинтересовались новостями из рубрик «Космонавтика» и «Коронавирус», а подписчики Naked Science отметили новости по продвижению данного интернет-СМИ.

Следовательно, использование процессов репостинга и рерайтинга в социальных сетях и мессенджерах повышает охват аудитории и вовлечения аудитории в обсуждение медиаконтента.

Заключение

В настоящее время существует объективная потребность в масштабном изучении научно-популярной журналистики как направления, активно осваивающего различные каналы дистрибуции медиаконтента. При этом особое внимание необходимо уделить вопросам ререйтинга научно-популярного медиаконтента региональных интернет-СМИ в условиях кросс-медиа. Перспективным направлением исследования является изучение кросс-медийности в контексте оценки эффективности научно-популярной журналистики. Исходя из результатов исследования, можно сделать вывод, что научно-популярная журналистика в интернете активно развивается в условиях кросс-медиа. Увеличение охвата и поддержание интереса аудитории к научно-популярным интернет-СМИ осуществляется не только за счет актуальной тематики, но и вследствие кроссмедийного использования медиаканалов, репостинга и ререйтинга. Использование трансляции медиаконтента через медиаканалы сделало дистрибуцию и производство единой системой. Это помогает в настройке целевого и таргетированного трафика, обеспечивает обратную связь и позволяет эффективно взаимодействовать одновременно с различными целевыми аудиториями. При этом в условиях кросс-медиа осуществляется трансформация медиатекста, позволяющая представлять его в расширенном и сокращенном формате.

Список литературы

- [1] *Тертычный А.А.* Быть ли научно-популярной журналистике? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2013. № 2. С. 212–217.
- [2] *Баканов Р.П.* Становление распространения научного знания в России XVIII–XX веков // Информационное поле современной России: практики и эффекты / под ред. Р.П. Баканова. Казань: Казан. ун-т, 2014. С. 22–40.
- [3] *Парафонова В.И.* Научно-популярные журналы в дореволюционный период // Медиаскоп. 2017. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/node/897> (дата обращения: 13. 02. 2021).
- [4] *Суворова С.П.* Предметно-функциональные особенности современных российских научно-популярных журналов // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2013. № 7. С. 128–134.
- [5] *Дивеева Н.В.* Научная популяризация как одна из актуальных задач журналистики в условиях высоких технологий и рыночной экономики // Акценты. Новое в массовой коммуникации. 2012. № 7–8 (110–111). С. 13–16.
- [6] *Хорольский В.В.* Научно-популярная публицистика в информационном обществе: неизбежность бума // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 3–4. С. 13–24.
- [7] *Волкова И.И., Гужвий Д.А.* Интегративный подход к измерению эффективности контента в новых медиа: постановка проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 3. С. 532–543.
- [8] *Макарова Е.Е.* Научно-популярные сайты в Интернете // Современная журналистика: опыт и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции. М.: ИГУМО и ИТ, 2012. С. 90–97.

- [9] *Пушкарев А.А.* Научно-популярная журналистика в Интернете как инструмент развития научно-технического прогресса Российской Федерации // *Идеи и новации*. 2016. № 3(6). С. 91–97.
- [10] *Сынбулатова А.Р.* Специфика научно-популярной журналистики о природе на мультимедийных ресурсах Рунета // *Медиасреда*. 2015. № 10. С. 63–70.
- [11] *Суворова С.П.* Журналистика научная и научно-популярная: особенности предметной области, функций, задач // *Вестник Московского университета. Серия: Журналистика*. 2009. № 6. С. 14–23.
- [12] *Поповец Л.А.* Научно-популярная журналистика: развлечение или просвещение // *Век информации*. 2018. Т. 1. № 2. С. 124–125.
- [13] *Женченко М.* Эволюция терминов «мультимедиа», «кросс-медиа», «трансмедиа» в развитии цифрового сторителлинга // *Studia medioznawcze*. 2016. No. 4. Pp. 113–119.
- [14] *Любановская Ю.О.* Кросс-медийность в аспекте конфликта региональных медиантересов // *Век информации*. 2018. № 2–2. С. 264–265.
- [15] *Зайцев М.Л.* Явления трансмедийности в массовом информационном процессе // *Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика*. 2020. № 1. С. 16–20.
- [16] *Davidson D.* *Cross-Media communications: An introduction to the art of creating integrated media experiences*. Pittsburgh: ETC Press, 2010. 294 p.
- [17] *Hayes G.* *Cross-media* // *Personalizemedia: weblog by Gary Hayes*. URL: <http://www.personalizemedia.com/articles/cross-media/> (дата обращения: 11.03.2021).
- [18] *Мультимедийная журналистика / под общ. ред. А.Г. Качкаевой, С.А. Шомовой*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.
- [19] *Пащенко Н.А.* Кроссмедийность в трэвел-журналистике (на примере программы ТК ВЕТТА «Доступный Урал») // *Студент и наука (гуманитарный цикл)*. 2019. Магнитогорск: Изд-во МГТУ, 2019. С. 673–679.
- [20] *Калинина Л.В.* Вербальная конкуренция в пространстве Интернета: реклама, ре-райт, репост // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2014. № 3. С. 80–88.

References

- [1] Tertychnyj, A.A. (2013). Should there be popular science journalism? *Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism*, (2), 212–217. (In Russ.)
- [2] Bakanov, R.P. (2014). Formation of the dissemination of scientific knowledge in Russia in the 18th–20th centuries. *Information Field of Modern Russia: Practices and Effects* (pp. 22–40). Kazan, KU Publ. (In Russ.)
- [3] Parafonova, V.I. (2017). Popular science magazines in the pre-revolutionary period. *Mediascope* (issue 3). (In Russ.) Retrieved February 12, 2021, from <http://www.mediascope.ru/node/897>
- [4] Suvorova, S.P. (2013). Scientific educational topics in modern press. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, (7), 128–134. (In Russ.)
- [5] Diveeva, N.V. (2012). Scientific popularization as one of the urgent tasks of journalism in the context of high technologies and market economy. *Accents. New in Mass Communication*, 7–8(110–111), 13–16. (In Russ.)
- [6] Horolskij, V.V. (2011). Popular science journalism in the information society: The inevitability of a boom. *Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism*, (3–4), 13–24. (In Russ.)
- [7] Volkova, I.I., & Guzhvij, D.A. (2017). Integrated approach to the measurement of content efficiency in new media: The setting of the problem. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 22(3), 532–543. (In Russ.)
- [8] Makarova, E.E. (2012). Popular science sites on the Internet. *Modern Journalism: Experience and Development Prospects: Materials of the International Scientific and Practical Conference* (pp. 90–97). Moscow, IGUMO & IT Publ. (In Russ.)

- [9] Pushkarev, A.A. (2016). Popular science journalism on the Internet as a tool for the development of scientific and technological progress in the Russian Federation. *Ideas and Innovations*, 6(3), 91–97. (In Russ.)
- [10] Synbulatova, A.R. (2015). Specificity of popular science journalism about nature on the multimedia resources of the Runet. *Mediasreda*, (10), 63–70. (In Russ.)
- [11] Suvorova, S.P. (2009). Scientific and popular science journalism: Features of the subject area, functions, tasks. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, (6), 14–23. (In Russ.)
- [12] Popovec, L.A. (2018). Popular science journalism: Entertainment or education? *The Age of Information*, 1(2), 124–125. (In Russ.)
- [13] Zhenchenko, M. (2016). Evolution of the terms “multimedia”, “cross-media”, “trans-media” in the development of digital storytelling. *Media Studies*, (4), 113–119. (In Russ.)
- [14] Ljubanovskaja, J.O. (2018). Cross-media coverage in the aspect of the conflict of regional media interests. *The Age of Information*, (2–2), 264–265. (In Russ.)
- [15] Zajcev, M.L. (2020). Phenomena of transmedia in the mass information process. *Journal of the Belarusian State University. Journalism and Pedagogics*, (1), 16–20. (In Russ.)
- [16] Davidson, D. (2010). *Cross-media communications: An introduction to the art of creating integrated media experiences*. Carnegie Mellon University Pittsburgh: ETC Press.
- [17] Hayes, G. (2006). *Cross-media in Personalizemedia: Weblog by Gary Hayes*. Retrieved March 11, 2021, from <http://www.personalizemedia.com/articles/cross-media/>
- [18] Kachkaeva, A.G., & Shomova, S.A. (Eds.) (2017). *Multimedia journalism*. Moscow, HSE Publishing House. (In Russ.)
- [19] Pashhenko, N.A. (2019). Crossmedia in travel journalism (on the example of the program TC VETTA “Accessible Ural”). *Student and Science (Humanities Cycle)* (pp. 673–679). Magnitogorsk, MGTU Publ. (In Russ.)
- [20] Kalinina, L.V. (2014). Verbal competition in the Internet space: Advertising, rewriting, repost. *Herald of Vyatka State University*, (3), 80–88. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Лободенко Лидия Камилловна, доктор филологических наук, директор, Институт медиа и социально-гуманитарных наук, профессор, кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет).

Давлетишина Елена Васильевна, начальник, управление медиакоммуникаций и мониторинга, доцент, кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет).

Bio notes:

Lidiya K. Lobodenko, Doctor of Philology, Head of the Institute of Media, Social Sciences and Humanities, Professor, Department of Journalism, Advertising, and Public Relations, South Ural State University (National Research University).

Elena V. Davletshina, Head of the Media Relations and Monitoring Department, Associate Professor, Department of Journalism, Advertising, and Public Relations, South Ural State University (National Research University).

АКСИОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

AXIOLOGY OF MEDIA

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2-276-285

УДК 070.11

Научная статья / Research article

**Цифровые компетенции
и технологии новой искренности в эпоху Web 4.0**А.Н. Фортунатов , Н.Г. Воскресенская *Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского,**Российская Федерация, 603022, Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, д. 23* anfort1@yandex.ru

Аннотация. Исследуется проблема социальной агрессии молодых людей, погруженных в цифровую коммуникацию. Этическая сфера в цифровой коммуникации находится в удручающем состоянии, в связи с чем ставится задача выяснить глубинные причины социального антагонизма и конфликтности. Одной из важнейших причин социальной деструкции является отсутствие четких пространственно-временных координат для виртуального субъекта, что приводит к эксплуатации самими технологиями пассивной личности. Человек превращается в материал для алгоритмов, и его психофизика становится продолжением обезличенной технологии. Такая ситуация характеризует формирование эпохи Web 4.0, которую можно назвать «контркоммуникацией». Интерактивность уходит в прошлое. Ей на место приходят технологии «новой искренности». Эпатажность, дестабулизация, эксплуатация эротики – это формы коммуникативного использования виртуального субъекта, находящегося в современном коммуникативном пространстве в состоянии неослабевающего напряжения, которое лишь меняет свой модус в связи со все новыми поводами для экзальтации. Подтверждением того, что виртуальная этика все дальше уходит от «традиционных» этических принципов, стало исследование психики молодых людей, полностью погруженных в виртуальный мир. Их социальные навыки, а также социальная защищенность оказались самыми низкими из различных групп молодежи. Коммуникация для них в итоге превращается в настойчивый поиск развлечений, стремление к гедонистически-комфортной среде, отрицание социально значимых тем и проблем.

Ключевые слова: цифровой субъект, технологии Web 4.0, контркоммуникация, гедонизм, цифровые компетенции, цифровая этика

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31208 «Формирование цифровых компетенций молодежи для повышения конкурентоспособности в условиях цифровизации публичного пространства».

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 12 января 2021 г.; принята к публикации 10 марта 2021 г.

Для цитирования: Фортунатов А.Н., Воскресенская Н.Г. Цифровые компетенции и технологии новой искренности в эпоху Web 4.0 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 276–285. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-276-285>

Digital Competencies and Technologies of New Sincerity in the Web 4.0 Era

Anton N. Fortunatov^{id}✉, Natalia G. Voskresenskaya^{id}

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Prospekt Gagarina, Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation*

✉ anfort1@yandex.ru

Abstract. The problem of social aggression of young people that are immersed in digital communication has become the subject of this study. The authors did not confine to the state of the depressing condition of the ethical sphere in digital communication. They wanted to find out the underlying causes of the social antagonism and the conflict. One of the most important reasons for social destruction is the lack of clear space-time coordinates for a virtual subject. It leads to the use of the passive personality by the technologies themselves. A man turns into material for algorithms, and his psychophysics becomes a continuation of impersonal technology. This situation characterizes the formation of a new era of Web 4.0, which the authors call “counter communication”. Interactivity is a thing of the past. Technologies of “new sincerity” come to its place. Outrageousness, detabooing, use of eroticism are forms of communicative use of a virtual subject who, in the modern communicative space, is in a state of unrelenting tension, which only changes its mode in connection with all new reasons for exaltation. The study of the psyche of young people completely immersed in the virtual world has become a confirmation that virtual ethics is moving further and further from the “traditional” ethical principles. Their social skills, as well as social protection, were the lowest among the various groups of young people. Communication for them ultimately turns into a persistent search for entertainment, into a striving for a hedonistically comfortable environment, into denial of socially significant topics and problems.

Keywords: digital subject, Web 4.0 technologies, counter-communication, hedonism, digital competencies, digital ethics

Acknowledgements and Funding. The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the EISS within the framework of the scientific project No. 20-011-31208 “Formation of digital competencies of youth to increase competitiveness in the context of digitalization of public space”.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 12, 2021; revised February 11, 2021; accepted March 10, 2021.

For citation: Fortunatov, A.N., & Voskresenskaya, N.G. (2021). Digital competencies and technologies of new sincerity in the Web 4.0 era. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(2), 276–285. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-276-285>

Введение

Взаимодействию человека с виртуальной реальностью посвящено громадное количество исследований. Сегодня все больше работ появляется на тему поглощения человека компьютерными технологиями, формирования зависимостей, социальных девиаций. Характерным примером в этом контексте является работа Т.В. Ивановой «Интернет-зависимость как проблема современного общества» [1], где проблемы аддикции фактически сводятся к констатации социально-психологических противоречий современной личности, столь ярко проявляющихся на фоне интернет-коммуникации. Чаще всего современные исследования лишь умножают перечисление социальных девиаций, и общий тренд этих работ состоит в том, что молодежь, с ее неокрепшей психикой, являет собой наиболее социально неустойчивый пласт, подвергающийся серьезным опасностям в насыщенной цифровыми технологиями среде, которая упрощает удовлетворение гедонистических потребностей. Так, например, много статей посвящено чрезмерной погруженности молодых людей в геймерскую реальность и виртуальные сообщества [2; 3].

Другой пласт работ связан с анализом влияния новых медиа на сознание современного человека, прежде всего, подростка, а также на его мировосприятие, структуру личности. Немецкий исследователь Манфред Шпитцер называет поколение, родившееся после 1993 года, «поколением Google» [4. С. 152–153] и характеризует некоторые его черты, при этом ссылаясь на обзор литературы, скрупулезно сделанный в Британской библиотеке Лондона. Вместе с британскими коллегами автор выражает мнение, что поколение Google – это «поколение скопировать и вставить», а игровая виртуальная среда особенно сильно влияет на мальчиков, что дает основание говорить о «потерянном поколении молодых мужчин» [4. С. 135]. Здесь же речь идет и о так называемой «цифровой деменции», уже ставшей сегодня устойчивой, константной формулой, определяющей интеллектуальный потенциал погруженной в Интернет молодой аудитории. Инвективность такой постановки вопроса приводит в конце концов к появлению широкого спектра исследований по «цифровому слабоумию», инфантилизму [5; 6].

Наконец, важным объектом научного интереса становятся вопросы этики и аксиологии цифрового информационного обмена, которые, с нашей точки зрения, являются существенным шагом вперед в осмыслении гуманистических перспектив современной коммуникации. Назовем в качестве примера работу Е.А. Гавриловой «Проблемы компьютерной этики и этики киберпространства» [6], в которой «особое внимание уделяется понятию этической ответственности при использовании интернет-коммуникаций, а также сделан вывод о применении золотого правила нравственности в киберпространстве» [7. С. 143].

Однако и в нынешних условиях возникает проблема «включенного наблюдателя», оценивающего киберпространство с позиций реалиста, нахо-

дящегося «по ту сторону» виртуальной реальности, исследующего лишь ее внешние проявления.

Грант РФФИ по цифровым компетенциям позволил нам наметить первые шаги в анализе цифровой реальности как бы изнутри, находясь на позиции активного пользователя, не испытывающего неудобства от своей противопоставленности или недостаточной сопряженности с социальной реальностью. Мы предложим несколько идей, связанных с разъяснением глубинных причин этой противопоставленности, что, на наш взгляд, может послужить научно обоснованной платформой для формирования социально приемлемых, не обвинительных (как в приведенных выше примерах), а именно консенсусных стратегий взаимодействия социальной и виртуальной реальностей.

Поставка проблемы и обсуждение результатов исследования

Одна из существенных величин в виртуальной коммуникации – это специфическая темпоральность информационного взаимодействия. Инертность социальной этики является важнейшим элементом общественной стабильности, коррелирующей с инертностью психофизиологии индивида (человеческое зрение инертно, инертны память, чувства, социальные ориентиры, позволяющие себя идентифицировать в определенной системе координат, при этом живость и пластичность восприятия индивидом информационных импульсов выглядит как своеобразное стремление к пределу, к освоению информационного фронта – недоступной по своему онтологическому происхождению, балансирующей между новизной и очевидностью информацией). Возможно, именно по этой причине Бодрийяр сетовал на «имплозивность» масс – доведенную до абсурда инертность, всепоглощающую индифферентность в отношении информации [8. С. 67].

Но виртуальная темпоральность строится по иным принципам, главным из которых является отсутствие значимости пространственно-временных координат и ограничений, а стало быть, несущественность инерционных пауз между воспринимающим сознанием и информационными вспышками. Виртуальный герой формируется в самом процессе информационного обмена, и любой разрыв превращается в серьезный изъян в его образе, ведь переключение сознания аудитории, вовлеченной в это действие, на другие стимулы-раздражители происходит в считанные секунды. В результате «держание» такого образа может осуществляться только за счет неослабевающего внимания, никогда не прерывающегося на паузы и промежутки, а следовательно, не требующего усилий по осмыслению и рефлексии (связыванию воедино дискретных частей). Важно и то, что нагнетание моно-состояний приводит к деформации мировосприятия, формированию маниакальных психологических доминант, заменяющих собой целостную картину мира. По сути, смена психологического модуса в виртуальной реальности для погруженного в нее физического субъекта – это скачки между доведенными до предела экзальтациями. Интернет-зависимость и наркотизация сознания имеют свои корни именно в такой психофизиологии.

Еще одним важным свойством континуальности, недискретности виртуального времени является беспроблемность внутреннего содержания инфор-

мационного потока. Проблема, парадокс, апория рождаются на разрыве, на противостоянии онтологических вершин – их взаимоподчиненная удаленность друг от друга есть залог их противопоставленности. В данной же ситуации противопоставлять нечего: алгоритмизированное самоутверждение реализуется в своей непрерывности, и, например, «присутствие» в любой социальной сети должно обеспечиваться постоянными публикациями и репостами по мельчайшим поводам. Беспроблемность, в свою очередь, рождает гедонизм как имплицитную этическую установку, а также геймификацию как инструмент искусственной драматизации контента (уничтожать нарисованных героев менее «хлопотно», чем воевать с реальными людьми, поэтому попытки «выхода в реальность» геймеров с оружием в руках приводит к ужасным последствиям – ведь они ожидают от социальной реальности той же беспроблемности, покорности, самоустранимости). В этом же контексте находится и отношение к собственному телу как к моделируемой сущности, лишь мешающей, или отвлекающей от виртуальной идентификации.

Эти и другие выводы были нами получены в рамках рефлексии по результатам исследования (в рамках гранта РФФИ) готовности молодых людей из Нижнего Новгорода к самореализации в условиях цифровой экономики, которое было проведено осенью 2020 года. Наиболее уязвимой с точки зрения формирования цифровых компетенций оказалась та часть молодежи, которая проводит в социальных сетях все свободное время, концентрируясь при этом на межличностное общение и развлечения. Сопоставление полученных в процессе опроса данных по таким подмножествам, как время проведенное в социальных сетях, возраст респондентов и уровень сформированности их цифровых компетенций, показал на уровне статистической значимости ($p < 0.05$ по критерию χ^2), что такое полное погружение в виртуальную реальность негативно сказывается на формировании в процессе взросления элементарных, с точки зрения социальных норм, навыков работы с офисными программами и использования электронных таблиц для систематизации и анализа цифровой информации. Один из парадоксов состоит в том, что подростки, проводившие в социальных сетях все свободное время, реже используют цифровые технологии для удаленной работы на дому, имеют ограниченные представления о работе электронных порталов госуслуг, реже стремятся получить дополнительное образование с помощью дистанционных форм.

Интернет-коммуникации занимают значительное место в современном мире, а в условиях пандемии и самоизоляции интернет-сообщества обретают все более ощутимый вес и авторитет. Из 807 респондентов (ученики старших классов и студенты вузов) 80 % назвали социальные сети в числе наиболее востребованных информационных ресурсов. При этом та часть молодежи, которая проводит в сети ограниченное время, отличается гораздо большим разнообразием в интересах при выборе тем обсуждения, чем те, которые проводят в социальных сетях все свободное время. Первых интересуют также социальные, культурные, экономические, политические проблемы, хотя, конечно, утверждается и значимость интернет-общения, и важность сайтов с развлекательным контентом. Индекс интереса к подобным

«серьезным» темам, рассчитанный как средний показатель числа привлекательных для обсуждения вопросов в социальных сетях, у данной группы, значительно выше чем у молодежи, проводящей в социальных сетях все свободное время ($p < 0,001$ по U -критерию Манна – Уитни, см. таблицу). Для тех же, кто полностью погружен в виртуальную реальность, «обратная социальность», создаваемая цифровым миром в реальной действительности, не имеет большого значения. Равно как не интересны и ее медийные или традиционно-публицистические стороны: осведомленность о социально-политической обстановке исчерпывается скудным набором пересказов сюжетов, почерпнутых у «внутрисетевых авторитетов».

Искренность нищезанятости наполнения личностными, уникальными смыслами «полого сосуда» (человеческого Я) сменяется рефлекторностью продвинутого геймера популярной игры World of Warcraft, «успевающего» на своей приставке победить армию бесчисленных монстров. Спонтанность приходит на место осмысленности. Такая смена этических ориентиров обладает еще и весьма прочной экономической базой: «монетизация» виртуальной субъектности сегодня, коррелируя с «калькулятивной» экономикой [9], выступает вполне зримым ориентиром для человеческих устремлений (например, согласно Forbs, киберспортсмен может зарабатывать более 600 тыс. долл. в год [10]).

В этой связи «традиционная» социальность постоянно опаздывает по отношению к виртуальным вызовам, пытаясь навязать ускользающему от нее сетевому сообществу собственное отношение к выплескам в обыденный мир виртуальных катаклизмов (что, заметим, вызывает лишь нарастающее отторжение и негативную реакцию со стороны виртуалов).

«Официальные данные», характеризующие присутствие личности в социальном мире (фотографии, биография и т. п.) служат опорой, вернее, отправной точкой для индивида, погружающегося в мир виртуального взаимодействия. Согласно нашему исследованию, те, кто в большей степени оказывается инкорпорирован в социальные сети, склонны легче и активнее делиться с другими, часто чужими людьми своей фамилией и фотографиями, рассказывать о своих увлечениях, интересах, привычках: индекс открытости поведения в сети у данной группы выше, чем у остальной исследуемой выборки ($p < 0,001$, таблица). Время пребывания в сети и готовность делиться личной информацией с интернет-знакомыми увеличивают риски различных манипуляций, несущих угрозы для личности. Индекс опасности в сети, рассчитанный из усредненных оценок частоты столкновения с негативными проявлениями виртуальной реальности (фейки, размещение личной информации в сети без согласия респондента, буллинг, использование информации злоумышленниками, мошенничество и кража денег в интернете, взлом аккаунта, электронной почты, кража персональных данных и т. п.) у той части молодежи, что тратит все свободное время в социальных сетях, выше, чем у остальных опрошенных ($p < 0,001$, таблица). Несмотря на то, что интернет-зависимая часть молодой аудитории чаще остальных сталкивается с опасностями в сети, индекс знания антивирусных программ ($p < 0,05$, таблица) уступает по величине тем респондентам, которые тратят на это

времяпровождение несколько часов в день; отмечается также меньшая приверженность к лицензионным продуктам ($p < 0,05$). Последнее во многом связано с высоким уровнем цен на компьютерные программы и широко распространенным интернет-пиратством, которое (как показали фокусированные интервью, проводившиеся для уточнения некоторых аспектов опроса) частью молодежи поддерживается и находит моральное оправдание при растущей потребности в разном интернет-контенте (чаще всего под «разным» в групповых беседах подразумевались игры и кинофильмы), а также символической авторитетности авторов виртуальных хищений в интернет-среде. Такие ответы демонстрируют низкий уровень осознания проблем, связанных с интеллектуальным правом собственности, и ярко выраженное желание к удовлетворению собственных желаний за чужой счет. В результате возрастает ценностное отчуждение между виртуалами и социумом.

Таблица

**Особенности поведения в социальных сетях молодежи
в зависимости от времени нахождения в социальных сетях**

Индексы	Время нахождения в социальных сетях				U-критерий Манна – Уитни
	До нескольких часов в день		Все свободное время		
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение	
Индекс интереса к темам обсуждения в сети	3,02	0,816	3,20	1,013	0,001**
Индекс открытости поведения в сети	2,96	1,636	3,17	1,655	0,000***
Индекс опасностей социальных сетей	1,646	0,941	1,801	0,887	0,000***
Индекс осведомленности об антивирусных программах	1,358	0,904	1,273	0,907	0,011*
Индекс использования лицензионных программ	1,393	0,997	1,210	0,813	0,019*

Примечание: статистически значимые различия: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Эта ситуация нарочитой открытости характеризует новое состояние информационного взаимодействия, которое можно назвать пространством Web.4.0. Ведь, в отличие от интерактивного Web 2.0 и эго-медийного Web 3.0, нынешний уровень виртуальной коммуникации характеризует потребление интеллектуализованными технологиями самой личности, использование ее в качестве «рабочего материала» для непрекращающихся интеракций, стремительно теряющих свою логичность и оправданность с точки зрения социального, «традиционного» мира (не случайно данную технологию связывают с «интернетом вещей», коренная безликость которого в данном контексте особенно бросается в глаза). Другими словами, центр смысловой «тяжести» сегодня переместился из личности или межсубъектного пространства в область коммуникативных технологий, эмансипировавшихся от прежнего субъекта коммуникаций и начавших вырабатывать собственную механистическую этику. Вектор движения вполне очевиден: Web 1.0 («медийность») – Web 2.0 («интермедийность») – Web 3.0 («эгомедийность») – Web 4.0 («контрмедийность»). Робот-журналистика начинает обретать здесь

новые коннотации (законодателя этических стандартов, эстетизированной безликости и т. п.).

Обратный вектор информационного социального взаимодействия («объект-субъектные отношения») подразумевает тотальную трансформацию знаковых систем, их новое наполнение смыслами, которые не ведомы рефлектирующим по их поводу социальным субъектам. «Беззастенчивому» пересмотру подвергается буквально вся структура коммуникации – от языка (эмодзи вместо словесных оборотов, нарочитое отсутствие знаков препинания, уничтожение грамматики и т. п.) до фундаментальных принципов доверия и сочувствия (пранкеры как социальные провокаторы, хакеры как виртуальные робин гуды, боты, как иллюзия сочувствующей массы и т. д.). Причем, если со стороны социализированного наблюдателя нарушения языковых правил трактуются как эпатаж или хотя бы как проявление нарочитой безграмотности и бесстыдства, то для цифрового пользователя они не являются предметом для рефлексии. Нарочитая холодность и безжалостность виртуальных «героев» по отношению к социальной реальности камуфлируется или компенсируется особыми свойствами формальных презентаций, ориентированных прежде всего на психоэмоциональные структуры индивида, находящегося одновременно в двух мирах.

Неверифицируемость, ненастоящность, поддельность реального мира, дискредитированного порожденными им же технологиями, является конвенционально допустимым этическим базисом, с помощью которого коммуникативные институты строят свою атаку на личность. Очевидными становятся два императива, направленных в сторону социальной реальности, – это деконгнитивация и сенсбилизация. В первом случае дискредитируется привычная, обыденная логика, а смыслы, которые она порождает, утрачивают свою ценность. Лихорадочная спешка, являющаяся характерным признаком манипулятивного воздействия, заставляет индивида отводить на «осмысление» увиденной на экране гаджета информации не более 15 секунд. Взамен возникает повышенная, гипертрофированная чувствительность, заменяющая собой мыслительные процессы, переводящая область смыслов в сферу чувственно осваиваемого восприятия. За счет каких инструментов это происходит?

Прежде всего, это эксплуатация эротики. Детабулизация сексуальных тем, навязываемая социально-политической общности, есть продолжение известных пороков интернет-сети, где нет ничего запретного. Эротизм становится «естественным» языком коммуникативного взаимодействия.

Еще одним инструментом сенсбилизации является гиперэкспрессивность высказываний: подчеркнуто выраженная истеричность, нарочитая жестикуляция. Сюда же можно отнести и заведомую эпатажность, провокативность в отношении социального окружения. Фактически речь идет об известных принципах нейролингвистического программирования, которые сегодня, при нынешнем развитии информационных технологий, легко поддаются детальному просчету и, соответственно, алгоритмизируются.

Главным свойством этих процессов является ориентация не на осмысление, не на консенсус, а на ретпост, на ретвит, т. е. на умножение, а значит, на механические признаки циркуляции информации. Основным мерилom

успеха и эффективности виртуальной коммуникации становятся не встречные мысли и интенции (в том числе и хрестоматийная интерактивность), а прежде всего репликация формы. Монетизация эмоции происходит через формальное подтверждение внимания к ней.

Следующий инструмент – оценочность вместо аргументированности. Модельность виртуального поведения подразумевает отсутствие необходимости искать причинно-следственные связи, даже порой элементарную логику в сообщении. Цивилизация готовых решений – вот что такое сегодня виртуальное сообщество. Соответственно, эмоциональные ярлыки, эпатажные характеристики не воспринимаются как повод для перепроверки или хотя бы сомнения. Это неотъемлемая часть коммуникативного процесса, его ткань (в понимании виртуальных субъектов), а вовсе не цель, не итог, не результат (в традиционной логике).

Такие этические конструкции можно назвать «новой искренностью». Это состояние виртуального индивида, опирающегося на порожденную технологиями психоэмоциональную сферу и доводящего маниакальные доминантные состояния до абсурда, до крика. При этом девальвируется ценность реальных отношений между людьми. Искренность превращается в коммуникативный алгоритм, который, с одной стороны, подменяет собой прежнюю чувственность, с другой, является способом атаки виртуального субъекта как на реальный, так и на цифровой мир.

Заключение

Феномены социализации и одновременного повышения цифровой компетентности у молодых людей в определенных ситуациях превращаются в антагонистические процессы, связанные с разделением социального и виртуального миров. Раздвоенность личности виртуала, погруженного в цифровой мир, есть источник агрессии этого индивида в отношении не понимающих его взрослых, людей, находящихся «по ту сторону» его реальности, однако, это же обстоятельство является существенным основанием для выработки новых принципов трактовки виртуальных процессов, формирования базы для межсоциального диалога.

Список литературы

- [1] *Иванова Т.В.* Интернет-зависимость как проблема современного общества // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2014. № 24. С. 49–53.
- [2] *Зверьянская Л.П.* Интернет-зависимость как основная причина развития киберпреступности // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2015. № 17. С. 239–243.
- [3] *Algavi L. et al.* From The Silent House meme to The Blue Whale-Game: the story-world's transformation // SGEM2017 Conference Proceedings (24–30 August 2017), Vol. 1. Book 4. Pp. 253–260. <http://dx.doi.org/10.5593/sgemsocial2017/41/S16.032>
- [4] *Шнитцер М.* Антимозг: цифровые технологии и мозг. М.: АСТ, 2014. 288 с.
- [5] *Серегина А.А.* Инфантилизм личности как фактор девиантного поведения // Социальная политика и социология. 2011. № 7. С. 283–288.
- [6] *Сидорова А.М.* Философское понимание причин инфантилизма современной молодежи // Совет ректоров. 2011. № 1. С. 61–66.

- [7] *Гаврилова Е.А.* Проблемы компьютерной этики и этики киберпространства // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2020. Т. 10. № 1 (29). С. 143–148.
- [8] *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: УрГУ, 2000. 96 с.
- [9] *Чепьюк О.Р.* Экономическая бессубъектность как фактор дегуманизации социальных отношений: дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород: Университет Лобачевского, 2021.
- [10] *Карпова А., Новокшенов К.* 30 самых влиятельных лиц киберспорта. Рейтинг Forbes и Sports.ru // Forbes. 2020, 5 октября. URL: <https://www.forbes.ru/rating/410467-30-samyh-vliyatelnyh-lic-kibersporta-reyting-forbes-i-sportsru> (дата обращения: 13.09.2020).

Сведения об авторах:

Фортунатов Антон Николаевич, доктор философских наук, профессор, заведующий, кафедра социально-политических коммуникаций, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского.

Воскресенская Наталья Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра социально-политических коммуникаций, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского.

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2-286-293

УДК 316.77:001.12/.18

Научная статья / Research article

Медиакультура как феномен информационной эпохи

В.А. Славина , Я.В. Солдаткина

Московский педагогический государственный университет,
Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1

✉ yav.soldatkina@mpgu.su

Аннотация. Поднимаются проблемы научной рецепции такого феномена, как медиакультура. Авторы предлагают свою трактовку медиакультуры как особого вида культуры информационного общества в самом широком проявлении и понимании этого явления. Рассматриваются исходные для медиакультуры понятия «медиа» и «культура», устанавливается их функциональное соответствие. Для современного этапа развития медиа характерно соединение коммуникационных и информационных интенций: классических СМИ и средств массовой коммуникации, включающих в себя новые медиа, блоги, социальные сети, а также дигитальные копии несетевых артефактов и их сетевые модификации. Конечный результат этих медиакоммуникаций – медиатекст в самой широкой интерпретации этого понятия. Согласно предлагаемой концепции, современная медиакультура реализует себя в двух основных аспектах. В прикладном значении медиакультура – это форма репрезентации и дигитализации классических и сетевых культурных единиц. В глобальном смысле медиакультура понимается как эстетико-аксиологическая сфера жизни общества, в которой культура объединяет ценностное и художественное наследие, использующее информационно-коммуникационные каналы медиа для своей репрезентации в политике, образовании и собственно культуре.

Ключевые слова: медиа, культура, медиакультура, информация, коммуникация, эстетика, аксиология

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 14 февраля 2021 г.; принята к публикации 25 марта 2021 г.

Для цитирования: Славина В.А., Солдаткина Я.В. Медиакультура как феномен информационной эпохи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 286–293. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-286-293>

Media Culture as the Information Age Phenomenon

Valentina A. Slavina , Yanina V. Soldatkina

*Moscow State Pedagogical University,
1 Malaya Pirogovskaya St, Moscow, 119991, Russian Federation*

 yav.soldatkina@mpgu.su

Abstract. The article raises the issues of scientific reception of such a phenomenon as media culture. The authors offer their interpretation of media culture as a special type of culture of the information society in the broadest understanding of this phenomenon. The authors consider the concepts of “media” and “culture” and establishes their functional correspondence. The contemporary stage of media development is characterized by a combination of communication and information intentions: classical media and mass communication media, including new media, blogs, social networks, as well as digital copies of non-network artifacts and their network modifications. The result of these media communications is a media text in the broadest interpretation of this concept. According to the authors’ concept, contemporary media culture realizes itself in two main aspects. In the applied sense, a media culture is a form of representation and digitalization of classical and network cultural units. In the global sense, media culture is understood as an aesthetic and axiological sphere of society’s life, in which culture combines the value and artistic heritage, using the information and communication channels of the media for its representation in politics, education, and culture itself.

Keywords: media, culture, media culture, information, communication, aesthetics, axiology

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted February 14, 2021; revised February 28, 2021; accepted March 18, 2021.

For citation: Slavina, V.A., & Soldatkina, Ya.V. (2021). Media culture as the information age phenomenon. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(2), 286–293. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-286-293>

Введение

Понятие «медиакультура» – одно из ключевых для современной медиа-логии – интенсивно развивающейся междисциплинарной методологии изучения современных медиа; не менее оно значимо и для многочисленных магистерских курсов, посвященных взаимодействию культуры и медиа, а также социокультурным функциям медиа и культуре современных медиакоммуникаций. При этом общепринятого определения этого понятия в отечественной науке пока не сформировалось. Ведущий специалист в этой области – культуролог Н.Б. Кириллова предлагает социокультурную трактовку этого феномена, оперируя прежде всего социологическими и историко-культурологическими категориями: «...медиакультура – это совокупность информационно-коммуникативных средств, выработанных человечеством в ходе культурно-исторического развития, способствующих формированию общественного сознания и социализации личности. Она включает в себя культуру передачи информации и культуру ее восприятия; может выступать и системой уровней развития личности, способной воспринимать, анализировать,

оценивать тот или иной медиатекст, заниматься медиаторчеством, усваивать новые знания посредством медиа» [1].

Один из основателей современной теории коммуникации Маршалл Маклюэн делает упор на информационном, а не культурологическом аспекте медиа. Медиа – средства массовой коммуникации, средства массовой информации и способы передачи информации, формирующие вокруг себя не столько специфическую культуру, сколько открытую медиасреду и медиaprостранство. Медиа, в самом общем смысле, – средство коммуникации [2. С. 9].

Для Маклюэна медиа как феномен нуждается в определенной технологической культуре, но не обязательно подразумевает включенность в социальные институты, так как медиа – это то, что «расширяет» человека как вовнутрь, так и вовне. Ученый исследует различного рода расширения и его влияние на «психические и социальные последствия», которые усложняют или ускоряют жизненные процессы. Интересен пример со светом. Свет, по его мнению, есть «чистая информация». Он представляет собой средство коммуникации без сообщения. «Электрический свет ускользает от внимания как средство коммуникации именно потому, что у него нет «содержания» [2. С. 11]. И только тогда, когда возникает необходимость изучения содержания, свет вызывает интерес по-настоящему именно как средство коммуникации (при этом Маклюэн дальше оговаривается, что тогда это уже другое средство в зависимости от его применения). Для современной гуманитаристики представляется необходимым выработать такое соотношение определений «медиа» и «медиакультура», которое раскрывало бы семантические и лингвистические связи между этими явлениями, отражало бы их взаимовлияние и взаимозависимость в контексте не только социокультурных, но и семиотических, аксиологических и эстетических подходов.

Медиа: коммуникативный и интерпретационный аспекты

Само понятие «медиа» восходит к латинскому *medium* – посредник, проводник. В комментариях к работе Маклюэна предлагается этот термин обозначать как «средство коммуникации», «средство сообщения», «средство (массовой) информации или просто как средство общения [2. С. 416–417]. Коллектив исследователей Высшей школы экономики, суммируя различные трактовки феномена медиа, комментирует теорию Маклюэна, указывая, что некорректно считать коммуникацией все внешние расширения. С нашей точки зрения, подобные выводы не учитывают уже приведенный выше пример со светом, который демонстрирует механизм трансформации информации в коммуникацию и подчеркивает конвергентный и полифункциональный характер медиа. В то же время свои основания есть и у критиков трактовки Маклюэна. Они связывают высказанные им взгляды с подходом сторонников «технологического детерминизма», которым свойственно смешение «медиа как коммуникативного посредника» с обычными видами и предметами, «в которых есть определенная символическая составляющая» [3. С. 27].

На наш взгляд, заслуживает внимания представленный в упомянутом систематизирующем исследовании подход к определению медиа, в котором

предлагается деление коммуникаций на «медиатизированные носителем и немедиатизированные». Собственно, медиатизированные (опосредованные) коммуникации и называют «медиа». Немедиатизированные коммуникации мы используем непосредственно, они даны нам самой природой (устная речь, жесты), тогда как медиатизированные предполагают применение тех или иных видов приспособлений для осуществления актов коммуникации» [3. С. 27]. Этот подход нам кажется обоснованным, но с той существенной оговоркой, что речь и жесты в современном семиотическом и антропологическом понимании не являются природными свойствами *homo sapiens* и исторически, по-видимому, представляют собой как раз «приспособления», породившие не только все современные типы коммуникаций, включая медиа, но и человечество как таковое.

Кроме того, в коммуникации обязательно должна быть обратная связь, направленная на массовую аудиторию. Сегодня, как показывает опыт, происходит соединение информации, классических СМИ и средств массовой коммуникации (СМК), которые включают в себя и средства массовой информации, и Интернет: новые медиа, блоги, социальные сети и др. Конечный результат этих медиакommunikаций определяется как медиaproduct (или медиатекст) в самой широкой интерпретации этого понятия [4]. Ключевое значение здесь приобретает именно коммуникационный канал передачи информации, который становится основным инструментом медиатизации: медиум (посредник) в этом случае выступает как средство коммуникации (общения, связи). Уже упомянутая нами Н.Б. Кириллова в своей книге «Медиалогия как синтез наук» обращается к классической схеме передачи информации: «Для этого нужно четко различать сообщение (или послание), интерпретацию (или восприятие) и коммуникацию. Сообщение (*message*) – это «вещь», передаваемый продукт интеллектуальной деятельности человека. Интерпретация – это «мысль», т. е. приобретаемое знание. Коммуникация – это лишь операция передачи, трансляции» [5. С.14]. Но теперь, по утверждению Кирилловой, которое представляется нам верным, в триаде *сообщение – интерпретация – коммуникация* последнее становится главным и определяющим. Именно в акте коммуникации, вбирающей в себя и форму (канал передачи), и семантику (интерпретацию), и рецепцию (восприятие), медиа как социокультурный и семиотический феномен раскрываются со всей полнотой.

Культура: коммуникационная и аксиологическая составляющие

Культура (лат.) – возделывание, стремление к созиданию, построению нового. Катон Старший (160 год до н. э.) написал трактат о земледелии *De Agri Cultura*, где впервые речь шла о культуре как возделывании. Позже произошло расширение понятия – культура стала включать в себя не только практическую семантику возделывания, но и сферы образования, обучения, воспитания, развития и т. п. Именно Цицерон в труде «Тускуланские беседы» первым употребляет слово «культура» в значении, близком нашему сегодняшнему пониманию [6. С. 252]. Он определяет философию как куль-

туру души. Понятно, что культура – явление общественное. Об этом говорит Ю.М. Лотман в его известной историко-культурологической работе «Беседы о русской культуре»: «Культура, прежде всего, – понятие коллективное. Отдельный человек может быть носителем культуры, может активно участвовать в ее развитии, тем не менее по своей природе культура, как и язык, – явление общественное, то есть социальное» [7. С. 1–2]. В семиотической концепции Лотмана подчеркивается мысль о том, что культура – это коммуникация, взаимодействие. Лотман утверждает: «Культура есть память. Поэтому она всегда связана с историей, всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества» [7. С. 3]. Следовательно, культура – социально-значимая информация, наследуемая поколениями и выражающаяся через ценности, нормы, смыслы, знаки (символы). Созданная Ю.М. Лотманом концепция функционирования культуры в рамках особого информационно-коммуникационного пространства семиосферы [8. С. 250–257] представляется нам родственной концепции медиасреды, выдвинутой школой Маклюэна.

Исходя из сформулированной семиотической школой трактовки понятия «культура» как семантического хранилища и информационно-коммуникационного универсума, мы можем утверждать, что культура вмещает в себя не только практики обучения, образования, поведенческие навыки, даже комплекс знаний, но становится определяющим фактором для мировоззрения индивидуума, общества, эпохи, служит способом аккумуляции и распространения онтологических и аксиологических констант. Если культуру понимать не в узком смысле слова (культура как предмет искусства, живописи, кино, театра и т. п.), а в широком – культура как эстетико-аксиологический информационно-коммуникационный процесс, затрагивающий все стороны общества в целом, тогда у нас появляется основание для уточнения дефиниции «медиакультура» в ее взаимодействии с семиосферой и медиaprостранством.

Медиакультура: прикладная и глобальная семантика

Исходя из вышесказанного, попробуем сформулировать понятие «медиакультура». Оно может быть рассмотрено в двух равноправных аспектах: медиакультура только как культура в медиа (прикладное значение), и медиакультура как эстетико-аксиологическая сфера в разных областях жизни общества (глобальное значение): культура как ценностное и художественное наследие, использующее информационно-коммуникационные каналы медиа для своей репрезентации в политике, образовании и собственно культуре (искусство, кино, театр и т. п.). При этом отметим, что функции медиакультуры (от информационно-коммуникационных до идеолого-мифологических, рекреационно-креативных и интеграционных) фактически идентичны функциям медиа как таковым. Таким образом, медиакультура – это феномен современного информационного общества, особый вид культуры в самом широком понимании этого явления.

На первый взгляд, медиакультура – это именно культура, отраженная в медиа, показанная через медиа: театр, кино, живопись, искусство, как в аналоговых, так и дигитальных формах. Но это только часть медиа-

культуры в глобальном ее понимании. Влияние медиа на общество несомненно, в том числе на такие важные составляющие, как политика, экономика, образование. Велико влияние медиа на общественное мнение, вкусы и ценности. Именно здесь мы входим в сферу реализации другой стороны медиакультуры – культура публикаций, посвященных жизни общества, изучение и исследование текстов, осмысление и соотнесение их с реальностью, с культурными нормами, соответствии их аксиологическим, философским и эстетическим критериям, сформированным многими столетиями и переосмысливаемыми в современных условиях.

Ученые говорят о влиянии медиа на изменение самого предмета исследования: прежняя культура подвергается натиску цифровизации, она обретает новое рождение в сетевом мире дигитальных копий, в котором стираются иерархии, эстетические критерии, который формирует новое представление о культурной норме и способах ее интерпретации. Очевидно, что изучение роли медиакультуры в этом процессе – актуальная задача для исследователей. Намечившееся не только в обывательском, но и в научном представлении противопоставление медиакультуры как масскульты – и доцифрового культурного наследия как однозначной классики, на наш взгляд, абсолютно неверно с позиций современной науки. Сегодня высокая классическая литература, поэзия, музыка благодаря каналам информации (ТВ, интернет и др.) дигитализируется и органично входит в сферу медиакультуры, отчего не становится более низкой и по значению, и по звучанию. Вл. Новиков, известный критик и профессор журфака МГУ, в предисловии к своей книге «Литературные медиаперсоны XX века» пишет о медийном статусе литературы следующее: «Медийность, согласно мысли, высказанной Е.Л. Вартановой, есть «обращенность». Медийными фигурами, по его мнению, становятся классики. «Дни рождения Пушкина, Блока, Высоцкого, годовщины их смерти неизменно вызывают всплеск медийного внимания...» [9. С. 5], и продолжает: «Современная культурная ситуация ставит вопрос о медийном статусе художественной словесности как таковой» [9. С. 6]. Следовательно, можно утверждать, что сегодня сфера медиа бесконечно расширяется за счет создания художественных продуктов в СМИ и СМК (телевизионные фильмы, постановки, музыкальные произведения и т. д.).

Заключение

Обобщая сказанное, резюмируем: научная семантика понятия «медиакультура» в современной гуманитаристике включает в себя узкую и глобальную проблематику. В прикладном значении медиакультура связана с репрезентацией в медиа различных культурных феноменов, уточнением их социокультурных функций, с культурой медиакоммуникаций и в пределе – медиаторством как частью культурного поля. В глобальном же смысле медиакультура за счет своей функциональной близости к информационно-коммуникационной структуре медиа, рассматриваемых в их семиологической трактовке, фактически представляет собой одну из ключевых составляющих медиапространства, принципиальная задача которой – сохранение и ретрансляция эстетических и аксиологических смыслов. Тем самым, медиакультура –

это феномен современного информационного общества, совокупность информационно-коммуникативных средств, объединяющих разные стороны общественной жизни: образование, политику, культуру, искусство и многое другое, ориентированное на распространение этико-эстетических комплексов.

Список литературы

- [1] Кириллова Н.Б. От медиакультуры к медиалогии // *Культурологический журнал*, 2011. № 4 (6). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/98.html&j_id=8 (дата обращения 11.01.2021).
- [2] Маклюэн Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2017. 464 с.
- [3] Кирия И.В., Новикова А.А. История и теория медиа. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 423 с.
- [4] Солдаткина Я.В. Современный медиатекст: культурологические и функциональные свойства // *Журналистика в контексте времени: коллективная монография* / под ред. Т.Н. Владимировой, В.А. Славиной, Н.В. Кодола. М.: МПГУ, 2020. С. 33–51.
- [5] Кириллова Н.Б. Медиалогия как синтез наук. М.: Академический проект, 2013. 366 с.
- [6] Цицерон Марк Туллий. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1975. 456 с.
- [7] Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 481 с.
- [8] Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
- [9] Новиков В.И. Литературные медиаперсоны XX века: личность писателя в литературном процессе и в медийном пространстве. М.: Аспект Пресс, 2017. 240 с.

References

- [1] Kirillova, N.B. (2011). From media culture to mediology. *Journal of Cultural Research*, 4(6). (In Russ.) Retrieved January 11, 2021, from http://cr-journal.ru/rus/journals/98.html&j_id=8
- [2] McLuhan, G.M. (2017). *Understanding media: The extensions of man*. Moscow, Kuchkovo pole Publ. (In Russ.)
- [3] Kirija, I.V., & Novikova, A.A. (2017). *History and theory of media*. Moscow, HSE University Publ. (In Russ.)
- [4] Soldatkina, Ya.V. (2020). Contemporary mass media: Cultural and functional properties. In T.N. Vladimirova, V.A. Slavina & N.V. Kodola, *Journalism in the Context of the Time*. Moscow, MPGU Publ. (In Russ.)
- [5] Kirillova, N.B. (2013). *Medialogy as a synthesis of sciences*. Moscow, Academic project Publ. (In Russ.)
- [6] Cicero, M.T. (1975). *Selected works*. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ. (In Russ.)
- [7] Lotman, Yu.M. (1994). *Conversations about Russian culture*. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ. (In Russ.)
- [8] Lotman, Yu.M. (2000). *Semiosphere*. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ. (In Russ.)
- [9] Novikov, V.I. (2017). *Literary media personalities of the XX century: The writer's personality in the literary process and in the media space*. Moscow, Aspect Press Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Славина Валентина Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая, кафедра журналистики и медиакоммуникаций, Институт журналистики,

коммуникаций и медиаобразования, Московский педагогический государственный университет.

Солдаткина Янина Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра журналистики и медиакоммуникаций, Институт журналистики, коммуникаций и медиаобразования, Московский педагогический государственный университет.

Bio notes:

Valentina A. Slavina, Doctor in Philology, Professor, Head of the Journalism and Media Communications Department, Institute of Journalism, Communications and Media Education, Moscow Pedagogical State University.

Yanina V. Soldatkina, Doctor in Philology, Associate Professor, Professor, Journalism and Media Communications Department, Institute of Journalism, Communications and Media Education, Moscow Pedagogical State University.

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2-294-301

UDC 070 133

Research article / Научная статья

Fight against Disinformation in Ukraine: Challenges and Prospects

Alexander A. Vasiliev¹, Shuanat N. Kadyrova², Alexander A. Fomin²

¹Information and Analytical Center “Perspective”,
40A Obolonskii Prospekt, Kyiv, 04214, Ukraine

²Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University),
10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

 kadyrova_shn@rudn.ru

Abstract. The material presents the analysis of the draft law of Ukraine *On Amendments to Certain Legislative Acts of Ukraine Regarding Ensuring National Information Security and the Right of Access to Reliable Information*. This law can for the first time in the history of the country criminalize journalists for disseminating false information and set up new forms of control over information in the future. This is not the first attempt by the country’s leadership to bring all actors into a legal and civilized channel (the draft law *On the Media* No. 2693, which is also under consideration by the Verkhovna Rada of Ukraine, stands for the systematic policy of reforming the media sector of Ukraine). The research is aimed at defining the place of the draft law in the reformed system of legal regulation of the Ukrainian media, from the position of the academic community neutral to the process. For this purpose, a detailed content analysis was conducted, which showed that, in the long run, the ambiguous wording of the adopted document at the stage of its enforcement, leaves the regulatory authorities free to interpret it depending on the interests of the parties, rather than on the language of the law. Considering the risks associated with the entry into force of this draft, one should also take into account the ambiguous reaction of the local and international media community. The article may be considered as a contribution to the development of criteria for a comprehensive scientific analysis of the legislation regulating the activity of media structures.

Keywords: journalism, media, information, disinformation, freedom of speech, politics, law

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted December 6, 2020; revised December 28, 2020; accepted February 15, 2021.

For citation: Vasiliev, A.A., Kadyrova, Sh.N., & Fomin, A.A. (2021). Fight against disinformation in Ukraine: Challenges and prospects. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(2), 294–301. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-294-301>

Борьба с дезинформацией на Украине: проблемы и перспективы

А.А. Васильев¹, Ш.Н. Кадырова² , А.А. Фомин²

¹Информационно-аналитический центр «Перспектива»,

Украина, 04214, Киев, Оболонский пр-кт, д. 40А

²Российский университет дружбы народов,

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

 kadyrova_shn@rudn.ru

Аннотация. Представлен анализ проекта закона Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины касательно обеспечения национальной информационной безопасности и права на доступ к достоверной информации», который может впервые в истории страны ввести уголовную ответственность журналистов за распространение недостоверной информации и выстроить новую архитектуру контроля над информацией в будущем. Это не первая попытка руководства страны вывести всех акторов в легальное и цивилизованное русло (в пользу системной политики реформ медийной отрасли Украины говорит находящийся также на рассмотрении ВРУ проект закона «О медиа» № 2693). Основной задачей исследования является попытка определить место законопроекта в реформируемой системе правового регулирования деятельности СМИ Украины с позиции нейтрального к процессу научного сообщества. Для этого был проведен детальный контент-анализ, который показал, что в перспективе двусмысленные формулировки принимаемого документа на этапе его правоприменения оставляют контролирующим органам свободу трактовать их в зависимости от интересов сторон, а не исходя из буквы закона. В учете рисков, связанных с вступлением в силу данного проекта, следует принимать во внимание и неоднозначную реакцию на него медийного сообщества как внутри страны, так и на международном уровне: к обсуждению инициативы подключились профильные комиссии Евросоюза и ООН. Таким образом, предлагаемый материал может представлять интерес и рассматриваться как вклад в дело выработки критериев комплексного научного анализа законодательства, регламентирующего деятельность медийных структур.

Ключевые слова: журналистика, медиа, информация, дезинформация, свобода слова, политика, право

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 6 декабря 2020 г.; принята к публикации 15 февраля 2021 г.

Для цитирования: *Vasiliev A.A., Kadyrova Sh.N., Fomin A.A. Fight against disinformation in Ukraine: Challenges and prospects // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 294–301. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-294-301>*

According to the regular ratings of the Reporters Without Borders organization, the situation around freedom of speech in Ukraine since its independence has evolved ambiguously¹. This is largely due to the long and difficult stages of

¹ Thus, the highest indicators of freedom of speech were recorded from 2007–2009 (92nd, 87th, 89th positions), the worst figures were noted in 2003, 2004, as well as in the period from

the transition from the Soviet totalitarian system of relations between the state and the media to attempts to build a libertarian model (see [1]).

As of 2020, the TV market in Ukraine was divided between media structures belonging to four main financial and industrial groups: TV holding Star-LightMedia (owner – Victor Pinchuk); holding “1 + 1 Media” (Igor Kolomoisky); media group “Ukraine” (Rinat Akhmetov); media holding “Novosti” (Taras Kozak and Viktor Medvedchuk)². It is becoming increasingly difficult to control such a diversified structure. Special legislation that can bring all actors into a civilized and legal channel is required.

The draft law *On Disinformation*³, submitted for public consideration before being presented to the Verkhovna Rada of Ukraine on the initiative of the Ministry of Culture in January 2020 [2], caused a mixed reaction from the media community, both locally and internationally. The Council on Freedom of Expression and Protection the Rights of Journalists under the President of Ukraine called for the draft law to be revised as it “does not meet the stated goals and objectives”, which is the fight against disinformation. Instead, it restricts freedom of speech and the rights of journalists in the country as well as promotes self-censorship. Among other things, the introduction of criminal liability for journalists, unjustified administrative and legal sanctions, state interference in the issues of self-regulation of journalists, the subjective division of authors into “professional” and simply “journalists” have been subjected to criticism. The proposal to establish the institution of the Commissioner for Information (a structure that may appear in the case of the adoption of this law) is doubtful in the opinion of experts [3].

International organizations also have joined in the discussion of the legislative initiative, in particular the United Nations (UN) monitoring mission in Ukraine, which considers the bill on countering disinformation to be inconsistent with international human rights standards and calls on the authorities to refrain from setting restrictions on the work of the media. “We call on the Ukrainian authorities to refrain from imposing unnecessary restrictions on the work of the media. We share the concern of the media and civil society that the current draft law on disinformation does not meet international human rights standards, may undermine freedom of the media, and lead to self-censorship,” the monitoring mission said in a statement [4].

The mission notes that an attempt to criminalize the dissemination of disinformation can result in harassment of journalists simply for doing their job. Besides, the state should refrain from creating bodies responsible for monitoring and

2013–2015 (132nd, 138th, 126th, 127th, and 129th). As of 2019–2020, Ukraine was ranked 102 and 96, respectively (See: Reporters Without Borders. (n.d.). *Rating of Ukraine in freedom of speech index*. Retrieved February 1, 2021, from <https://rsf.org/en/ukraine>; Ukraine is on TOP 100 on the matters of freedom of speech. (2020, April 21). *Kontrakty*. Retrieved February 1, 2021, from <https://kontrakty.ua/article/154713>, etc.).

² At the time of this writing, the “Novosti” media holding and its owners fell under the sanctions of the National Security and Defense Council of Ukraine No. 43/2021 dated February 2, 2021. Thus, de jure, the activities of the media structure are blocked

³ The Disinformation draft law is an unofficial name for the proposed changes, but common in all international reports and media. Official title: *Amendments to the Draft Law of Ukraine: On Amendments to Certain Legislative Acts of Ukraine Concerning Ensuring National Information Security and the Right to Access Reliable Information*.

filtering content. Fighting disinformation and fakes, according to the mission, is necessary, but not at the expense of restricting media freedom.

The Council of Europe, referring to the analysis of the NSJU, also opposed some provisions of the draft law *On Disinformation*. Thus, the Council's message noted that its adoption would legitimize state interference in journalistic activities and limit the rights of media workers [5]. NSJU initially strongly rejected the bill in its current form. "If this law is passed, journalists will be required to have a professional press card from a state-sponsored organization; the content of the media will be controlled by a special commissioner who will implement the policy of fines, blocking, and sanctions; a confidence index will be introduced based on criteria developed by the commissioner; the status of a professional journalist will be granted and revoked under the Code of Journalism Ethics; and the media will be required to publish official identification information," the NSJU said [6].

In response to criticism, the authors of the project point out that the law aims to protect the information security of the state and the rights of citizens to access reliable information. The department assures that the main task is not to intimidate journalists but to raise the level of their professional responsibility. Attention is also drawn to the fact that "censorship in the media is prohibited," and the project provides for many mechanisms to protect a professional journalist honestly performing his/her professional duties [7].

However, the document contains clauses according to which restrictions on freedom are possible "if it is necessary for a democratic society, and the corresponding restriction is proportional to the aim pursued."

The analysis of the text of the draft law *On Disinformation* made it possible to identify several ambiguous and potentially conflicting provisions of the document. Let's say the key term is "disinformation". According to the draft law, this is "false information on issues of public interest. In particular: national security, territorial integrity, sovereignty, defense capability of Ukraine, the right of the Ukrainian people to self-determination, life and health of citizens, the state of the environment" [2].

Such a broad interpretation of the term creates the threat of revealing "disinformation" in any material published in the media. For example, in the context of public discussion about the date of Ukrainian state self-determination: is it 1991 (collapse of the USSR), 1917–1919 (Civil war and the founding of the UPR and WUPR), or the times preceding the emergence of Kievan Rus?⁴

It is difficult to say why the authors did not use generally accepted terminological definitions in their work on the project. *The Oxford Living Dictionary*, for example, cites the following: "Disinformation is false information that is intended to mislead, especially propaganda disseminated by a government organization against competing authorities or the media." As it is seen, the initiators have chosen a defensive-offensive tactic for the model of the project, in which the state is not a priori a source of disinformation to opponents. So, paragraph 2 art. 21 section III *Information Security, the Right to Reply and Refutation of Disinformation* presents the following consequences of disinformation: "The dissemination of dis-

⁴ In the *Textbook with Geography for 8th Grade* [8] the author's position is presented, according to which self-determination of Ukrainians happened even before the appearance of Kievan Rus (IX century) (p. 274).

information and other inaccurate information can lead to a distorted perception of reality and decision-making that is based on untrue, incomplete or twisted information. This situation negatively affects the democratic processes in Ukraine and creates a threat to national information security” [2]. Even if we do not consider the style of presentation, which is dubious for a document adopted at the state level, such an inaccuracy of wording and a categorical position can become a springboard for the infringement of the rights of citizens.

According to the draft law, disinformation is subject to criminal or administrative liability, this is a serious factor of pressure on freedom of expression and the introduction of self-censorship.

So, the spread of disinformation, according to Art. 55 Section IV, in case of voluntary refutation, starting with the third violation within one year, will be punished with a fine of 1,000 minimum wages⁵ (UAH 4.7 million) for each violation. Refusal to voluntarily refute will entail a fine of 2000 minimum wages (UAH 9.4 million) for each case. Besides, the removal of such material or change of its address will result in a fine of 5 minimum wages (UAH 23.6 thousand). But constant mass disinformation about facts that present a threat to national security and territorial integrity will be punished with a fine from 5,000 to 10,000 non-taxable minimums or correctional labor for up to 2 years. The maximum punishment in the form of imprisonment up to 7 years is provided for repeated mass disinformation by an organized group, which led to serious consequences or caused large-scale material damage. “Responsibility for disinformation is provided only for the period of Russian aggression until the restoration of the territorial integrity of Ukraine,” the authors emphasize. In our opinion, the vagueness of the wording “grave consequences” and “Russian aggression” pose the greatest threat to freedom of speech. The fact is that there has already been a similar precedent in the Ukrainian criminal law.

Journalist Pavel Volkov was arrested by the SSU on September 27, 2017. Volkov was accused of assisting a terrorist organization (part 1 of Article 258-3 of the Criminal Code) and separatism (part 3 of Article 110 of the Criminal Code). The accusation of complicity in terrorism was based on the fact that Volkov, on the instructions of the Committee for Social Communications under the People's Council of the DPR, filmed videos and wrote articles about separatists in Donbas and the situation in the region. From the press service of the department, it followed that he called for a change in the territorial integrity and inviolability of the Ukrainian borders and “provoked incitement of ethnic hatred” [9].

Over time, the lawyers managed to re-qualify the articles of the accusation for part 2 of Art. 110 of the Criminal Code of Ukraine – “encroachment on the territorial integrity of Ukraine”, as well as part 3 of Art. 258 – “assistance to a terrorist organization.”

On March 27, 2019, the first instance court acquitted journalist Volkov. The verdict was upheld by all the higher courts. On April 3, 2020, the Supreme Court of Ukraine rejected the prosecutor’s appeal and fully upheld the acquittal. On December 2, 2020, the Zaporizhzhya Court of Appeal decided to recover UAH 600 thousand from the state as compensation to a journalist for illegal persecution⁶.

⁵ The minimum wage in Ukraine in 2020 is UAH 4723.

⁶ Information from the resource *Judicial Power of Ukraine* on a request for a single unique case number 336/5772/20.

Besides, separate norms introduce full control over the professional status of a journalist by introducing special press cards issued by the Association of Professional Journalists of Ukraine (a state organization that is created according to the draft law. – *A.V., Sh.K., A.F.*). It is planned to issue press cards of two types: “professional” and “ordinary”. Holders of the first type will be endowed with broad rights (more details below). In the second case, the authors will be limited in access to information and protection of their interests. It is noteworthy that today in Ukraine all journalists, regardless of their form of ownership and editorial policy of officially operating media, have equal rights [10].

But the main threat to the freedom of activity of a journalist is that his/her status as a “professional journalist” will be canceled in case of violation of the *Code of Professional Ethics* approved based on the draft law [2].

Thus, professional journalists will be those who have received accreditation in the Association of Professional Journalists of Ukraine (hereinafter referred to as the Association) or have accreditation of a foreign journalist, according to the Register of Accredited Foreign Journalists (Section IV *Self-Government of Journalists*, Articles 29, 36, 38).

For accreditation in the Association, the author will have to accept and adhere to the *Code of Professional Ethics of Journalists* and have confirmation of the experience of the main work as a journalist based on a labor or other contract with a Ukrainian or foreign subject in the media for at least three years. Accreditation can be obtained by submitting an online application.

Any other press cards or badges will not entitle journalists to enjoy the privileges associated with their professional activities.

According to the current law *On Print Media (Press) in Ukraine* (2782-XII as amended on 03.07.2020), now the status of a journalist is confirmed by an editorial certificate or other document issued to him/her by the editorial board of the media [10]. The same law states that the professional affiliation of a journalist can be confirmed by a document issued by a professional association of journalists (for example, the National Union of Journalists of Ukraine). It shows the duplication of existing laws and the creation of parallel NSJU organizations that will formally consolidate the segregation of the journalistic community.

The situation is further aggravated by the fact that along with the increase in requirements for those who can be considered “professional journalists”, the range of their privileges is also expanding (Article 39 of Section IV):

- to collect information in emergency zones, including areas of natural disasters, catastrophes, in places of accidents, riots, places of anti-terrorist operations (ATO), and operations of the Joint Forces (OJF);

- have an annual leave of 36 calendar days at the expense of media entities (instead of 24 days);

- retire early (from 55 years old for men and from 50 years old for women, in case of 25 or 20 years of experience, respectively) and have one-time cash assistance in the amount of 50 minimum wages (UAH 113.5 thousand in 2020) in case of wounds, contusions, mutilations received in the line of duty in places of emergency. Also, an operator and a photojournalist who worked with such a journalist may retire early;

- if a journalist is searched, the journalist must be warned about it no later than 24 hours before the search, the presence of a lawyer from the Association is also

guaranteed, and the opportunity to invite no more than three members of the Association as witnesses. The project also defines other special guarantees for journalists.

That is, we see in the proposed bill as a punitive function of Art. 55 of Section IV in the form of fines and threats of criminal prosecution, and the stimulating Art. 39 section IV in the form of additional leave, expanded rights to collect information and defend one's own interests.

The main innovation will be the emergence of a new institution – the Commissioner for Information (Article 49 of Section VI *Commissioner for Information*). The key role in determining the truthfulness or inaccuracy of information will be in its competence. It will examine with the help of representatives of the “fact-checking organizations” from the aforementioned Association. Presumably, we are talking about structures that position themselves as non-governmental organizations (NGOs) of the Ukrainian media market [2].

Because there are only a few generally recognized fact-checking organizations in the Ukrainian media field, it seems that we are talking about the Institute of Mass Information and Media Detector. A certain problem here is that the activities of these structures have long raised questions from a significant part of Ukrainian journalists, who noted that their experts do not notice, and sometimes directly justify the pressure of the authorities on the media, and violations of journalistic standards are found mainly in the opposition media [11]. The same “symbiosis of the state/civil society” will check the news, according to a sample not specified in the draft law, for reliability (there is a fear that content will fall under control based on the subjective opinion of the inspectors) and assign them a special state index (Section I *General Provisions*) [10]. Something similar is practiced in the UK, where the Global Disinformation Index (GDI) exists, a non-profit project whose reports have no legal or political implications, and whose opinions are advisory. In Ukraine, this index will be state-owned, which gives the theoretical right to officials to refuse accreditation or provide information to those media and journalists who have a low state index. And the assignment of the index can become an instrument of pressure on the editorial offices of the media and restrict their activities.

Thus, a situation is emerging in which the Ukrainian authorities, in an attempt to protect the national information space in the legal plane, can introduce state censorship and professional segregation of journalists. As a result, instead of fighting fake news in Ukraine, working tools are being created at the legislative level that allow dividing the professional media community into loyal and disloyal actors and choosing an appropriate policy towards them. The Information Commissioner performs the functions of an official censor, and attempts to introduce civil society representatives in the form of fact-checking organizations are more reminiscent of a cartel conspiracy in the media market.

References

- [1] Siebert, F., Schramm, W., & Peterson, T. (1998). *Four theories of the press*. Moscow, National Press Institute.
- [2] Ministry of Culture Youth and Sports of Ukraine. (2020). *Draft Law to change some norms in the current legacy about disinformation*. (In Ukrainian.) Retrieved February 1, 2021, from http://mkms.gov.ua/files/pdf/Disinformation_Draft_2020.pdf

- [3] Zelenskiy's Freedom of Expression Council opposes disinformation law. (n.d.). *Ukraine 24*. (In Russ.) Retrieved February 1, 2021, from <https://ua24ua.net/soviet-povoprosam-svobodi-slova-pri-zelenskom-vistupil-protiv-zakona-o-dezinformatsii/>
- [4] Vatsyak, J. (2020). Mission UN against of Ukrainian law about disinformation. *Ukrainian News*. (In Russ.) Retrieved February 1, 2021, from <https://ukranews.com/news/681020-zakon-o-media-borodyanskogo-prokomentirovali-v-oon>
- [5] Council of Europe. (n.d.) *Ukraine's Draft Law on Combating Disinformation and Regulating Media Activity threatens freedom of speech*. Retrieved February 1, 2021, from <https://www.coe.int/en/web/>
- [6] Disinformation bill threatens freedom of speech in Ukraine – Council of Europe. (2020, January 28). *Strana.ua*. (In Russ.) Retrieved February 1, 2021 from <https://strana.ua/news/246772-sovet-evropy-osudil-zakonoproekt-o-dezinformatsii.html>
- [7] There is much of lies about the project of the law about disinformation. (2020, January 25). *Ukrinform*. (In Russ.) Retrieved February 1, 2021, from <https://www.ukrinform.ru/rubric-society/2862785-pro-zakonoproekt-o-dezinformacii-pisut-mnogo-nepravdy-borodanskij.html>
- [8] Maslyak, P.O., & Kapirulina, S.L. (2016). *Textbook with Geography for 8th grade*. Kamyanets Podolsky, Axioma Publ. (In Ukrainian.)
- [9] Volkova, O. (2018). Pavel Volkov: “By the number of corpses that hung on me, I was the most dangerous in prison”. *Strana.ua*. (In Russ.) Retrieved February 7, 2021, from <https://strana.ua/articles/168259-po-kolichestvu-trupov-kotorye-na-mne-viseli-2-tysjach-chelovek-ja-byl-samym-opasnym-v-tjurme-.html>
- [10] *The Law of Ukraine about Print Media and Press in Ukraine*. (In Russ.) Retrieved February 1, 2021, from <http://consultant.parus.ua/?doc=003PVDA8DC>
- [11] Tovt, A. (2018). Lawyers for lawlessness. Who and how helps the authorities to put pressure on the Ukrainian media. *Strana.ua*. (In Russ.) Retrieved February 1, 2021, from <https://strana.ua/articles/analysis/131050-detektor-media-i-imi-iskazhajut-situatsiju-so-svobodoj-slova-v-ukraine.html>

Bio notes:

Alexander A. Vasiliev, PhD in History, expert, Information and Analytical Center “Perspektiva”.

Shuanat N. Kadyrova, PhD in Philology, senior lecturer, Department of Theory and History of Journalism, Faculty of Philology, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University).

Alexander A. Fomin, PhD student, Department of Theory and History of Journalism, Faculty of Philology, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University).

Сведения об авторах:

Васильев Александр Александрович, кандидат исторических наук, эксперт, информационно-аналитический центр «Перспектива».

Кадырова Шуанат Набиевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра теории и истории журналистики, филологический факультет, Российский университет дружбы народов.

Фомин Александр Александрович, аспирант, кафедра теории и истории журналистики, филологический факультет, Российский университет дружбы народов.

РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

ADVERTISING AND PUBLIC RELATIONS

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2-302-310

UDC 659.4

Research article / Научная статья

**Russian Public Relations in 2020:
Peculiar Features of Transformation**Marina G. Shilina¹, Irina I. Volkova²¹*Plekhanov Russian University of Economics,**36 Stremyanniy Pereulok, Moscow, 115093, Russian Federation*²*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),**10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation* marina.shilina@gmail.com

Abstract. The paper presents the current transformations of Russian public relations during the SaRS-COVID-19 pandemic and remote working in 2020. In response to the crisis and uncertainty, companies have adapted and restructured corporate strategies and communications. The increasing demand for communication support of strategies and daily support of corporate activities indicates the growing significance of PR and the implementation of organizational strategies, as well as the demand for the optimization of corporate communication in society. The PR industry in general and professional communication are becoming more and more integrated due to the attraction of knowledge, competencies, specialists from a wide range of related industries: marketing, sociology, management. The current communication situation caused changes in the characteristics of Russian PR in the segment of communication agencies. Despite the traditionally high volume of the agencies' marketing services, the growth of crisis and digital communications has turned to be stable, which indicates the demand for more flexible PR formats. Based on an analysis of public relations of the leading local communication agencies in 2020, the authors put forward a hypothesis on the formation of the prerequisites for the transition of Russian public relations to the format of strategic communications.

Keywords: Russian public relations, remote working, function, transformation, assessment of PR efficiency, strategic communication

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted February 24, 2021; revised March 10, 2021; accepted March 25, 2021.

For citation: Shilina, M.G., & Volkova, I.I. (2021). Russian public relations in 2020: Peculiar features of transformation. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(2), 302–310. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-302-310>

Российские связи с общественностью в 2020 году: особенности трансформации

М.Г. Шилина¹ , И.И. Волкова²

¹Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
Российская Федерация, 115093, Москва, Стремянный пер., д. 36

²Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

 marina.shilina@gmail.com

Аннотация. Впервые представлен анализ актуальных трансформаций российских связей с общественностью в условиях пандемии SaRS-COVID-19 и дистанта в 2020 г. В ситуации кризиса и неопределенности компании адаптировали и реструктурировали корпоративные стратегии и коммуникации. Возрастающий спрос на коммуникационную поддержку стратегий и поддержку ежедневной корпоративной деятельности определил растущее значение PR в реализации организационных стратегий, а также потребность в оптимизации корпоративных коммуникаций в обществе. PR-индустрия в целом и профессиональная коммуникация становятся все более интегрированными за счет привлечения знаний, компетенций, специалистов из широкого круга смежных отраслей: маркетинга, социологии, менеджмента. Сложившаяся ситуация изменила характеристики российского PR в сегменте коммуникационных агентств. Несмотря на традиционно высокий объем маркетинговых услуг агентств, рост кризисных и цифровых коммуникаций оказался стабильным, что свидетельствует о востребованности более гибких форматов PR. На основе анализа связей с общественностью ведущих отечественных коммуникационных агентств в 2020 г. выдвинута гипотеза о формировании предпосылок для перехода российских связей с общественностью в формат стратегических коммуникаций.

Ключевые слова: российские связи с общественностью, дистант, функция, трансформация, оценка эффективности PR, стратегическая коммуникация

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 24 сентября 2021 г.; принята к публикации 25 марта 2021 г.

Для цитирования: *Shilina M.G., Volkova I.I. Russian public relations in 2020: peculiar features of transformation // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 302–310. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-302-310>*

Introduction

The global situation of the SaRS-COVID-19 pandemic, quarantine, and remote working has affected all industries, including public relations (PR). In response to the crisis and uncertainty, companies have adapted and restructured corporate objectives and strategies, as well as communications.

In Russia, public relations have traditionally belonged to the marketing sphere. The strategic functions of PR, which are evidence of industrial maturity, have been recorded only in recent years. Leading experts of the domestic PR industry defined the current situation as complicated and turbulent in April 2020 and quite stable at the end of the year. So, in 2021, experts from the RASO (Russian Association of Public Relations) have noted that PR activities in Russia become *strategically* important both for brands and communication agencies. The pandemic has become a kind of a trigger in the development of the industry: during crisis communications, it became possible to comprehend and plan its actions [1]. According to a survey of PR customers conducted by ACAR (Association of Communication Agencies of Russia) and DPG Russia Full-Cycle Creative Agency, in 2020, the expenses on PR services of 57% of the respondents remained unchanged, while 24% reported an increase in PR budgets. At the same time, 45% of the respondents noted that during the pandemic they carried out communication activities more intensively than in 2019 [2].

The indicated positive dynamics put forward hypothesis H1: the situation with remote working during the SaRS-COVID-19 pandemic opened the door to the *strategic* characteristics of communication for PR. The proof of the hypothesis predetermines searching for answers to the following research questions. RQ1: What are the basic characteristics of Russian public relations in 2020, including versus the previous year? RQ2: What is the essence of changes in the characteristics of Russian PR? In other words, do public relations function in 2020 in a *marketing paradigm* or can they be classified as *strategic communications*?

Methodology. This is a desk study of the peculiar features of communication support for the organizations' strategies in Russia in 2020 based on the data from a survey of experts representing communication agencies ($n = 5$, 2021) and an analysis of the open data of professional associations: Association of Communications and Corporate Media Directors of Russia (AKMR) and Public Relations Consultants Association (AKOS, ICCO/Russia) for 2020.

Public relations vs. strategic communication: shaping the conceptual framework of the research

Domestic public relations have not been properly institutionalized since their inception in the late 1980s till the present and have been operating in the marketing paradigm. The scholarly knowledge of public relations in Russia reflects the specifics of domestic PR practices, primarily in business. The scientific and theoretical vision of PR in Russia is recorded in the basic works of the scientists of St. Petersburg School of PR, who consistently develop these concepts [3]. Public relations, as defined by St. Petersburg School of PR, “are a management communication activity (a set of techniques and technologies) aimed at optimizing the interactions of a social subject with significant segments of the social environment – with its public” [3. P. 17].

According to Robert R. Health, public relations are one of the variants of *management* activities aimed at increasing the organization's efficiency and improving its strategic prospects, as well as interacting with the people necessary to accomplish these tasks [4].

In the 2010s, the consolidation of the role of communications in corporate strategies, the need to increase the efficiency of the interaction with target audiences through integration, a convergence of communication flows and multichannelling, led to the appearance and development of the concept of strategic communications: at the junction of the communication and media theory, organizational and management theory, and social theory. Currently, the concept is gaining stable foundations in European scientific discourse.

According to Professor Jesper Falkheimer from Lund University, firstly, communication knowledge is not enough, more knowledge about the context (organizational management and social structures) and tech is needed. Secondly, new approaches define increased societal complexity: demographic, political; socio-economic: hybridization, increased transparency, uncontrolled flow of information – and demands for sustainability – ethics, environment, social responsibility. Thirdly, new business models and processes determine the need for co-creation, digitalization, demand-pull-view. Reinforced stakeholders are of particular importance: consumers and citizens are increasingly active, demanding and have new opportunities to redirect their attitudes [5].

According to the leading Russian expert and Chairman of the Board of Directors of R.I.M. Communication Agency Igor Pisarsky, the integration of the scholarly knowledge and practices from various areas of communication activities seems to be logical for more effective achievement of corporate objectives, especially in the current situation of remote working and uncertainty [5].

The characteristics of strategic communication are presented by leading researchers of European PR [6; 7]. In Russia, the concept of strategic communication is just being introduced into scientific use [8; 9].

Strategic communication is defined in its most general terms as a certain way of thinking about and approaching communication as a strategic management function that embraces all the organization's communication activities.

Recently, the general trend in the development of the organization's communication strategies reflects the transition from supporting the organization's strategy in the external sphere to a more modern understanding of communication as a multilateral symmetric interaction of all stakeholders. According to Betteke van Ruler, strategic communication needs to be conceptualized as an agile management process in which the focus is on feeding these arenas for strategy building and implementation, and on testing strategic decisions by presenting and negotiating these in a continuous loop [7. P. 379].

Thus, the concept of strategic communication can be generally defined as a more *mature stage* in the evolution of the PR concept based on the flexible systematic interactive equal-right communication with target audiences.

Public relations vs. strategic communication: an analysis of the latest Russian practices

An analysis of the communication properties of the leading industry agencies in 2020 records the following peculiar features compared to the data of 2019. Communication strategies of organizations have been traditionally linked with marketing tools, which still make up a substantial and growing share in the reve-

nues of communication agencies (28%). Corporate (23%) and crisis (12%) communications regularly show significant growth [10]. Notably, the share of these segments in the structure of agency revenues is essentially very stable compared to the past years, when an assessment comparable by the industrial market volume was carried out both by professional associations and private agencies.

In 2020, in the conditions of remote working, the change in the volume of the organization's real and virtual communication is significant. According to the Chairman of the Board of Directors of the CROS Communication Group Sergei Zverev, the structure of media support and media consumption changes due to the transition to the full immersion and functioning in the media environment [5], the volumes and formats of real interaction and communication (offline) are decreasing towards remote virtual one (online). The digital segment of PR communications shows an annual growth, while in the conditions of remote working, the indicators (21%) are comparable to the "pre-COVID" ones. Nevertheless, according to the President of Pro-Vision Group of Companies Vladimir Vinogradov, the pandemic has transferred many activities to the online format and partially relieved the fear of technological advancements, primarily among conservative customers [10].

The Internet is becoming one of the dominant communication formats for public relations. At the same time, in April 2020, the experts of the Association of Communication Agencies of Russia (ACAR) identified the transition of public relations to the online format as one of the problematic parameters for the functioning of the industry.

Professionals name process automation among the main characteristics and problems of digitalization for the industry. In particular, although over the year 51% of companies invested in automation [10], experts define the complication of digitalization as a problem for professionals, in particular in the field of personal communication, creative input, and communication efficiency in general.

According to the Project Director of Interium Agency Aita Luzzgina, by 2020 PR specialists have already begun to work as "robot herders", by 2021 the number of technology-mediated functions has greatly increased [5].

Some of the most in-demand digital technologies are artificial intelligence technologies, artificial intelligence, AI; AI-driven technologies. At the same time, the paradoxical feature of the effects of using AI-driven technologies is noted almost in all European studies of PR practices. So, in 2019, a large-scale European study carried out by the European Communication Monitor recorded that professional communication enters a new phase with the appearance of artificial intelligence technologies, but not all professionals are ready for transformations [11].

According to a study carried out by the Russian Association for Electronic Communications (RAEC), the Higher School of Economics University, and Microsoft (2019), Russia is one of the countries with a high potential for the implementation of artificial intelligence [12].

In Russian public relations, AI-driven technologies are used to monitor social media, predict media trends, create a targeted portrait of the target audience, produce data-based content, and communicate with the audience in the format of bots and virtual influencers.

According to the results of our study [13], Russian PR experts are aware of the problems of AI-driven technologies and believe that artificial intelligence

changes the daily practices (40%) and the profession as such in the medium term (70%); meanwhile, the technologies are applied only in a selective manner. In 2021, two-thirds of experts were critical of using AI-driven technologies; however, all of them recognized their obligatory use [5]. Russian PR professionals are involved in the routine work related to AI-driven technologies and state the normality of their application, but the effects in the interaction with stakeholders are not yet quite obvious to them.

Although marketing communications are the most significant and in-demand segment of corporate communications and the dominating service in the structure of the agencies' revenues, experts note an increase in the volume of communications in the field of government relations (GR) and external communications. Moreover, according to the research results, GR turned out to be one of the promising areas of the communication industry. Thus, more than half of the agencies (54%) provided services in this area; over the past year the competition in this segment increased, and GR revenues account for 15% of the total volume [10].

According to Lilia Glazova, Chairman of AKOS, Director of PR News, during the pandemic, trends towards the integration of communications, erasing the market boundaries, and consolidation of the professional community have become particularly relevant, there appeared many collaboration projects both at the business level and at the level of various industrial segments. Remote working also determined the expansion of the international interaction with foreign colleagues, primarily in professional organizations, the list of which is expanding [10]. Experts note that the industry in general and professional communication are becoming more and more integrated due to the attraction of knowledge, competencies, specialists from a wide range of related industries: marketing, sociology, management.

Representatives of communication agencies – AKOS members noted a high demand for integrated communications (91%), consolidation of the positions of continuous communication support, current products and services (79%). An increase in the level of competition (77%) also indicates an increase in the demand for communication support of organizational strategies [10].

According to Nadezhda Yavdolyuk, Executive Director of the Silver Archer National Public Relations Award, an analysis of the best projects in the PR industry for 2020 shows an increased level of creative and human-centered solutions [5]. The growth of non-standard promotion formats is also recorded by agency experts (76%) [10].

Thus, in 2020, the revealed characteristics of public relations in the conditions of remote working record an expansion of the range of characteristics of strategic communication support for the Russian business.

Strategic transformations of the PR efficiency assessment

According to an expert survey in 2020, Russian communication agencies, noting the business need for comprehensible communication assessment tools, traditionally pay attention to research and analytics, which bring 15% of their revenues. Proven and precisely measurable parameters of the PR impact on business results are in demand in the agency work for 60% of respondents [10].

The attention of basic customer entities and technological agency entities to the efficiency assessment in the conditions of remote working is increasing. Ex-

perts note the strategic nature of this activity, especially due to the update of the Barcelona Principles in 2020, which are essential for strategic communication professionals [5].

We should remind that the Barcelona Principles are seven basic provisions for determining the effectiveness of PR strategies, i.e., these are essential parameters for creating effective PR strategies. The principles were adopted in 2010 at the 2nd Annual European Measurement Summit of the International Association for Measurement and Evaluation of Communication (AMEC) in Barcelona (Spain), then updated in 2015, and now in 2020.

The principles state that goal setting and measurement are fundamental to communication and public relations (principle 1), measuring communication outcomes is recommended versus only measuring outputs (principle 2), the effect on organizational performance can and should be measured where possible (principle 3), measurement and evaluation require both qualitative and quantitative methods (principle 4), AVEs are not the value of communication (principle 5), social media can and should be measured consistently with other media channels (principle 6), measurement and evaluation should be transparent, consistent and valid (principle 7) [14].

Expert discussion of the situation in Russian PR due to the changes in the assessment principles in 2020 and the actual creation of PR strategies, which are flexible and relevant in the conditions of remote working, allowed one to state that the latest iteration of the Barcelona Principles reflects an increasingly significant integration of communication.

According to Lilia Glazova, the PR industry in Russia has changed dramatically over the decade since the adoption of the first edition of the Barcelona Principles, in particular, even medium-sized businesses now pay attention to reputation surveys [15].

Despite the optimization of communication strategies, the efficiency is still generally measured in a standard way. According to the Communications Director of Qiwi Group Anastasia Zhuravleva, we need to pay attention to the company's self-identification, an accurate correspondence of all corporate messages to the corporate identification when broadcasting via all communication channels, which are becoming more and more segmented [15].

According to the co-owner of Vinci Agency Maria Lapuk, the need for an integrated approach to measuring and assessing the efficiency of communications became particularly evident in 2020, when effective communications could only be built in a digital or hybrid environment. A relevant approach should take into account all relevant online and offline channels [15].

According to the Head of the PR Department of M.Video-Eldorado Group Valeria Andreeva, to ensure transparency of media measurements, one can use such a competency as teamship, follow the reasonable sufficiency principle, and apply end-to-end and project dimensions [15].

The experts noted that the integration of corporate objectives and values in the public sphere also requires tuning-out from the PR assessment by advertising metrics. The communication assessment should not only determine the results of a single campaign but the long-term effect of the organization's entire communication strategy.

Thus, domestic communication professionals, following the latest iteration of the Barcelona Principles of Professional Communication introduced at the end of 2020 into Russian professional discourse, are focused on the strategic approach to public relations, in particular, toughening of the requirements to the continuous interaction with all stakeholders and the community as such.

Conclusion

In 2020, the communication situation of the SaRS-COVID-19 pandemic and the remote work of organizations caused changes in the characteristics of Russian PR in the segment of communication agencies. The increasing demand for communication support of strategies and daily support of corporate activities indicates the growing significance of PR and the implementation of organizational strategies, as well as the demand for the optimization of corporate communication in society. The expanding integration inside the industry and with related areas forms communication, which is more relevant for all stakeholders. Despite the traditionally high volume of the agencies' marketing services, the growth of crisis and digital communications has turned to be stable, which indicates the demand for more flexible PR formats. The development of the GR and external communication segment reflects the consolidation of the strategic functions of domestic PR. Strategic changes in domestic PR appear in the conditions of the Russian adaptation of the latest iteration of the Barcelona Principles of PR Measurement adopted in 2020, in particular, the expansion of the social activity and responsibility area.

Thus, the identified essential transformations of Russian PR in the conditions of remote working indicate that the prerequisites for the development of strategic characteristics of domestic public relations are being formed in 2020, which confirms the research hypothesis put forward in the article.

References

- [1] RASO. (2021, March 5). *The strategic role of digital PR in Russia and how communication processes are being transformed*. (In Russ.) Retrieved March 5, 2021, from <https://www.raso.ru/news/25356/>
- [2] Research of the PR-industry, 2020–2021: The crisis had a positive effect on the demand for PR. (2021, March 3). *PR News*. (In Russ.) Retrieved March 3, 2021 from <https://www.prnews.ru/topic/issledovanie-pr-industrii-2020-2021-krizis-polozitelno-povliial-na-vost>
- [3] Krivonosov, A.D., Filatova, O.G., & Shishkina, M.A. (2018). *Fundamentals of the public relations theory*. Saint Petesburg. (In Russ.)
- [4] Heath, R.L. (2014). *Encyclopedia of public relations*. 2nd ed. SAGE Publishing.
- [5] The survey of experts data. (2021, February 12). Personal archive of the authors of the article.
- [6] Dudo, A., & Kahlor, L.A. (Eds.). (2017). *Strategic communication: New agendas in communication*. New York, London, Taylor & Francis.
- [7] Ruler, B. van. (2018). Communication theory: An underrated pillar on which strategic communication rests. *International Journal of Strategic Communication*, 12(4), 367–381. <http://dx.doi.org/10.1080/1553118X.2018.1452240>
- [8] Gavra, D.P. (2015). The category of strategic communication: Modern understanding and basic characteristics. *Information Age*, (3), 229–233. (In Russ.)

- [9] Shilina, M.G. (2018). Innovation driven strategic communication: Towards a holistic approach. *Public Administration. Electronic Bulletin*, (66), 44–59.
- [10] PRexplore. (2020, July 6). *AKOS: The main trends and challenges in the communication industry*. (In Russ.) Retrieved July 7, 2020 from <https://prexplore.ru/news/issledovanie-akos-osnovnye-trendy-i-vyzovy-kommunikatsionnoj-industrii/>
- [11] Zerfass, A., Verčič, D., Verhoeven, P., Moreno, A., & Tench, R. (2019). *European Communication Monitor 2019. Exploring trust in the profession, transparency, artificial intelligence and new content strategies. Results of a survey in 46 countries*. Brussels, EACD/EUPRERA; Berlin, Quadriga Media.
- [12] *Digital economy from theory to practice: How Russian business uses artificial intelligence*. (2019, April 25). Retrieved December 3, 2020, from <https://runet-id.com/event/airesearch19/>
- [13] Shilina, M.G. (2019). Artificial intelligence technologies in strategic communication: Actual Russian realities. *Russian School of Public Relations*, (4), 13–29. (In Russ.)
- [14] Barcelona Principles 2.0. (n.d.). *PR News*. Retrieved March 5, 2021, from <https://www.prnewsonline.com/barcelona-principles-2-0/#:~:text=The%20Barcelona%20Principles%20identify%20the,holistic%20approach%20to%20measurement%20>
- [15] PR Today: Barcelona Principles 3.0. Public talk. (n.d.). *PR News*. Retrieved December 3, 2020, from <https://www.prnews.ru/about-company/expertise/standarty/amec-month>

Bio notes:

Marina G. Shilina, Doctor of Philology, Professor, Chair of Advertising, Public Relations and Design, Plekhanov Russian University of Economics.

Irina I. Volkova, Doctor of Philology, Professor, Department of Mass Communication, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

Сведения об авторах:

Шилина Марина Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, кафедра рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Волкова Ирина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, кафедра массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов.

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ REVIEWS

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2-311-316

УДК 821.161.1-1

Обзорная статья / Review article

«Большие двадцатые годы» в истории русской литературы XX века: к столетию журнала «Красная новь»

А.Ю. Овчаренко

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*
✉ ovcharenko-1959@yandex.ru

Аннотация. Представлены различные взгляды на периодизацию русской литературы 1920–1930-х годов, приводятся аргументы в пользу новых уточненных подходов о границах периода. Особого внимания заслуживают работы тех авторов, которые указывают на необходимость расширенного представления о «двадцатых годах». Концепция о «больших двадцатых годах» имеет особую ценность в связи со столетием журнала «Красная Новь», внесшим серьезный вклад в литературный процесс этого времени.

Ключевые слова: русская литература, 1920–1930-е годы, историко-литературный процесс, этапы литературного движения, периодизация

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10 января 2021 г.; принята к публикации 5 февраля 2021 г.

Для цитирования: Овчаренко А.Ю. «Большие двадцатые годы» в истории русской литературы XX века: к столетию журнала «Красная новь» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 311–316. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-311-316>

The “Big Twenties” in the History of Russian Literature of the 20th Century: to the Centenary of the Magazine *Krasnaya Nov*

Alexey Yu. Ovcharenko

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*
✉ ovcharenko-1959@yandex.ru

Abstract. The review article presents various views on the periodization of Russian literature in the 1920s and 1930s and provides arguments in favor of new, refined approaches to the boundaries of the period. Particularly noteworthy are the works of those authors who

© Овчаренко А.Ю., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

point to the need for an expanded understanding of the “twenties”. The concept of the “Big Twenties” is of particular value in connection with the centenary of the magazine *Krasnaya Nov*, which made a significant contribution to the literary process of that time.

Keywords: Russian literature, 1920–1930s, historical and literary process, stages of the literary movement, periodization

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 10, 2021; revised January 30, 2021; accepted February 5, 2021.

For citation: Ovcharenko, A.Yu. (2021). The “Big Twenties” in the history of Russian literature of the 20th century: To the centenary of the magazine *Krasnaya Nov*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(2), 311–316. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-311-316>

При всем обилии литературы о 1920-х годах, нельзя не отметить отсутствия единодушия по многим частным аспектам литературного развития этого времени. Тема 20-х годов требует нового обращения к вопросам, которые, казалось бы, решены раз и навсегда. Однако время требует переоценки и уточнений. Так, существуют различные точки зрения на приоритетные линии литературного процесса 1920–1930-х годов, на факторы, определявшие его динамику, на роль и место сосуществования различных литературных групп. Нет единого мнения и о фактических границах XX века. Так, по известному определению исследователя Э. Хосбаума, новый век, названный им «коротким двадцатым веком», начинается в 1914 году [1. С. 15–21]. Нет единого мнения о веках, указывающих на смены художественно-эстетических периодов. Стоит привести здесь также мнение А. Ахматовой, считавшей фактическим началом века Первую мировую войну и художественно отразившей эту смену эпох в «Поэме без героя».

Дискуссии о критериях временной типологизации литературы имели место еще в 1920–1930-е годы. В книгах А.К. Воронского, В.П. Полонского, П.С. Когана, В.Л. Львова-Рогачевского подводились итоги первого десятилетия новой литературы, свидетельствовавшие о завершенности периода. Так, В.Л. Львов-Рогачевский связывал смену литературных периодов со сменой классов [2. С. 2], В.П. Полонский считал первоочередной задачей «дать изложение споров вокруг проблемы «революции, пролетариата и литературы» – центральной проблемы литературного движения истекшего десятилетия» [3. С. VII]. П.С. Коган и А.К. Воронский выделяли два периода, опираясь на хронологические границы, на смену тем и жанров. В частности, при переходе от одного периода к другому был отмечен как важный фактор, отказ от «агитационности» в пользу «аналитичности» и «художественности» [4. С. 8; 5. С. 172–176]

«Размытость» хронологических границ обусловлена и «инерцией» эстетических векторов, заложенных в предшествующие периоды. Так, влияние «художественной революции» Серебряного века ощущалось на протяжении как минимум первой половины двадцатых годов в поэзии Пролеткульта. Модернистская эстетика дает знать о себе в прозе Б. Пильняка и А. Весёлого, в творчестве других художников слова [6. С. 18–19].

В советской и российской истории литературы 1920–1930-х годов до сих пор нет исчерпывающей объективной характеристики явления, которое

принято называть «двадцатыми годами». В учебниках для вузов филология следовала и «подчинялась» истории и политике. Здесь традиционно выделялись три периода: годы Гражданской войны, литература 1920-х годов и 1930-е годы [7. С. 12–13]. В современных учебниках наблюдается наличие укрупненной периодизации, где временные отрезки названы «периодами» или «этапами»: рубеж XIX–XX столетий (Серебряный век), первая половина XX века (20-е – середина 50-х годов) [8. С. 7]. Согласно укрупненной периодизации, двадцатые годы представлены как период большого сорокалетнего этапа (1890–1929 годы), включающего в себя Серебряный век и нарождающуюся советскую литературу. Существуют и другие точки зрения на принципы и критерии периодизации, свидетельствующие о том, что разговор далек от своего завершения [9. С. 21–28].

«Большие двадцатые годы» требуют не только четкого маркирования внешних границ, но и более точной «внутренней» хронологии. Предположительно можно наметить три важнейших вехи. Так, началом указанного периода можно считать временной отрезок с 1921 до осени 1922 года. Историческими предпосылками для данной периодизации является завершение Гражданской войны и введение НЭПа. Граница между периодами отмечена и такими важными историко-литературными событиями как расстрел Н. Гумилева, смерть А. Блока, публикация романа Б. Пильняка «Голый год». Именно в 1921 году имела место высылка за границу русской интеллектуальной элиты, положившей начало расколу литературы на два потока. И, наконец, именно в это время был создан журнал «Красная новь». При непосредственном участии А.К. Воронского вокруг журнала возникли общественно-художественный центр и художественная школа, организована группа писателей «Перевал».

Трагедия гибели двух поэтов имела сильный художественный резонанс. Достаточно сказать о том, что она нашла отражение даже в «комсомольской поэзии». В первом варианте «Стихов о поэте и романтике» (1925) Э. Багрицкого «страшная весть» о расстреле Н. Гумилева еще не заменена на «черное предательство Гумилева». Опубликованный роман Б. Пильняка породил не только последователей и подражателей, но и, как писала об этом рапповская критика, художественную школу «подпильничников». Указанные события, включая последовавшую в августе в 1922 году смерть В. Хлебникова, «наибольшего мирового поэта нынешнего века» (Р. Якобсон), формально завершили Серебряный век, хотя влияние его художественно-эстетической традиции ощущалось еще долго [10. С. 86].

Внутри этого периода – «больших двадцатых годов», временные границы которого можно условно определить 1921–1929 годами, выделяется так называемая нэповская оттепель 1921–1927 годов (Н. Корниенко). Исследователь И. Зайцева называет это время «воронским периодом» русской литературы [11. С. 231], хотя нельзя не признать, что не меньшую роль играл в это время и Л. Троцкий, автор едва ли не первой истории послереволюционной литературы и кумир целого поколения молодых писателей. Завершающей датой этого «троцко-воронского» периода логично считать 1927 год, когда и Л. Троцкий и А. Воронский фактически были устранены из общественно-политической жизни страны.

Внутри «больших двадцатых годов» с очевидностью выделяются «точки» смыслового перелома, смены векторов развития.

1. **1923–1925 годы** – годы ожесточенных дискуссий о партийном руководстве литературой, о художественном наследстве, об учебе у классиков. Формально этот период завершился совещанием о политике партии в области художественной литературы 9 мая 1924 года и постановлением ЦК ВКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 года. В январе 1925 года вышел первый номер журнала «Новый мир», который наряду с «Красной новью» А. Воронского и «Сибирскими огнями» В. Зазубрина выступал, хотя и с оговорками, за примат эстетики, в противовес идеологии и тенденциозности. В этот период имел место феномен советской литературно-политической дискуссии, в которой политические аргументы доминировали над собственно литературными – дискуссия о партийном руководстве литературой, о классовости литературы, об отношении к «попутчикам», о месте классического наследия.

2. **1927 год**, когда в ходе диспута в Ленинграде была подвергнута жесткой критике формальная школа. Н. Бухарин в своих «Злых заметках» резко критиковал С. Есенина и так называемую есенинщину. Состоялся диспут о революционной морали и «богеме». На страницах «Нового мира» статьей В. Полонского «Художник и классы» была инициирована дискуссия о «социальном заказе». ЛЕФ и МАПП спорили о «живом человеке» в литературе. В февральском номере «Красной нови» вышла декларация Содружества «Перевал». Прошла дискуссия о ФОСП, в которой основными противниками заявили себя А. Воронский и С. Гусев, по ее итогам 18 апреля 1927 года было организовано расширенное заседание коллегии Отдела печати ЦК ВКП(б) по вопросу о «Красной нови».

На заседании были представлены главные редакторы основных литературных журналов второй половины 1920-х гг. – «Красной нови», «Нового мира», «Октября» и «Звезды», члены основных литературных групп тех лет – МАПП, ВОКП, «Перевала», «Кузницы», но не были приглашены левовцы. Совещание стало событием знаковым и переломным, определившим на годы и десятилетия вектор общего развития. Нельзя не признать сегодня, что в науке о литературе оно не получило должного объективного анализа. Неопубликованной остается и стенограмма заседания.

Дискуссии о ФОСП следует рассматривать как реакцию на и расширенное заседание в Отделе печати и появление декларации «Перевала». Стоит отметить, что никто не проводил параллели с декларацией «Перевала» и общей литературной ситуацией в стране. Совещание было организовано по уже существовавшим моделям: доклады оппонентов, выступления в дискуссии, заключительное слово. По этой же модели проходили совещания 1924 года по вопросам литературы в ЦК ВКП(б), диспут «Марксизм и формальный метод» в марте 1927 года, дискуссии о школе В. Переверзева и о Содружестве «Перевал».

А. Воронский был отстранен от руководства «Красной новью», разгромлена троцкистская оппозиция, Л. Троцкий выслан в г. Верный (Алмата). XV съезд ВКП(б) принял курс на индустриализацию и коллективиза-

цию, фактически подорвав экономические основы нэпа, который был окончательно свернут в 1929 году. Л. Троцкий и его сторонники были исключены из партии. Все это имело трагические последствия для А.К. Воронского, спустя год исключенного из рядов ВКП(б).

Знаковую роль имели первые значительные произведения, осмыслявшие и переосмыслявшие первое десятилетие новой власти: «Вор» Л. Леонова, «Цемент» Ф. Гладкова, «Зависть» Ю. Олеси, «Разгром» А. Фадеева, «Тихий Дон» М. Шолохова, сборник «Епифанские шлюзы» Андрея Платонова.

3. **1929 – первая половина 1930 года**, когда в ходе диспутов и дискуссий были разгромлены школа В. Переверзева и Содружество писателей революции «Перевал». А. Платонов подвергся уничтожающей критике за рассказ «Усомнившийся Макар», Б. Пильняк и Е. Замятин – за публикации повести «Красное дерево» и романа «Мы» за рубежом, И. Катаев за повесть «Молоко», а статьей К. Тоомас от 4 декабря 1929 года «За консолидацию коммунистических сил пролетарской литературы» в «Правде» были окончательно установлены партийная точка зрения и партийная линия в литературе, начала формироваться единая концепция истории русской литературы 1920–1930-х годов, представленная как борьба за создание единого творческого метода – соцреализма и единой организации – Союза писателей.

Очевидно, что ни сами границы, ни события, происходившие внутри «больших двадцатых годов» все еще до конца не переосмыслены и не структурированы, и это создает определенные методологические проблемы, унаследованные еще от истории русской литературы советского периода: отрицание роли литературных групп, упрощение сути литературного процесса и сведение его к борьбе за социалистический реализм. Хронология не выстроена даже в стабильных учебниках для вузов, где 1920–1930-е годы некритично объединены в один период. Безусловно, важным является формирование представления о развитии художественных методов, жанров, литературных школ, однако важен и классический хронологический принцип. Именно в сбалансированном сочетании этих двух аспектов вполне возможно создание полного представления о «больших двадцатых годах», едва ли не самом значимом периоде в развитии русской литературы XX века.

Список литературы

- [1] Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Независимая газета, 2004. С. 15–21.
- [2] Львов-Рогачевский В.Л. Книга для чтения по истории новейшей русской литературы. Рабоче-крестьянское творчество за 30 лет. Л.: Прибой, 1925. С. 2.
- [3] Полонский В.П. Очерки литературного движения революционной эпохи. М. – Л.: Госиздат, 1929. С. VII.
- [4] Коган П.С. Литература великого десятилетия. М. – Л.: Московский рабочий, 1927. С. 8.
- [5] Воронский А.К. Десятилетие Октября и наша литература // Власть Советов за 10 лет. Л.: Красная газета, 1927. С. 172–176.
- [6] Келдыш В.А. Литература Серебряного века как сложная целостность // О Серебряном веке русской литературы: общие закономерности. Проблемы прозы / В.А. Келдыш. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 18–19.

- [7] История русской советской литературы (1917–1940). М.: Просвещение, 1975. С. 12–13.
- [8] История русской литературы XX века (20–50-е годы): литературный процесс. М.: МГУ, 2006. С. 7.
- [9] Проблемы периодизации пооктябрьской русской литературы // Русская литература XX века: 1917–1920-е годы. М.: Академия, 2012. С. 21–28.
- [10] *Якобсон Р.О.* Из воспоминаний // Мир Велимира Хлебникова. Статьи и исследования 1911–1998. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 86.
- [11] *Зайцева И.* Концепции литературного процесса в советской критике // В поисках новой идеологии: социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 231 с.

References

- [1] Hobsbaum, J. (2004). *The age of extremes: The short twentieth century, 1914–1991* (pp. 15–21). Moscow, Nezavisimaja gazeta Publ. (In Russ.)
- [2] Lvov-Rogachevskij, V.L. (1925). *A book for reading on the history of modern Russian literature. Workers' and peasants' creativity for 30 years* (p. 2). Leningrad: Priboj Publ. (In Russ.)
- [3] Polonskij, V.P. (1929). *Essays on the literary movement of the revolutionary era* (p. VII). Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ. (In Russ.)
- [4] Kogan, P.S. (1927). *Literature of the great decade* (p. 8). Moscow, Leningrad, Moskovskij rabochij Publ. (In Russ.)
- [5] Voronskij, A.K. (1927). The decade of October and our literature. *The Power of the Soviets for 10 Years* (pp. 172–176). Leningrad, Krasnaya Gazeta Publ. (In Russ.)
- [6] Keldysh, V.A. (2010). Literature of the Silver Age as a complex integrity. *About the Silver Age of Russian Literature: General Laws. Problems of Prose* (pp. 18–19). Moscow, IWL RAS. (In Russ.)
- [7] *The history of Soviet Russian literature* (pp. 12–13). (1975). Moscow, Prosveshhenie Publ. (In Russ.)
- [8] *The history of Russian literature of the twentieth century (20–50s): The literary process* (p. 26). (2006). Moscow, MSU. (In Russ.)
- [9] Problems of periodization of the Post-October Russian literature. (2012). *Russian Literature of the Twentieth Century: 1917–1920s* (p. 26). Moscow, Akademija Publ. (In Russ.)
- [10] Jakobson, R.O. (2000). From my memories. *The World of Velimir Khlebnikov. Articles and Research* (p. 86). Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ. (In Russ.)
- [11] Zajceva, I. (2010). Concepts of the literary process in Soviet criticism. *In Search of a New Ideology: Sociocultural Aspects of the Russian Literary Process of the 1920–1930s* (p. 231). Moscow, IWL RAS. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Овчаренко Алексей Юрьевич, доктор филологических наук, доцент, кафедра русского языка, Юридический институт, Российский университет дружбы народов, доцент, Высшая аттестационная комиссия при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Bio note:

Alexey Yu. Ovcharenko, D.Sc. (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language, Institute of Law, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Associate Professor, Higher Attestation Commission under the Ministry of Education of the Russian Federation.

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2-317-320

УДК 82.09(47=512.145)

Рецензия / Book review

**Мифологический мир
в художественных текстах тюркоязычных народов:
рецензия на книгу: Шарьяфетдинов Р.Х. «Мифопоэтика
татарской литературы»: монография.
М. – Берлин: Директ-Медиа, 2021. 168 с.**

И.А. Таирова

*Российский новый университет,
Российская Федерация, 105005, Москва, ул. Радио, д. 22*

✉ irma-irma@list.ru

Аннотация. Рассматриваются новые разработки в области мифопоэтики, основанные на татарском художественном материале. Анализируется мифо-религиозный подход исследователя, позволяющий на глубинном уровне изучить влияние культурных, философских и религиозных реалий на татарскую литературу. С этой целью разбираются татарские космогонические представления, мифологизм растительного и животного миров в произведениях Кул Гали, Мухаммедьяра, Г. Кандаляя, Дэрдменда, Г. Тукая, Ф. Бурнаша, Н. Исанбета, М. Джалиля, Ф. Карима, М. Хабибуллина, Н. Фат-таха, Р. Кутуя, Р. Файзуллина, Р. Зайдуллы, Г. Яхиной.

Ключевые слова: миф, татарская литература, мифопоэтика, Тенгри, суфийская символика

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10 января 2021 г.; принята к публикации 25 января 2021 г.

Для цитирования: Таирова И.А. Мифологический мир в художественных текстах тюркоязычных народов: рецензия на книгу: Шарьяфетдинов Р.Х. «Мифопоэтика татарской литературы»: монография. М. – Берлин: Директ-Медиа, 2021. 168 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 317–320. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-317-320>

© Таирова И.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

**The Mythological World
in the Literary Texts of the Turkic-speaking Peoples:
Book review of: Sharyafetdinov, R.Kh. (2021). *Mythopoetics
of Tatar literature: Monograph*. Moscow, Berlin, Direct-Media**

Irina A. Tairova

*Russian New University,
22 Radio St, Moscow, 105005, Russian Federation*

✉ irma-irma@list.ru

Abstract. The review of the monograph by R.Kh. Sharyafetdinov "Mythopoetics of Tatar Literature" deals with new developments in the field of mythopoetics, based on Tatar artistic material. The mytho-religious approach of the researcher is analyzed, which makes it possible to study at a deep level the influence of cultural, philosophical, and religious realities on Tatar literature. For this purpose, the author of the scientific work examines the Tatar cosmogonic ideas, the mythologism of the plant and animal worlds in the works of Kul Gali, Mukhammedyar, G. Kandaly; Dardmend, G. Tukay, F. Burnash, N. Isanbet; M. Jalil; F. Karim; M. Khabibullina, N. Fattakh, R. Kutuy, R. Faizullin; R. Zaydulla, G. Yakhina.

Keywords: myth, Tatar literature, mythopoetics, Tengri, Umai, Sufi symbols

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 10, 2021; revised January 15, 2021; accepted January 25, 2021.

For citation: Tairova, I.A. (2021). The mythological world in the literary texts of the Turkic-speaking peoples: Book review of: Sharyafetdinov, R.Kh. (2021). *Mythopoetics of Tatar literature: Monograph*. Moscow, Berlin, Direct-Media. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(2), 317–320. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-317-320>

Миф издревле являлся почвой для создания литературных мотивов и образов. Культура каждого народа хранит память о своем историческом прошлом, опирающемся на древние представления и поверья. Мифологическое сознание находит свое отражение сначала в устном народном творчестве, фольклоре, затем в национальной литературе. В этом отношении татарская литература не является исключением. Начиная с V–VI вв., тюрко-татарская традиционная духовная культура обнаруживает себя в различных письменных источниках: рунических надписях; Орхоно-Енисейских памятниках, датированных VII–XI вв. и др. Далее древнетюркское мировоззрение продолжает жить в татарской мифопоэтике, интерпретирующей мифологические характеры своих предков (Г. Тукай, Г. Исхаки и др.). К мифу как способу мироощущения и как стилистическому приему прибегают и современные татарские авторы, создающие представление о поэтической картине мира своего народа (Р. Зайдулла, Г. Яхина и др.). Поэтому проблема изуче-

ния национальной картины мира, неразрывно связанной как с природой мифа, так и взаимодействием его с литературой, стала предметом изучения таких авторов, как В.А. Фащенко, Л.И. Шевченко, Ч.Г. Гусейнов, А. Арутюнов, К.К. Султанова.

Эту тему, но теперь уже в свете татарской литературы, продолжил исследователь Московского педагогического государственного университета Р.Х. Шаряфетдинов. Он акцентирует внимание на том, что «авторы национальных литератур, создавая свои собственные или чаще всего актуализируя уже существующие национальные мифы, легенды, притчи, сказания и т. п., таким образом реконструировали архаические структуры сознания, нередко стремились свести всю событийную пестроту человеческого бытия к немногим мировоззренческим, нравственно-эстетическим знаменателям, чтобы в лаконичной форме запечатлеть коллективный опыт человечества, дать универсальную модель мира».

Монография Р.Х. Шаряфетдинова имеет четкую структуру, состоит из Введения, четырех глав и заключения.

Во введении исследователь говорит об актуальности изучения традиционной культуры тюркского народа и важности отражения его народной духовной культуры в литературе. Приводя различные определения мифа, ученый убеждается, что наиболее действенным для исследования ему видится мифо-религиозный подход, позволяющий углубиться в «культурную память и традиции» татарского народа с целью «определить культурные, философские, религиозные явления, оказавшие наибольшее влияние на творческое сознание авторов».

Первая глава монографии посвящена научным исследованиям проблемы взаимодействия мифа и литературы. Автор рассказывает о заслугах зарубежных и отечественных научных школ, начиная с XIX века, раскрывая специфику концепций их представителей. Отдельный параграф он отводит рассмотрению научных подходов к изучению мифопоэтики национальной литературы. Здесь же на примере произведений русскоязычных писателей и писателей-билингвов, выходцев из народов, бывших в составе СССР, СНГ, а затем РФ, исследователь рассматривает национальные мифопоэтические модели на примере конкретных произведений (Ю. Рытхэу «Когда киты уходят»; Ч. Айтматова «Белый пароход», «Пегий пес, бегущий краем моря» и др.).

Во второй главе речь идет о мифологических представлениях татарского народа. Такие космогонические образы, как *небо, солнце, луна, звезды*, а также соответствующие им божества (*Тенгри, Умай* и др.), *мотив ветра*, представление о *пространстве* легли в основу литературных сочинений татарского народа и произведений отдельных авторов. Образы астральных мифов рассматриваются на примерах текстов Кол Гали; Ю. Баласагуни; М.М. Хабибуллина, Р. Зайдуллы и др.). Подробно исследуется *мотив Земли, культ дерева* – на материале сочинений классической (Ф. Карими; Ф. Бурнаш; Н. Исанбет и др.) и современной (Р. Файзуллин и др.) татарской литературы.

Интересную параллель автор монографии проводит с мифами о животных и отражением этих образов в татарской литературе. Достаточно подробно эта тема исследуется на примере творчества Г. Яхиной. Раскрывают-

ся значения образов зверей, птиц, насекомых: *медведя, оленя, волков, белки, зайца, рябчика, тетерева, глухарей, ласточек, стрекоз, пчел, шмелей* и др.

В третьей главе представлен материал о мифологических образах человека (мужчины, женщины, матери; ребенка). Отдельно рассматриваются образы мифологизированных лиц (*новитухи; колдуна; мудреца; Мудрого Старца; Учителя*), а также исторических личностей и религиозных деятелей.

Отдельное внимание уделяется «концепции сверхчеловека в ее личностном, социально-историческом, общечеловеческом аспектах». Немаловажное значение отводится суфийской тематике. Исследователь отмечает, что «само течение [суфизм] – знаковое место как в религиозной, так и в культурной жизни татар», оттого «суфийские символы, формирующие смысловую двуплановость, обнаруживаются в целом пласте произведений татарской поэзии начала XX века».

Четвертая глава посвящена «Отображению религиозных воззрений татарского народа в литературе». Рассматриваются такие мифологемы языческих воззрений, как мифические силы: боги (*Йер-Су, Гуар, Эрклиг* и др.), духи (*Ляу-сазаган, Толпар, Хумай*), мифические чудовища (*Дракон Аждаха, Шура-ле*), демоны, джинны и т. п. После принятия татарами ислама (X в.) в литературу входят образы нового религиозного ряда: Бога-Творца (*Аллах*); ангелов (*Ангел смерти*); пророков, святых (*Сулейман, Дауд, Хозыр-Ильяс*). Также, автор отмечает, появляются образы, связанные с религиозными обрядами (Молитва, пост в месяц *Рамадан*), ритуальными предметами (*Коран*).

Выводы, которые делает автор монографии, в первую очередь, касаются татарской мифологической школы, которая (автор соглашается с Д.Ф. Загидуллиной) до сих пор не сформировалась. В этой связи разработки рассматриваемой монографии представляются весьма важными. Тем более что татарские классики и современные авторы (пишущие на русском и татарском языках) часто прибегают к использованию мифологизированных образов в своих произведениях.

Резюмируя вышесказанное, отметим, мифологемы художественных текстов заключают в себе коллективное бессознательное, народную память. Подсознательная тяга к пракорням, закодированным в мифологических образах, позволяет размышлять о духовных и нравственных устоях, формирующих национальную идентичность, в данном случае – тюркоязычных народов.

Сведения об авторе:

Таирова Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и издательского дела, Российский новый университет.

Bio note:

Irina A. Tairova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Publishing, Russian New University.

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2-321-324

УДК 82.01

Рецензия / Book review

**Андрей Платонов и литературная Москва:
история влияний и отражений: рецензия на книгу:
Мальгина Н.М. Андрей Платонов и литературная Москва:
монография. М. – СПб.: Нестор-История, 2018. 592 с.**

А.С. Кравец

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2А*
✉ melian713@yandex.ru

Аннотация. Анализируется новое биографическое исследование, посвященное Андрею Платонову и московской литературной среде. Монография Н.М. Мальгиной реставрирует феномен литературной Москвы 1920–1940-х гг., дает представление о месте и роли писателя в среде профессиональных литераторов, иллюстрирует взаимоотношения и влияния авторов и критиков друг на друга. Художественный мир и писательская стратегия Андрея Платонова впервые сопоставляются с миром и стратегией Б.Л. Пастернака.

Ключевые слова: А. Платонов, Б. Пастернак, литературная Москва

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 19 марта 2021 г.; принята к публикации 20 апреля 2021 г.

Для цитирования: *Кравец А.С.* Андрей Платонов и литературная Москва: история влияний и отражений: рецензия на книгу: Мальгина Н.М. Андрей Платонов и литературная Москва: монография. М. – СПб.: Нестор-История, 2018. 592 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 321–324. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-321-324>

**Andrey Platonov and Literary Moscow:
the History of Influences and Reflections: Book review of:
Malygina, N.M. (2018). *Andrey Platonov and Literary Moscow:
Monograph.* Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istorija Publ.**

Anastasia S. Kravets

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
10 Miklukho-Maklaya, bldg 2A, Moscow, 117198, Russian Federation*
✉ melian713@yandex.ru

Abstract. The review gives the analysis of a new biographical study on Andrey Platonov and the Moscow literary environment. The monograph by N.M. Malygina restores the phenomena of literary Moscow in 1920–1940-s, it also gives an idea of the place the writer took

© Кравец А.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

and the role he played among professionals. As well it illustrates the relationship and influence of authors and critics on each other. For the first time the artistic world and the writer's strategy of Andrei Platonov are compared with the world and the strategy of B.L. Pasternak.

Keywords: A. Platonov, B. Pasternak, Literary Moscow

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted March 19, 2021; revised March 30, 2021; accepted April 20, 2021.

For citation: Kravets, A.S. (2021). Andrei Platonov and literary Moscow: The history of influences and reflections: Book review of: Malygina, N.M. (2018). *Andrei Platonov and literary Moscow: Monograph*. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istorija Publ. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(2), 321–324. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-321-324>

Исследование посвящено не только Андрею Платонову, хотя именно он является центральной фигурой обширной монографии Н.М. Малыгиной. Из эпизодов воспоминаний, архивных документов, стенограмм мероприятий, критики и дневниковых записей разных людей перед читателем встает панорама богатой на события московской литературной жизни. Вопреки устоявшемуся до сих пор представлению о Платонове как писателе «отверженном», здесь он предстает как деятельный и активный участник литературного процесса, влияние которого на современников трудно переоценить. Пять больших глав добротного научного исследования во всех подробностях раскрывают связи Платонова с А.К. Воронским, А.М. Горьким, Б.Л. Пастернаком, Б.А. Пильняком, А. Веселым, С.Ф. Буданцевым, В.С. Гроссманом. Исследователь «реставрирует» детали взаимоотношений, дружбы, знакомств, влияний, в монографии они выстроены по принципу взаимных отражений, где раскрывается и Платонов-художник, и каждый из тех, с кем он осуществлял творческий диалог.

Исследователи А. Платонова не раз указывали на особое положение писателя в среде московских литераторов. Н. Малыгина выдвигает гипотезу о том, что платоновское творчество воспринималось современниками как непостижимая до времени «вещь в себе», и тому были причины. С одной стороны, давало о себе знать творческое «кредо» самого художника, который считал, что писательство – это прикладное дело, которое должно способствовать строительству нового мира. Литература для него служила обобщением опыта, полученного в ходе *созидательной практики*. Особенности участия А. Платонова в литературном процессе были обусловлены спецификой его самоидентификации как художника. Он явил собой писателя нового типа, описанного О.Э. Мандельштамом в статье «Литературная Москва (рождение фавулы)»: «безымянного прозаика, электрика, собирателя <...> скромного фараона надсмотрщика над медленной, но верной постройкой настоящих пирамид» [1. С. 280]. С другой стороны, уникальным и неповторимым, по мнению автора исследования, Платонова сделало не усвоение им эстетических принципов пролетарской литературы, а напротив – их *преодоление*.

Платонов прекрасно знал литературную жизнь Москвы. Так или иначе, она оказывала определенное влияние на эволюцию художественного метода писателя. Также верным можно считать и другой тезис – о влиянии Платонова на творчество современников. Так, заслуживают внимания в этом от-

ношении раскрытие связей А. Платонова и Б. Пастернака. В главе «Платонов и Пастернак в литературной жизни 1930-х годов» Н.М. Малыгина приводит малоизвестные эпизоды биографий двух писателей. Благодаря исследователю мы имеем возможность говорить о «платоновском тексте» в романе Пастернака «Доктор Живаго». Н. Малыгина исследует природу жертвенности героев Платонова и Пастернака, анализирует сквозные мотивы счастья – личного и общего, раскрывает смысл диалога с платоновской трактовкой «Медного всадника», показывает диалог героя и пространства (в «Чевенгуре» и «Охранной грамоте»). Раскрывая типологическое сходство черт героев, она отмечает характерную для художественных миров двух писателей идею всеобщей взаимосвязи явлений.

Как показывает исследование, двух авторов сблизил не только Москва, но и сходные точки «внутренней биографии». Оба в разное время решились оставить профессию, в которой добились успеха. В переломные моменты жизни оба были готовы оставить писательскую деятельность. Оба хотели отказать от прежней манеры письма, одинаково тяжело испытывали на себе давление критики. РАППовская критика называла одного «подпильничником», другого – «попутчиком».

Характерной особенностью историко-литературного труда является его системность, предполагающая изучение литературного процесса с учетом различных исторических и политических факторов. Так, в книге подробно рассказано о том, что смена ведущего организатора литературного процесса Воронского, повлекшая судьбоносные изменения в жизни Платонова, Пильняка и Пастернака, не была случайностью. Она стала знаком второй «сталинской революции». Соратникам Ленина и Троцкого не было больше места ни в литературе, ни в жизни (Воронский оказался в ссылке в Липецке). В числе прочих источников, проливающих свет на обстоятельства «великого перелома», в том числе и на положение А.М. Горького, назначенного новым руководителем советской литературы, исследователь ссылается и на «Историю ВКП(б). Краткий курс» под редакцией И.В. Сталина [2. С. 563]. В контексте указанных обстоятельств возникает ставший уже традиционным, но и по сей день актуальный вопрос, который поднимался, в частности, в биографии А. Платонова, написанной А. Варламовым [3. С. 234, 260]: мог ли Горький помочь Платонову после разгрома повести «Впрок»? Мог ли Горький противостоять сталинской политике вымарывания неугодного писателя А. Платонова из советской литературы? В монографии нет однозначных ответов на эти вопросы. Вместе с тем Н. Малыгина приводит следующие факты: Горький мог содействовать публикации пьесы «Высокое напряжение», но не сделал этого; участие Платонова в горьковских литературных проектах делу не помогло; сам Горький с момента возвращения в СССР в 1928 году всегда находился в окружении людей Ягоды и, вероятно, писем Платонова не получал.

Н.М. Малыгина занимается изучением литературных связей А. Платонова с современниками с конца 1970-х годов. Материал монографии не только подводит итог этой кропотливой многолетней работы, но и дополняет малоизвестные эпизоды взаимоотношений писателя с литературной Москвой. *Первая глава* посвящена истории отношений А. Платонова и Горького, неоднозначной и полной загадок. *Во второй главе* сравниваются ранее не сопо-

ставлявшиеся Пастернак и Платонов. *Третья глава* посвящена А. Платонову и Артему Веселому, попавшим в поле зрения критика «Нового мира» В. Полонского. *В четвертой главе* в контексте анализа отношений Платонова, Пастернака и Пильняка воссоздается творческий путь С.Ф. Буданцева, впервые раскрыт реальный прототип главного героя романа «Мятеж». *Пятая глава* содержит неизвестные ранее факты: А. Платонов и В. Гроссман познакомились в начале 1930-х годов; платоновская пьеса «Высокое напряжение» и «Глюкауф» В. Гроссмана параллельно анализировались в горьковском альманахе «Год семнадцатый». Впервые установлено влияние Платонова на роман «Жизнь и судьба». Данный труд актуализирует необходимость дальнейших изысканий в платоноведении, посвященных анализу взаимоотношений писателя и его литературного окружения. В частности, отдельные исследования могут быть направлены на более глубокий анализ отношений Платонова и Горького, творчества Платонова и его влияния на Хемингуэя.

Художественным приглашением к дальнейшим литературоведческим поискам служит шарж «Пленарное заседание российской литературы» советского мастера графики и летописца эпохи Бориса Ефимова на форзаце. Нахзац погружает читателя в атмосферу Москвы 1930-х: Арбатская площадь покрыта мартовским снегом, по улице снуют трамваи и автомобили, людская волна устремилась к вывеске «Арбатский универсальный рынок». Достойное оформление, внутренние иллюстрации, фотографии, автографы писем обрамляют богатую ткань теоретически значимого научного исследования.

Список литературы

- [1] *Мандельштам О.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 280.
- [2] *Мальгина Н.М.* Андрей Платонов и литературная Москва: А.К. Воронский, А.М. Горький, Б.А. Пильняк, Б.Л. Пастернак, Артем Веселый, С.Ф. Буданцев, В.С. Гроссман. М. – СПб.: Нестор-История, 2018. С. 563.
- [3] *Варламов А.Н.* Андрей Платонов. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 234, 260. (Жизнь замечательных людей: сер. биограф. Вып. 1450).

References

- [1] Mandelshtam, O. (1990). *Essays* (vol. 2, p. 280). Moscow. (In Russ.)
- [2] Malygina, N.M. (2018). *Andrey Platonov and literary Moscow: A.K. Voronsky, A.M. Gorky, B.A. Pilnyak, B.L. Pasternak, Artem Vesely, S.F. Budanzev, V.S. Grossman* (p. 563). Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istorija Publ. (In Russ.)
- [3] Varlamov, A.N. (2013). *Andrey Platonov* (pp. 234, 260). 2nd ed. Moscow, Molodaja gvardija Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Кравец Анастасия Сергеевна, аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов.

Bio note:

Anastasia S. Kravets, postgraduate student, Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2-325-330

UDC 070.1

Review article / Обзорная статья

ESports: a Review of Foreign and Russian Media Resources

Alina G. Chernyavskaya

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation*

✉ alya_z@inbox.ru

Abstract. Millions of people all over the world watch ESports matches and follow the news about favourite teams and players. Due to the COVID-19 pandemic ESports market has received unprecedented growth of audience. The present paper is aimed at exploring and comparing specific features of ESports internet resources development around the world. The author observes the most visited ESports sites in such countries as South Korea, China, the USA, and Russia. Also, this article examines website traffic statistics to analyze the popularity of ESports internet resources among an audience. The data is based on the number of views and visitors for each country during the day, month, and year. The study showed that the Asian ESports media market prefers to use video format for providing content compared to the USA and Russia. The USA and Russia still use text and video formats.

Keywords: cybersport media space, online journalism, media consumption, games, streaming, network communications

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 17, 2021; revised February 2, 2021; accepted March 3, 2021.

For citation: Chernyavskaya, A.G. (2021). ESports: A review of foreign and Russian media resources. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(2), 325–330. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-325-330>

Киберспорт в интернете: обзор российских и зарубежных медиаресурсов

А.Г. Чернявская

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2*

✉ alya_z@inbox.ru

Аннотация. Миллионы людей по всему миру смотрят киберспортивные матчи и следят за новостями киберспортивных команд и игроков. Благодаря пандемии COVID-19 киберспортивный рынок получил беспрецедентный рост аудитории. Цель исследования –

выявить и сравнить специфические особенности развития киберспортивных интернет-ресурсов в тех странах, где наиболее развит киберспорт. Рассматривается контент сайтов Южной Кореи, Китая, США и России. Дается статистика посещаемости как маркер популярности киберспортивных интернет-ресурсов среди аудитории. Приводятся данные о количестве просмотров и количестве посетителей сайтов для каждой страны (в течение дня, месяца и года). Установлено, что азиатский спортивный медиарынок предпочитает использовать видеоформат для передачи контента. Иная ситуация в США и России, которые по-прежнему отдают приоритет текстовой информации, сопровождаемой видео.

Ключевые слова: киберспортивное медиапространство, онлайн-журналистика, медиапотребление, игры, потоковое вещание, сетевые коммуникации

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 17 января 2021 г.; принята к публикации 3 марта 2021 г.

Для цитирования: *Chernyavskaya A.G.* ESports: a review of foreign and Russian media resources // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 325–330. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-325-330>

ESports culture around the world

With sporting events across the globe cancelled in the wake of the COVID-19 pandemic, ESports and video games have received increasing popularity as people look for alternative entertainment.

When the first video games were made, most people had never come in contact with a computer. Certainly, no one had their personal computers in their homes. With the advent of home computing in the 1980s, suddenly computers were everywhere. What could computer manufacturers do to make computers more fun and accessible? They could include games. Games and home computers have gone together from the beginning [1]. However, there were experiments with the home screen and games before, in the 1950s. But it was not technically possible to connect the mass audience of television with game behavior at that time the effect of interactivity was not enough [2. P. 315]. Everything changed with the advent of personal computers.

Today, more and more people are taking video games seriously as a new kind of competitive sport. Called ESports, professional video game competitions are drawing massive and turning the best players into worldwide celebrities [3]. The term ESports includes not only video game competition but as in regular sports, there are strict rules and different leagues for male and female players. ESports is like a snowball rolling down the side of a snowy mountain. Over the years the tournaments have grown into a billion-dollar business. Playing video games is no longer just a fun activity people do with their friends. Through ESports, gamers have found a way to earn a living with favourite pastime. And the best players are able to win great fame and fortune [4. P. 28].

One of the first large online competitions took place in South Korea. In the 1990s internet cafes were very popular around the country. The youth spent a lot of time there playing online games. The space strategy game called StarCraft became so popular that online matches were broadcast on Korean TV. The game soon deve-

loped into an incredibly popular ESports league. The StarCraft series is still popular in South Korea that some players have made playing the game into a career. Some players make over \$100,000 a year playing the game! [4. P.10].

In Korea, ESports has, for a long time, been more than gaming. Korea was one of the early adopters of the ESports trend and in the year 2000, became one of the first nations to officially license pro games, create the Korean e-Sport Association (KESPA) as well expand the Ministry of Culture, Sports and Tourism to encompass the growing industry of Korean ESports [5]. In 2020, the Cybersport industry is a billion-dollar industry where South Korea is in the center.

In China, the ESports industry has been developing since the early 2000s but it has become popular only last years. Nowadays China is the world's largest market with revenue of more than \$385 million in 2020. No government has publicly backed the growth of ESports more than the Chinese. The link between sport and the state is closer than in the rest of the world, as China has implemented a centralized approach for elite development [6]. The government supports cybersport growth inside the country as a source of national pride. Chinese teams now regularly take part in international competitions such as the League of Legends World Championship. The success of players is a proven way to demonstrate China's soft power and international goodwill.

The earliest known video game competition took place in 1979 in the United States at Stanford University for the game *Spacewar!*, and eight years later 10,000 participants attended Atari's *Space Invaders* Championship [7]. The U.S is the number one market for video games making up the majority of PC, mobile, and console sales in the world but not looking that ESports in America is less popular than in Asia or Europe. America should pack stadiums like our European and Asian counterparts to sit and watch a video game competition and this will be a massive global sensation. According to fresh statistics, American ESports market will grow to more than \$196 million.

Europe shows audience growth by 7.4% compared to the 2019 year. It reached 92 million by the end of 2020. M&A activity in the gaming and ESports space has also been increasing. Several large deals involving European companies were completed during 2020, including Take Two's acquisition of Codemasters for almost \$1 billion and Platinum Fortune's purchase of Jagex for \$530 million [8].

Russian government officially recognized ESports as a national sport in 2001. It became the first country to acknowledge ESports on this level, but economic and political turbulence has set the country back from achieving its ESports potential. In 2018 Russia was ranked only eleventh in the global gaming market by the number of players and amounts spent. Given the CAGR of 14.9 per cent, the ESports market in Russia was forecast to increase from under 27 million U.S. dollars to over 57 million U.S. dollars between 2019 and 2024. In total, Russia's games and eSports industry would reach approximately 2.8 billion U.S. dollars by 2024 [9].

A comparative analysis of foreign and Russian cybersport internet resources

The interwoven elements at play in the ESports ecosystem – of competitive gameplay, live-spectating, and media content creation, production, and consumption – make ESports fandom a complex yet rich topic for study [10]. The nature of

media consumption in the cybersport industry seems to be different than in traditional media. Why is it so attractive to consumers? The secret is that social media game companies use gaming experience to motivate and increase the engagement of players. The most popular ESports media platform is Twitch.tv. It specializes in video streaming of computer games. Thanks to the ability to communicate directly with your idols during the games, Twitch.tv actively engages the audience in the gameplay [11].

For Russian, such interaction technology is newer than abroad. So comparative analyses between major representatives in industry and our country can show important tendencies in its development.

Popular Korean, Chinese, American, and Russian websites dedicated to ESports were chosen for the present research. One of the reasons why eSports is so popular in these countries is its media presence.

In contrast to Germany, for example, where the public perception of ESports is still in its infancy, there are stations that specialize in reporting and organizing various ESports events. One of the best known: OnGameNet (OGN) [12]. The website is focused on video content. All video clips are posted on their YouTube channel which audience is more than half a million subscribers. OGN is visited by almost 6 million users in the year and by 16000 users daily (Table 1). The total number of views reaches 20 million per year.

Table 1

OGN statistics

	Per day	Month	Year
Views	66 400	2 000 000	24 000 000
Visitors	16 600	498 000	5 976 000

Source: own results.

In China, the ESports media market is concentrated on its own streaming platforms: Douyu, Bilibili, and Huya. The competition between these platforms to attract new users to their channels means that it is now the optimal moment to market that live content. There are no almost websites dedicated to cybersports news. The author chose the official site of ESports: esport.sport.org.cn. Also, China does not use YouTube for providing content. According to the received results, the number of users is only 430 per day and 154800 per year. It has only 616 800 views per year (Table 2).

Table 2

ESport.sport.org.cn statistics

	Per day	Month	Year
Views	1 720	51 400	616 800
Visitors	430	12 900	154 800

USA ESports media market differs from Asian. First of all, content is represented not only in video format but also we can see articles that are popular among users. American websites also use social networks such as YouTube, Facebook, Instagram, and Twitter. For the article author chose the popular cyber-

sport resource theScore esports. It has about 2 060 visitors per day and 691 200 during a year. The total number of views reaches more than 1million (Table 3).

Table 3

theScore esports statistics			
	Per day	Month	Year
Views	3 520	98 300	1 179 600
Visitors	2 060	57 600	691 200

The Russian ESports market is closer to American media culture. The difference is that we have not so many internet resources dedicated to ESports news. Although cybersport.ru has a huge audience, the total number of visitors reaches 43 million during a year (Table 4). It is more than half as much as South Korea has. The number of views reaches 200 million.

Table 4

Cybersport.ru statistics			
	Per day	Month	Year
Views	564 610	19 509 754	234 117 048
Visitors	183 236	3 619 195	43 430 340

Conclusion

ESports market is an economic phenomenon that has influenced all areas of modern life. The culture of consumption transforms with great speed. As a result of the annual unprecedented growth of ESports audience, new methods and patterns of interaction are formed. The results of the research showed that the Asian cybersport media market prefers to use video format to provide content. Most spectators use streaming platforms to watch games. The USA and Russia are more similar in making cybersport content, but only Russia showed a high percentage of visitors and views. However, if we compare streaming platforms we will receive a completely different picture. The question remains open whether Russian ESports media will change its media strategy or not?

References

- [1] Paris, D., & Herweck Paris, S. (2016). *History of video games*. California, Teacher Created Materials.
- [2] Volkova, I.I. (2017). Video games and new media: Game approach to communications within virtual space. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 22(2), 312–320. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2017-22-2-312-320>
Волкова И.И. Компьютерные игры и новые медиа: игровой подход к коммуникациям в виртуальном пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 2. С. 312–320. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2017-22-2-312-320>
- [3] Josh, G. (2020). *History of ESports (21st century skills library: ESports live)*. Cherry Lake Publishing.
- [4] Troupe, T.K. (2019). *Fighting game ESports: The competitive gaming world of super smash bros, street fighter, and more!* Minnesota, Capstone Press.

- [5] Goetomo, F. (2016). *ESports in Korea: A study on League of Legends team performances on the share price of owning corporations*. CMC Senior Theses. Paper 1356.
- [6] Elsdon, T. (2020). *Five trends shaping the Chinese esports landscape*. Retrieved February 7, 2021, from <https://www.sportspromedia.com/opinion/china-esports-trends-tencent-league-of-legends-media-rights-sponsorship>
- [7] Lord, T.J. (2016). *The history and future of ESports in America*. Retrieved February 26, 2021, from <https://www.fandom.com/articles/history-future-esports-america>
- [8] Rodie, S. (2020). *How Europe's tech hubs are pushing ESports to the next level*. Retrieved March 9, 2021, from <https://www.bdo.global/en-gb/blogs/tech-media-watch-blog/december-2020/how-europe%E2%80%99s-tech-hubs-are-pushing-esports-to-the-next-level>
- [9] *Russian E-Sports Federation, accreditation in the ministry of sport*. (2017). Retrieved February 18, 2021, from <https://ie-sf.org/news/3632>
- [10] Kim, A., Qian, T.Y., et al. (2020). Growth in sport media and the rise of new sport fandom. *Multidisciplinary Perspectives on Media Fandom* (pp. 150–171). Hershey, IGI Global.
- [11] Chernyavskaya, A. (2018). Specificity of eSports broadcast. *Mass Communication in a Multipolar World: Problems and Prospects. Materials of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference* (pp. 255–259). (In Russ.)
Чернявская А.Г. Специфика организации киберспортивных трансляций // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. М.: РУДН, 2018. С. 255–259.
- [12] Larch, F. (2019). *Seoul – the Home of eSports*. Retrieved March 7, 2021, from <https://www.ispo.com/en/markets/seoul-how-city-addicted-esports>

Bio note:

Alina G. Chernyavskaya, PhD student, Department of Mass Communication, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

Сведения об авторе:

Чернявская Алина Геннадиевна, аспирант, кафедра массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов.

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2-331-337

УДК 316.773

Научное эссе / Scientific essay

Некоторые аспекты развития цифровых коммуникаций в Албании

Б. Махмутај

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2*
✉ bleri23bleri@gmail.com

Аннотация. Интернет-коммуникации в Албании развиваются по особому сценарию. Специфика объясняется долгой международной изоляцией страны и, соответственно, позднему приходу цифровизации в это европейское государство. Отмечается высокий уровень предоставляемых в настоящее время интернет-услуг: Албания по некоторым показателям обгоняет ведущие страны. Однако этот прорыв происходит на фоне общего невысокого уровня образования албанцев и низких доходов населения, поэтому предложение обгоняет спрос. Отдельной проблемой является большое количество фейковой информации, переходящей из социальных сетей в интернет-СМИ. Ближайшая актуальная задача, которую предстоит решить албанскому медиасообществу, – повышение медиаграмотности и регулирование интернета (либо через самоконтроль пользователей, либо с помощью государства).

Ключевые слова: Интернет, медиапотребление, социальные сети, телефония, сетевые коммуникации, медиаграмотность

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 17 октября 2020 г.; принята к публикации 6 февраля 2021 г.

Для цитирования: Махмутај Б. Некоторые аспекты развития цифровых коммуникаций в Албании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 331–337. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-331-337>

Albanian Digital Communications: Some Aspects of Development

Blerina Mahmutaj

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation*
✉ bleri23bleri@gmail.com

Abstract. Internet communications in Albania are developing according to a special scenario. It is explained by the country's long international isolation and, accordingly, the late arrival of digitalization in this European state. The author notes the high level of currently

© Махмутај Б., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

provided Internet services: Albania is ahead of the leading countries in some indicators. However, this breakthrough is taking place against the background of the generally low level of education of the Albanians and low incomes of the population, so the supply does not match the demand, it overtakes it. A separate problem is the large amount of false information that goes from social networks to online media. The immediate urgent task that the Albanian media community will have to solve is increasing media literacy and regulating the Internet (either through user's self-control or with the help of the state).

Keywords: Internet, media consumption, social networks, telephony, network communications, media literacy

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted October 17, 2020; revised February 2, 2021; accepted February 6, 2021.

For citation: Mahamutaj, B. (2021). Albanian digital communications: Some aspects of development. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(2), 331–337. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-331-337>

Введение

Для Албании, которая имеет репутацию изолированной страны, интернет является важным средством распространения информации. Сеть Интернет привлекает различные группы и слои населения, именно здесь можно узнать о международных событиях, получить информацию по многим актуальным темам, удовлетворить потребности в общении. Свои интернет-сайты есть у ведущих фирм и компаний, сайты помогают продвигать услуги на рынке. Ключевой аспект развития коммуникаций – доступность интернет-связи. Что касается коммуникаций Албании с внешним миром, то они также происходят главным образом через интернет, который представляет собой особую среду для распространения в глобальном медиaprостранстве обращений, посланий, форумных диалогов, формируя своеобразный имидж страны. В связи с этим виртуальную сеть следует рассматривать в двух аспектах PR-технологий: как интернет-public (какая общественность и какие целевые аудитории присутствуют в интернете) и как интернет-relations (как нужно формировать отношения с общественностью в виртуальной сети). Интернет – это средство массовой коммуникации, которое отличается от остальных СМИ в том числе тем, что здесь доступны точные измерения эффективности рекламной и PR-кампании, здесь более высокая скорость получения характеристик при проведении политических кампаний и есть возможности оперативного реагирования. Современный уровень интернет-коммуникаций Албании обусловлен особенностями развития государства, которые необходимо учитывать, чтобы понять специфику цифровизации.

Интернет Албании в историческом контексте

В силу исторических обстоятельств Албания до сих пор остается в списке стран с недостаточно развитой телекоммуникационной системой, формирование которой началось около тридцати лет назад. Албания до 1990 года была самой закрытой страной и среди стран Европы, и в мире, виной тому жесткая изоляционистская стратегия политического лидера Энвера Ходжи. Изолированность Албании наблюдалась и до XX века: несколько столетий

страна была под эгидой Османской империи. После окончания Второй мировой войны Энвер Ходжа сосредоточил в своих руках неограниченную власть, он разорвал дипломатические отношения с другими государствами и обрек страну на обособленное существование. В годы его правления страна представляла собой печальное зрелище – 85 % населения Албании было неграмотно.

Распределение аппаратов для связи в стране велось под строгим контролем правящей партии. Телефонная связь была доступна только высшему партийному руководству, получить телефон обычным гражданам было практически невозможно. Строго контролировалась и ограничивалась продажа телевизоров и радиоприемников. Длительное время глушились радиостанции соседних стран: Греции, Югославии и Италии как идеологических врагов Албании. Однако в начале 1990-х годов ситуация резко изменилась: после смерти Энвера Ходжи Албания начала открываться миру.

Интернет в Албании появился на стыке XX–XXI веков, а развитие широкополосной интернет-связи активизировалось к 2005 году, но до сих пор более популярна беспроводная связь. В настоящее время в Тиране и других крупных городах спутники Eutelsat бесплатно предоставляют интернет-связь государственным учреждениям, школам и местным органам самоуправления. В настоящее время во многих отелях есть Wi-Fi, часть албанских кафе оборудованы беспроводным интернетом, нередко Wi-Fi доступен даже на пляжах.

В 2020 году в стране было 2,1 млн пользователей интернета: это 115-е место в мире по количеству (эквивалентно 72 % населения страны) (таблица).

Таблица

Рейтинг стран по распространенности интернета

Место	Страна	Интернет-пользователи	Население, %
113	Киргизия	2 222 732	38
114	Панама	2 199 433	58
115	Албания	2 196 613	72
116	Сальвадор	2 153 776	34
117	Гвинея	2 133 974	18

Источник: Управление электронных и почтовых коммуникаций. URL: <https://www.akep.al/>

Table

Ranking of countries by Internet prevalence

Rank	Country	Internet users	Population, %
113	Kyrgyzstan	2 222 732	38
114	Panama	2 199 433	58
115	Albania	2 196 613	72
116	El Salvador	2 153 776	34
117	Guinea	2 133 974	18

Source: Autoriteti i Komunikimeve Elektronike dhe Postare. Retrieved from <https://www.akep.al/>

Значительная часть граждан Албании относится к категории «бедные» или «за гранью бедности», поэтому многие албанцы не могут позволить себе приобретение стационарного компьютера, но рынок мобильных телефонов

существует и развивается. Число людей, выходящих в интернет со своих телефонов, превысило 1,7 млн. На рис. 1 наглядно представлено распределение интернет-трафика в Албании. Согласно данным Digital Report за 2018 год, 49 % интернет-трафика идет через ноутбуки, 49 % – через мобильные телефоны, 1 % – планшеты, 1 % – другие устройства.

Сетевые услуги интернета в Албании на начальном этапе обеспечивали два конкурирующих между собой провайдера – Albania Online и Adanet. Следует отметить, что три сотовых оператора Eagle Mobile, AMC Mobile и Vodafone Albania предоставляют в 2021 году даже более широкий спектр услуг, чем можно получить в некоторых соседних экономически более сильно развитых странах. Пакеты мобильного интернета (GPRS) есть у всех операторов Албании. Скорость мобильного интернета в Албании высокая, так как сети новые, а абонентов пока мало. Таким образом, развитие сетей коммуникаций началось в стране не так давно, однако есть существенный прогресс: на сегодняшний день интернет-технологии хорошо развиты.

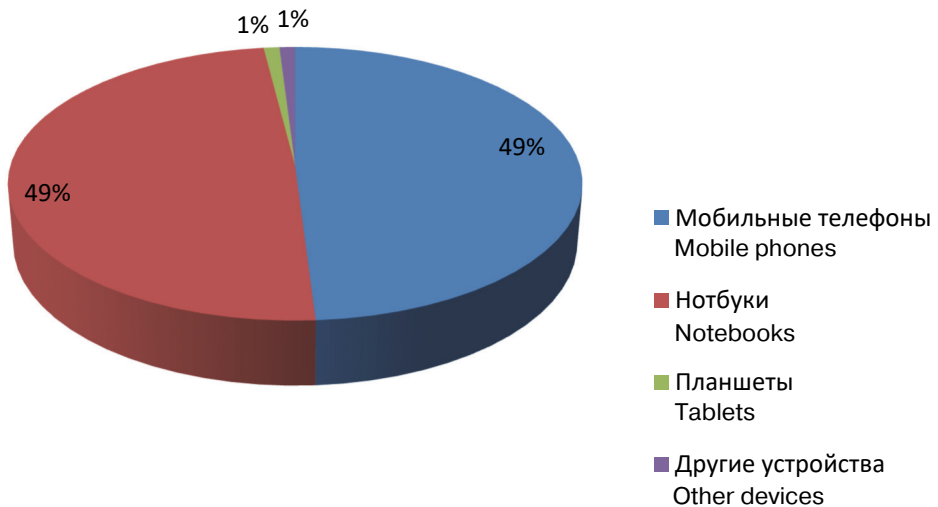

Рис. 1. Распределения интернет-трафика в Албании
Figure 1. Distribution of Internet traffic in Albania

Источник: Управление электронных и почтовых коммуникаций. URL: <https://www.akep.al/>
Source: Autoriteti i Komunikimeve Elektronike dhe Postare. Retrieved from <https://www.akep.al/>

Развитие социальных сетей и интернет-СМИ

Цифровые медиаресурсы дают большое количество возможностей для маркетинговых программ и коммуникаций в Албании. Функция интернета – *получение* информации перестала быть ведущей в Албании, теперь востребована функция *обмена* информацией, коммуникации. Общение в интернете существенно отличается от прямого общения в жизни, привычного для албанцев.

Популярность и доступность интернет-технологий в Албании стала способствовать появлению новых возможностей и способов коммуникации:

в Албании использование традиционных механизмов коммуникаций, таких как факс или проводной телефон, стремительно замещаются новыми технологиями – обмен мгновенными сообщениями, электронная почта, передача голоса и видео через интернет. Skype, Viber, WhatsApp – все эти интернет-программы получили широкое распространение в Албании.

В 2020 году количество пользователей мобильных телефонов снизилось. По данным АКЕР Electronic and Postal Communications Authority, отмечается, что на конец 2020 года у мобильной телефонии было около 2,51 млн активных пользователей, что почти такое же, как и год назад. Эта цифра связана с количеством активных SIM-карт, тогда как снижение в предыдущие годы было вызвано главным образом тем, что албанцы отказались от использования некоторых мобильных номеров. Свою роль в этом сыграло и уход с рынка четвертого оператора Plus Communication.

Интернет-СМИ Албании, которые до недавнего времени находились в режиме саморегулирования, после поправок к законам «Об электронных средствах связи в Республике Албания» и «Об аудиовизуальных средствах массовой информации в Республике Албания» стали контролироваться государством. Поправки в качестве «антидиффамационного» пакета были введены и одобрены Советом министров Албании в 2019 году. После вето, наложенного президентом Албании, парламентское большинство согласилось дождаться заключения Венецианской комиссии, прежде чем проголосовать за законодательный пакет по ускоренной процедуре.

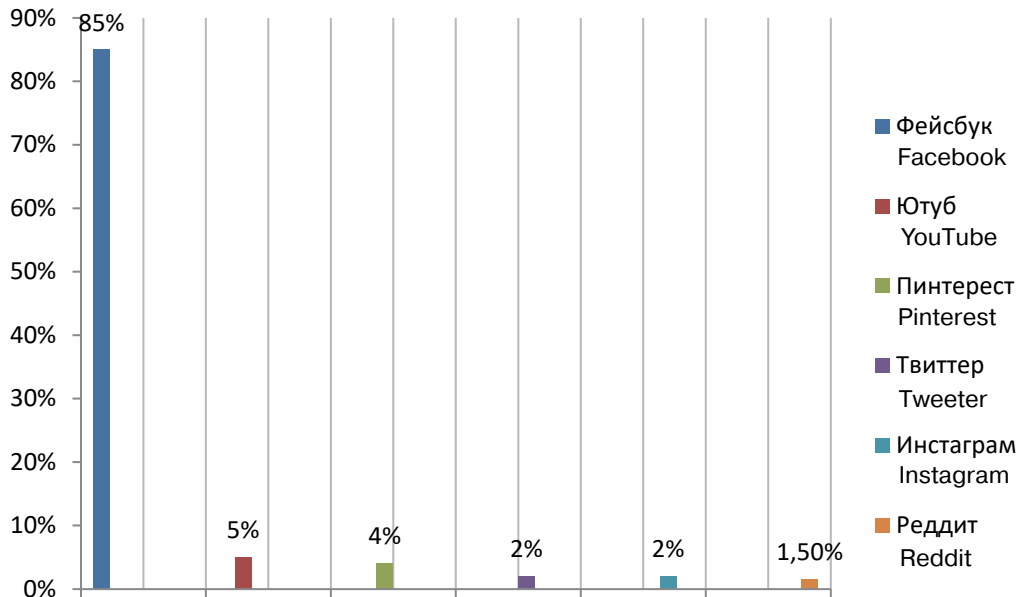

Рис. 2. Популярность социальных сетей в Албании
Figure 2. Popularity of social media in Albania

Источник: Управление электронных и почтовых коммуникаций. URL: <https://www.akep.al/>
 Source: Autoriteti i Komunikimeve Elektronike dhe Postare. Retrieved from <https://www.akep.al/>

В стране доминирует пятерка крупных социальных сетей (Facebook, Twitter, Google+, YouTube и LinkedIn), но также есть и местные социальные

медиа, которые считаются сильными соперниками в борьбе за внимание местной аудитории (рис. 2). К примеру, политики, такие как премьер-министр, бывший премьер-министр, мэр Тираны, депутаты, министры и другие люди очень активны на Facebook. Каждый их пост в соцсетях передается в телевизионных новостях и на новостных порталах. Между тем средства массовой информации не подвергают сомнению заявления, размещенные на Facebook. Обратная связь с общественностью – еще один аспект, которому очень помогает Facebook, который стал частью политического маркетинга.

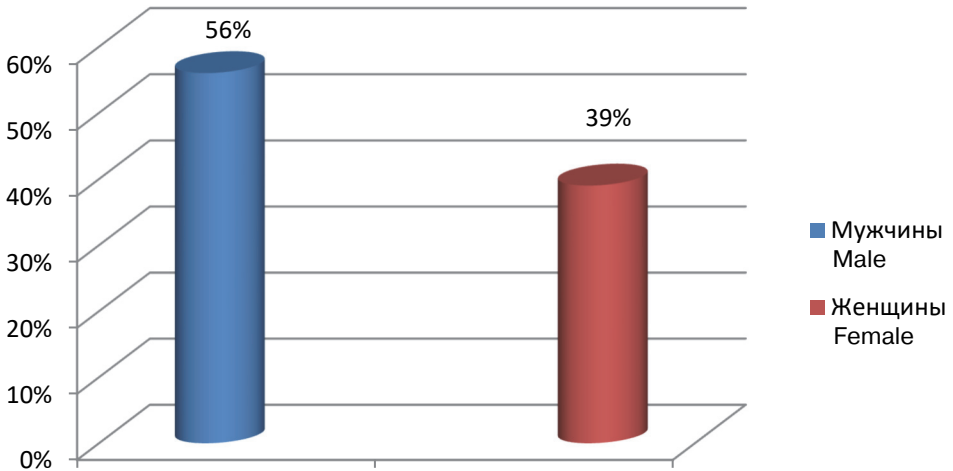

Рис. 3. Гендерный профиль пользователей интернета
Figure 3. Gender profile of Internet users

Источник: Управление электронных и почтовых коммуникаций. URL: <https://www.akep.al/>
Source: Autoriteti i Komunikimeve Elektronike dhe Postare. Retrieved from <https://www.akep.al/>

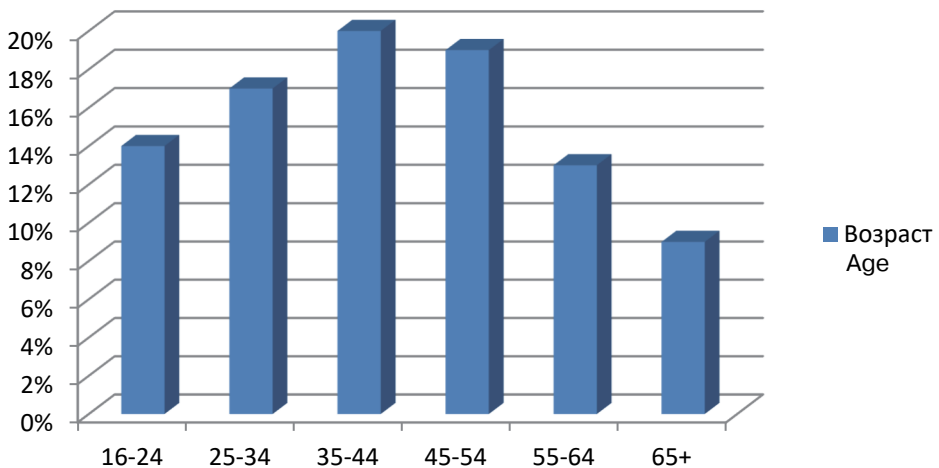

Рис. 4. Возрастной профиль пользователей интернета
Figure 4. Age profile of Internet users

Источник: Управление электронных и почтовых коммуникаций. URL: <https://www.akep.al/>
Source: Autoriteti i Komunikimeve Elektronike dhe Postare. Retrieved from <https://www.akep.al/>

Сегодня среди албанского населения уже ни у кого не вызывает сомнения, что электронные цифровые технологии в сочетании с интернетом и технологиями следующего поколения информационных сетей определяют будущее коммуникаций Албании и ее связей с внешним миром (рис. 3, 4).

Ближайшая перспектива

Индекс медиаграмотности (готовность бороться с постправдой и фейками) у Албании самый низкий в Европе, сравнимый с Турцией и Македонией. Из-за проблем с проверкой источников информации участились случаи публикаций фейков в интернет-СМИ, а также в социальных сетях. Некоторые эксперты видят решение этой проблемы в общении между профессионалами и в саморегулировании, создании здоровой медиасреды. Это основная цель, которая осталась недостижимой для албанских профессионалов в сфере медиа на протяжении последних лет.

Для граждан Албании интернет, благодаря интерактивности, эффекту присутствия и информационной насыщенности, а также за счет использования сетевой навигации, превосходит другие средства информации по возможности общения с существующими и потенциальными собеседниками. При этом интернет, как и любая коммуникативная среда, трансформирует и как бы «размывает» личность автора, что приводит к относительной анонимности пользователей. Для страны с традиционной культурой важно найти ответ на вопрос: как справиться с вызовами виртуальных коммуникаций, которые приносят в реальную жизнь непроверенную информацию. Есть ли ресурсы для самоконтроля и развития медиаграмотности или государству придется контролировать интернет?

Сведения об авторе:

Махмутай Блерина, аспирант, кафедра теории и истории журналистики, филологический факультет, Российский университет дружбы народов.

Bio note:

Blerina Mahamutaj, PhD student, Department of Theory and History of Journalism, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).